

СТАЛИЩА

A black and white portrait of Anatoly Lukyanov, an older man with white hair, looking slightly to the left. He is wearing a dark jacket over a light-colored shirt.

№11 (121) 1993г.

**Анатолий
ЛУКЬЯНОВ.**
**В России
всегда
хватало
политических
дураков.**

«SUUS»

☎ (095) 393-32-09, 324-03-75, 393-35-33

предлагает со складов в Москве:

КОМПЬЮТЕРЫ PC AT 486/33
PC AT 386/40
PC AT 286/20

сборка и тестирование США
сервисное и гарантийное обслуживание

ПРИНТЕРЫ STAR NX-1500
STAR XP-1500

**КОПИРОВАЛЬНЫЕ
АППАРАТЫ** SHARP Z-57
ТЕЛЕФАКСЫ PANASONIC
SAMSUNG

ТЕЛЕФОНЫ С АВТООТВЕТЧИКОМ
GENERAL ELECTRIC
CONAIRPHONE

РАДИОТЕЛЕФОНЫ

ВОДКУ И СПИРТ **McCormick (USA)**

Юнна МОРИЦ

ДАЕШЬ ХАРИЗМУ!

ХАРИЗМАТИЧЕСКИЙ ЛИДЕР — человек, наделенный в глазах его последователей авторитетом, основанным на исключительных качествах его личности, героизме, «святости».

Из БЭС, М., 1991, т. 2, с. 588

Где харизматический тип? Где благодать харизматической личности? Кто утрачивает харизму? Кто не утрачивает харизму? Это — волнующая проблема для тех и для около тех, кто имеет (имел, будет иметь) на даче семейные танки, гараж бронированных автомобилей, аэродром на крыше и виллу в подземном городе под (буквально) Москвой.

А для простолюдинов с их заботами простолюдинскими и дикорастущим юмором в слове «харизматический» — одни только хари маразматических вождей и фанатиков, харизматерно посылаемых в их подземные города. Лет 15 назад в Пекине показали подземный город западным журналистам. В какой-то их завели магазин, нажали на кнопку, и под звуки китайского гимна торжественно стал проваливаться пол у них под ногами, унося драгоценных гостей, в том числе и мою подругу, в освещенную тусклыми фонарями прорву. Нервный хохот на всех напал, поскольку вся эта церемония с торжественной музыкой сильно смахивала на гробовую провальность в дыру крематория. И потом, опять же под музыку китайского гимна, они гробовидно въехали из этого метрополя в тот магазинчик. Говорят, у них было такое чувство, что если даже очень большой коллектив, десятки тысяч людей проживут в подземелье достаточно долго, то на свет Божий вернутся они не совсем людьми, а не совсем человек — опаснее, чем совсем не человек.

В еженедельнике «Век» № 5 Ольга и Александр Обуховы пишут: «Китайцам, вообще, традиционно

свойственно стремление к гармонии и неприятие метаний из крайности в крайность. Завидное постоянство!» О да, я вспоминаю почтеннейшего, благороднейшего Го Бао Цюаня, доктора филологии, директора китайского института мировой литературы, который во дни хунвэйбинства был обязан ходить по улицам в униженном колпаке, в ошейнике, на котором болталась табличка с перечислением вражеских дел профессора, и сгибать при ходьбе свою спину так, чтобы всем желающим было удобно молотить по этой спине, ликуя от наслаждения и превеликого удовольствия («завидное постоянство!»). Я не говорю уж о тридцати двух мелочах, о том, что пришлось профессору выплюнуть все свои зубы, гармонично выбитые родными китайцами. Зато потом наступили в Китае счастливые времена, профессору сделали зубные протезы из лучшей в мире японской пластмассы; он жил, по китайским понятиям, в прекрасной квартире — без горячей воды и с плохим отоплением, подмерзая зимой; а по пятницам весь Китай экономил электроэнергию, и в 79 лет профессор ходил на работу по пятницам, пешком на 15-й этаж. И он премного был счастлив, что его уже не колотят на улицах от имени и по поручению хари харизматического вождя. Быть может, сегодня китайская экономика для нас — одно загляденье и прелесть, райские кущи и грядущее изобилье, но у меня еще не настолько отшибло память, чтобы начисто позабыть все кошмары китайской истории, да еще и завидовать этому постоянству и этой гармонии!..

Сегодня ездят в Китай завидовать. Сегодня в наших краях может все что угодно произойти. Режем хлеб и едим его на газетах, где фотоснимки трупов — зарезанных, изнасилованных, разрубленных на куски. Вот один таджик отрезает другому ухо ножом. Вот стена, у которой стоят живые за

пять минут до расстрела. Нет ничего такого, что было бы здесь невозможно. Магнат из республики, где нет бензина даже для машин скорой помощи, бодро скупает в Лондоне особняки. Женщина из Сибири просит купить у нее за доллары будущего младенца, готова отдать посреднику половину валютной выручки, — эта женщина хочет спасти от нищеты свою шестилетнюю дочь. Хасбулатов хочет бронированный автомобиль, охрану покрепче и заселить всю Москву депутатами. Президент хочет начать наступление на преступность, но преступность хочет от президента соблюдения законности. Только мертвый не хочет, а живой хочет все время и все подряд. Харизматики коммунизма хотя бы победы любой ценой, и вот-вот они переназовут себя социал-демократами, получится самая мощная, многолетняя партия с самыми крепкими связями и дисциплиной на всех уровнях. Ведь не секрет, что все крупные бизнесмены (люди дела), прозванные «грабиталями» и другими словами нехорошими, на вопрос, что же они ценят больше всего, отвечают хором: старые связи с ад-минист-ративно-хозяйст-вен-ным ап-пара-том КПСС, КГБ, МВД, ВПК... И уж все дружно хотят, чтобы вмиг исчезли проклятые пенсионеры, худо-бедно построившие все, что под музыку гласности сделалось личной собственностью и капиталом «грабиталистов» задолго до всякой приватизации.

«Да вы же — не люди, вы же ско-о-о-ты!» — кричат с хохотом две девушки в Филипповской булочной, зло и весело расплескивая швабрами огромную грязную лужу прямо в лица и на одежду входящих за хлебом.

«А стоимость оружия, ору-жи-я, в это входит?» — орет в телефон деловой человек в офисе на Арбате.

Но вечером в телевизоре большие психологи устраивают нам психотренинг, успокоительно повторяя: «Ничто

В НОМЕРЕ

1 ПОЛИТИКА

Л.Радзиховский:
«Непримиримая оппозиция» играет, блефует, но отнюдь не рвется сокрушить под корень сегодняшнюю политическую систему, в которую очень неплохо интегрировалась.

Л.Ионин:
Мода последних лет говорить о мертвых исключительно плохо — своеобразное извращение, подсознательное желание поддразнить того, кого мы боимся.

Г.Васильев:
Строго говоря, я ушел из мэрии не потому, что там ничего не делалось, а потому, что если что и делалось, то делалось как-то... шиворот-навыворот.

9

15

18

2 ЭКОНОМИКА

А.Иванов:
На юге Китая экономический бум, и если такие темпы сохранятся, то к 2000 году среднегодовой доход на душу населения в южных провинциях достигнет уровня многих европейских стран. Китайцы ощутили вкус нормальной, человеческой жизни и, похоже, уже никогда не согласятся на уровень жизни времен «большого скачка» или «культурной революции».

24

3 ЖИЗНЬ

А.Беляков:
После вмешательства Мосгоринспекции зачервившие консервы были отправлены обратно на склад, но не успели ли они до этого попасть в розничную торговлю и к неприхотливым нашим покупателям?

32

Е.Салина:
Среди пациентов детской психиатрической больницы асоциалов процентов восемьдесят. Но самое-то страшное, что они практически ничем не отличаются от тысяч других мальчишек и девчонок.

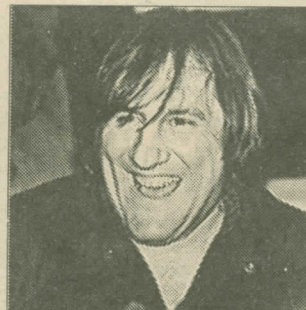

33

Н.Попов:
И только когда я вылезал из фургона, случайно обратил внимание на болтающиеся на его стенке... счетчики Гейгера.

40

4 КУЛЬТУРА

Жерар Депардьё:
Знаете, я снялся в 80 фильмах, где все время был Гамлетом. Я и в виноделии — Гамлет. Я и дома — Гамлет.

48

В.Кисунько:
Думаю, «Новая студия» — лучшее, что есть на нашем телевидении.

51

Д.Горелов:
Презентация книги Леонида Филатова в Театре эстрады завершилась благородным собранием.

56

Москва, 101425, ГСП, К-51, Петровка, 22
Телефоны: 928-23-49, 921-67-45
Телефакс: 921-29-85
Телекс: 413739 autp

Еженедельник «Столица» учрежден Моссоветом 2 июня 1990 г.
Зарегистрирован Государственным комитетом СССР по печати.
Свидетельство о регистрации № 84
Мнения авторов не всегда совпадают с точкой зрения редакции. При перепечатке ссылка на «Столицу» обязательна. Редакция в переписку не вступает.

С предложениями о размещении рекламы звоните по телефонам:
923-19-71, 928-83-40

По вопросам распространения обращайтесь по телефону:
928-27-69

Главный редактор: Андрей Мальгин
Заместители главного редактора:
Петр Смирнов, Владислав Старчевский,
Владимир Цыбульский

Коммерческий директор: Юрий Бычков
Директор издательства: Борис Рабкин
Ответственный секретарь: Анатолий Остроухов
Главный художник: Владимир Петров
Отдел общественно-политической жизни:
Александр Касатов

Отдел экономики и науки: Елена Эрикссен
Отдел правовых и морально-этических проблем: Елена Салина

Отдел искусств: Татьяна Савицкая
Отдел международной жизни:
Консуэло Серура

Отдел оперативной информации:
Кирилл Рыбак

Отдел писем: Наталья Туровская

Номер набран и сверстан в фотонаборном центре еженедельника «Столица» на системе «Скантекст—2000», поставленной фирмой «Аутопан» (ФРГ)

Номер подписан в печать 12.03.1993 г.
Тираж 100 000
Цена договорная

Над номером работали:
В.Цыбульский, С.Панов, Р.Катеева

© «Столица», 1993

Отпечатано в издательско-полиграфическом комплексе «Московская правда», ул. 1905 г., д.7. Зак. 0205

не имеет смысла, не имеет смысла ничто... все, что с вами было когда-то, не имеет смысла... и все, что с вами сейчас, не имеет смысла... и все, что с вами случится, не будет иметь никакого смысла... и все, что я вам сейчас говорю, не имеет смысла...» А по другой программе сидят в золоченых креслах Ельцин, Хасбулатов и Зорькин. Все харизму хотят! Пионерская зорька вот-вот заиграет. Кто-то где-то уже раздаёт пионерам пакеты секретные, конвертики, в которых указано, какое надо сделать добро: что посадить, что прибрать, что принести. А что еще найдут пионеры в таком секретном пакете в один из грядущих дней? Какое добро секретное, какое заданье? На кого донести, настучать: на отца, на мать, на соседа?..

Нет ничего такого, что у нас сегодня не могло бы произойти. Потому что нет ничего прекрасней для грабежа и разбоя, чем такая большая дорога, на которой все может произойти. Но главное — потому, что все страшно бояться быть свергнутыми. Однажды Зевс заманил на ложе любви титаниду и проглотил ее, чтоб она не родила ему сына, который его свергнет. Титаниде пришел конец, но Зевс потом говорил, что, находясь у него в утробе, титанида ему иногда советы давала оттуда... Вероятно, она, как проглоченно-опытный политаналитик, шептала ему из чрева нечто вроде: «Даешь харизму!»

У нас без харизмы никак нельзя. Поэт в России больше, чем... Сам себя выставляя в качестве образца благодарного любителя поэзии, главный редактор «НГ» Виталий Третьяков пишет: «Некоторых авторов я, как редактор газеты, люблю просто по их должности. И по их должности буду печатать все, что они напишут (не без редакторских хитростей, когда выживаешь то, что получше и поинтереснее). Должностей таких в нашей стране не так уж и много: президент России, спикер парламента, еще с десяток иных чинов, а также негосударственные должности — Вознесенский, Евтушенко (остальных называть не буду — их тоже немного)». Умри, лучше не скажешь! Читается почти как спецархивный документ, с которого только что сняли гриф секретности, — вполне могла бы стоять подпись Андропова. И далее, в том же тексте, идет уж признание совсем сокровенное: Третьяков гораздо выше, чем «Братскую ГЭС» Евтушенко, ставит «Лебединый стан» Цветаевой. Ах, какой кокет! А все от чего? А все от комплексов, от комплексного обеда независимости — из половины рябчика и половины коня. Потому и главный главреда «Независимой газетой» Дм. Галковский оказался просто

занудой с припадками харизматизма в судорожной форме. Такой харизматик никогда не потянет на должность шикарного скандалиста: ведь он харизматит во все стороны, методом тыка.

Да и сам Третьяков порой харизматит еще смешней: «Все, что мешает стабильности страны, должно быть отброшено». И как это до сих пор никто не додумался до такой неслыханной простоты?! Дело только за самой малостью: взять да отбросить все, что мешает стабильности этой страны. Однако вот нехорошая бяка: то, что делает стабильной страну для одних, нестабильной делает страну для других. Общее место: Вергилий считал, что Бог дал Риму империю до конца света, и Данте не сомневался, что править миром должны римляне, а вот у Господа Бога были совершенно другие планы. Не говоря уж о том, что у нас — другие Вергилии и самая стихоплетская в мире страна.

Сегодня самый огромный и самый страшный в этой стране капитал — терпенье ограбленных, развращенных вечным терпением и яростью той свободы, о которой у Пушкина все уже сказано. «Без денег и свободы нет». Те, кто пустят этот капитал ограбленного терпения в оборот, и те, кто допустят такой оборот событий, жутко еще пожалеют о волчьей свободе и алчной волчности бандитского процветания, бандитского бизнеса. И ни в какой харизматический авторитет не получится канализировать обиду и ярость на эту лживую, воровскую власть, презирающую народ. «Даешь харизму!» — вот ее вечный лозунг, выдаваемый за волю «трудящихся масс», когда нечем платить за труд. А народ, прокормленным занятым, весьма харизматерно посылает всю эту харизматю. Главное — выжить и удержаться чуть выше дна.

Однако есть у нас и свои веселости. Например, в «Московском комсомольце» 9 февраля под названием «Женская магия» огромный размеров интервью с умопомрачительной харизматичкой. Целую пятилетку состоит она в международном феминистском движении, стихи сочинять бросила, сочиняет успешно пьесы. Раньше пьесы ее не печатали потому, что была просто цензура, но потом их не печатали потому, что началась мужская цензура: «Просто пьесы мои неприятны обычному современному среднестатистическому мужчине. Фаллократия (это слово вполне приличное) появляется там, где фаллос слабенет. Это порождение мужского бессилия и общества с такими мужчинами... Концепция спасения человечества целиком связана с феминизмом. Это примат женских ценностей. Я считаю,

что гомосексуальная мафия в культуре — и голубая, и розовая — вещь чрезвычайно опасная. Структура мышления гомосексуального художника направлена не столько на любовь к своему полу, сколько на ненависть к противоположному». Интересно, какое слово как примат женских ценностей могло бы стать супротив фаллокрации, какая «...ократия»?.. Фаллос слабенет — клитор крепнет?..

Не знаю, каким способом постигала структуру мышления гомосексуальных художников сия феминистка, но лично я с наслаждением переводила на русский язык стихи замечательных европейских поэтов, которые были гомосексуалистами, — например, гениальный греческий поэт Кавафис, раненный красотой, алмазно острой, алмазно великолепной, и уж точно без тени малейшей ненависти к женщине.

Далее сообщается, что у героини «женской магии» были в юности очень большие комплексы. Но сейчас, когда вокруг нее «сложилась мифология женщины-вамп», она поняла, наконец, что: «Я — Париж, который нужно завоевывать!». Она прелестна: «Президентом я становиться не собираюсь. Но если бы у меня вдруг появилась такая безумная идея, я сделала бы феминистскую программу. За меня голосовали бы все женщины и интеллигентные мужчины. Феминизм — супердемократическая вещь. Домохозяйки — главная сила в обществе, а каждый интеллигентный мужчина — в душе феминист!»

Эта харизматичка-вамп сама от себя в бешеном восторге и упоении, все «прозреты» ее, сногшибательны, все идеи ее гениальны: «Соучастник абортá сразу должен выложить штраф, и после этого завтра ни в одной стране не будет абортóв». И вообще, все истинному гению под силу: «Должно быть что-то вроде: мама, ребенок и мамыны бойфрэнды», а мужская психология, оказывается, всего лишь «строится по принципу этажерки — две прямые, две параллельные». Надо же! А мы все голову ломали над этой загадкой.

Господи, как бессмертны строки Анны Андреевны Ахматовой:

*Могла ли Биче словно Дант творить,
Или Лаура жар любви восславить?
Я научила женщин говорить...
Но, Боже, как их замолчать заставить!*

О да, если наши отечественные кошмары плюс ко всему увенчаются президенткой-харизматичкой — тут уж, как говорится, так рванет, что мало не покажется!..

ЕСТЬ ВЫХОД!

Письмо русского путешественника

У меня есть сосед — ну, сволочь, одним словом. Не дает расслабиться. Я — на работу, а он — с собакой гулять: в одном лифте, его собака мне брюки нохает, а он долбит каждое утро про конституционный кризис:

— Надо президенту полномочия, а съезд послать к матери! Нет, соврал я тебе. Лучше вот: съезд назначает референдум, референдум выбирает учредительное собрание. Собрание принимает отставку президента, а он распускает съезд, спикера и Верховный Совет, а учредительное собрание самораспускается — так? Как ты? Солидарен?

Я уж не знаю. Всю башку мне забил. Хожу как ошалелый. Раз даже мимо пивного ларька прошел и не остановился — разве это жизнь? Жена спрашивает: живот, что ли, болит? А это я так думаю.

И придумал! Товарищи, из конституционного кризиса и насупленных соображений «на троих» Ельцина, Хасбулатова и Зорькина выход есть. Даже два выхода есть. Первый — идиотский, второй — природно наш.

Начну с идиотского. Он неожиданный и звучит как непристойность: надо немножко улучшить жизнь народу.

И вот уже все раскричались: еще чего?! Зачем? Какого рожна?! Народу надо — пусть себе и улучшает! Но погодите, слушайте до конца: я понимаю, что наше правительство существует не для посяблений народу, у его макушек и затылков задачи возвышенные, для трезвого человека малопонятные и спрашивать о них не наше собачье дело. Но! — я не сказал: улучшить. Я предложил: немножко улучшить, чуть. Для этого правительству не требуется сильно отвлекаться от основной работы. Тут не потребуются кровопролитные самопожертвования, вроде выхода в одиночку к очереди пенсионеров к себе, захода в рабочую столовую с вопросом: «Как живете, товарищи?» — или попыток поесть из потребительской корзины. Нет, хватит ерунды, дряни: скинуть червонец с водки, показательно расстрелять двух директоров рынков и объявить, что для парализованных и жителей сельской местности проезд в лифте останется бесплатным. И хватит!

Народ наш лишь с виду — льдышка, а чуть в ладони погреешь, так и расплывается. Он к ласке не привык. Почему Ельцин пошел дальше Напо-

леона и удержался в Москве? Чем взял? Тем, что поставил на улицах столики и велел продавать виноградный сок за одиннадцать копеек стакан на каждом углу. И эти «столики перестройки», как называло их западное радио, покорили и Москву, и Россию, и Кремль и остались в памяти народной!

И стоит теперь хоть немножко чего-то улучшить, чуть, даже не навсегда, на две недели, — народ президента и правительство никому не отдаст, стоя будет пить их здоровье, на улице миллионными выйдут, если что, а Верховный Совет и съезд будут только хвостиками махать в благоговейном молчании, кто ж поперет с голыми руками на танк? И Конституцию выберут мигом: на какую укажет президент — такую и выберут, какая нам разница, какая Конституция, если жизнь немного подвинулась: пусть сам выбирает какую — ему носить! Лишь бы теплая да по размеру.

А наши властители все меряются силой. Автобус не везет, а водитель, кондуктор и механик махают процентками, правами и кулаками и все поглядывают на нас: вы за кого? Да нам плевать на вас до следующих выборов — нам ехать надо! Что у вас там с мотором? Почему не везет? Скупаешь наблюдать: цены скачут и зарплаты скачут, но зарплаты скачут мяло и на каждом круге отстают больше и больше, а вы нам своей Конституцией!

Мой сосед обустроивает собственные шесть соток, но «первую постройку садового», отхожее место, еще не соорудил, и приходится ему, когда появляется настроение, чесать в ближайший лесок, чтоб поглядеть, как же выглядят вблизи все эти цветочки, листочки, травинки, и без стеснения рассказывает: «Одна беда: примешь боевую позицию, а тут — комары тучей! Сидишь и обеими руками, как мельница: шлеп! шлеп! шлеп! Знаешь, так увлекаешься, что невольно забываешь, зачем пришел».

Так и хочется спросить у наших кремлевских лоботрясов: мужики, а вы не забыли, зачем вы туда пришли? Все не для того, чтоб бить комаров друг у друга на голой заднице, и не валить нам на головы, что у вас там друг на друга накопилось. Народ у вас дремучий, его не волнует, кто кому голову отрежет и покажет своей супруге, если, конечно, встретит ее в бескрайней квартире, народ

не может расстаться с воспоминанием, что ему обещали улучшения.

Глядя на братские страны, сулили диковинное изобилие через две недели, самое большое — через два месяца. Обещали: терпите год — и вскорости улучшится, все пройдет. Ждем-ждем, уже подозрение мучит: а во «все пройдет» и жизнь входит?

Я понимаю, что с Горбачева спрашивать улучшений было бы несправедливо: у него каждый год наследство, оставленное коммунистами, оказывалось все хуже и хуже, и он терпеливо ждал, когда оно совсем помрет, объявляя каждый год решающим и переходным, — кто ж знал, что он еще восьмилетним поклялся на штурвале комбайна проникнуть в Политбюро и сгубить коммунизм.

Но ведь его-то сменишки завлекли нас: выберете — быстро улучшим. За ними были лучшие ученые силы, было время у них ситуацию пронохат, и они клялись: мы все прикинули, посчитали, распределили, команда наша бравая, и гладили брючный карман — у нас тут и программа есть, дело за вами — выбирать!

Ну выбрали!

Нет, я понимаю, что перед выборами чего только не пообещаете. И на самом деле: не все сразу. Но я ведь и не требую всего, может, и правда, нашим реформаторам Конституция жмет; но за два года чуть-чуть улучшить можно?

Я понимаю, что случаются разные непредвиденности и падения, но ведь случаются и невероятные везения. Кто ж предполагал, что доблестная КПСС с таким блеском перережет себе горло, за два дня сделав то, что никому не снилось добиться даже в десять лет?

Так чего ж теперь наши вожаки немного недоуменно озираются в родной стране, как первые люди на Луне, и не очень знают, как надо сделать, чтоб из коровы полилось молоко, и какая из себя эта корова? Ведь программа-то есть! А программа — это что-то постоянное, как вставная челюсть: всегда можно достать и убедиться — в какой мы точке? Работает, жует или менять будем?

Премьер с благовидной фигурой еще чего-то обещал, сменивший его премьер с благозвучной фамилией вообще как-то скван в разговоре, что производит впечатление либо вовсе незнающего русского языка, либо полного бессилия пообе-

щать улучшений.

Нет, если нашим коноводам не дают спать подвиги Николая II и они вслед за ним хотят сделать все для прихода к власти коммунистической партии, — тогда все верно. Но если им действительно охота закончить мордобой и взаимные плевки, хорошо бы чуть улучшить жизнь, извините за назойливость, народа. Но это, как вы понимаете, выход идиотский.

А есть и природно нашешенский, хоть почерпнул я его из сокровищниц итальянской мысли. Когда моя бабушка оказалась под оккупацией, в ее хату поставили на постой итальянца. Итальянец воевал в чине штабного радиста и из услышанных сообщений уже догадывался, что Красная Армия наступает и очень скоро доблестные итальянские части почти в полном составе лягут замертво вдоль рек Оскол и Валуй, что в точности и совершилось. И как-то в припадке грустных предчувствий он вдруг сказал: «Ах, и зачем только эта война. Вышли бы Сталин и Гитлер, стукнулись бы с разбегу лбами. Кто устоит — тот и выиграл!»

Это по-нашему! Чем кидать миллионы на референдум и съезды, надо просто стукнуться лбами Ельцину и Хасбулатову, а Зорькин будет рефери (от слова «референдум»). Отношения у них к такому выяснению истины уже подошли, правила простейшие: с трех метров, с короткого разбега, руки держать за спиной. Черные трусы, белые маечки. Хасбулатову можно высокий каблучок, чтобы разницу в росте скрыть.

Кто скопытится — того не любим.

Кто-то мне может заметить, что вопрос с первого раза может не решиться. Оба могут устоять. Тогда встречи надо сделать регулярными, провести их по миру с платными билетами: Западу же интересно узнать, как решится судьба России, мы им доставим такое удовольствие. Да мы столько зашибем на этом валюты, что лускай они скатают в трубочку и засунут себе глубоко в карман свои 24 миллиарда, мы им еще самим поможем!

Ей-богу, уж лучше развивать высокое искусство, а не глядеть покорно, как дело верно движется к самодетельности, к походу «стенка на стенку» миллионных митингов, областей и военных округов. Ей-богу, лучше обойтись малой кровью!

Александр ТЕРЕХОВ

ДОРОГА БУМАЖКА К ПРАЗДНИКУ

Восьмого марта москвичи отдыхали и поздравляли своих дам. Но душа настоящего бойца рвется в бой даже в праздник, и никакая женщина «фронтовика» не остановит. Посему именно 8 Марта бойцы Фронта национального спасения обклеили столбы, стены и вагоны метро своими листовками с призывом устроить новые «коридоры ненависти» собравшимся на VIII съезд народным депутатам. За что, спрашивается? Да все за то же — за «преступный сговор Ельцина—Хасбулатова—Зорькина», не позволивший оперативно сбросить «антинародное» правительство, президента и т.п. Предыдущий съезд, по мнению ФНС, не выполнил своей исторической миссии по сбросу и срыву. Надежд на новый съезд

«фронтовики» питают немного, иначе зачем листовки, зачем призывы к митингам и «коридорам ненависти» на Васильевском спуске?

Но вот Зорькина-то за что? За то, что он признал антиконституционным президентский запрет на деятельность оргкомитета ФНС? За то, что этим развязал «фронтовикам-спасателям» руки? Или за то, что разрешил компартию?

В отпечатанных типографским способом листовках там, где должна стоять дата митинга, — пробел, а «10 марта» вписано от руки: бумажка, выходит, готовилась давно, заблаговременно. В нужный момент вписывай число — и в бой...

Владимир ВОРОНОВ

Фото В. Шишова

НАС ПРЕДАЛИ?

Среди множества болячек, не дающих время от времени покоя российским властям предрержающим — народным депутатам, правительственным высоким чиновникам, — далеко не последнее место занимает проблема дискриминации русскоязычного населения в ныне совершенно суверенных государствах — республиках бывшего Союза ССР, в частности в Латвии. Конкретно речь идет о нерешенности вопроса гражданства для многочисленного некоренного (русскоязычного) населения, а также о целом веере острых конфликтов, связанных с пребыванием на территории Латвийской республики российских воинских частей.

И надо сказать, что обе стороны — и Латвия, и Россия — на самом, так сказать, высоком, государственном уровне не только признают наличие этих болезненных проблем, без всякого сомнения осложняющих сегодня и без того непростые и политические, и экономические, и культурные, и просто чисто человеческие взаимоотношения двух народов, и всерьез на официальном уровне декларируют свое обоюдное желание побыстрее их разрешить. Однако...

Однако, похоже, дальше деклараций о благих намерениях дело пока практически не идет. Во всяком случае, со стороны России, как самокритично признают некоторые российские народные избранные.

В частности, на недавно прошедших в «Белом доме» России парламентских слушаниях по реформированию армии именно такое мнение прозвучало из уст депутатов, членов специальной депутатской комиссии, побывавшей несколько дней назад в Латвии и познакомившейся там с условиями труда и жизни российских военнослужащих. Руководителя комиссии Юрия Юдина, опытного юриста, буквально потрясло то, что он увидел, побывав в сегодняшней Латвии: «Я никогда бы не мог себе представить, как в действительности обстоит дело с нашими согражданами, если бы не увидел все своими глазами, — сказал Юрий Алексеевич корреспонденту «Столицы». — Оказывается — и каждый член нашей группы в этом лично убедился, — латвийское правительство гораздо терпимее, человечнее, цивилизованнее относится к нашим, российским военнослужащим, с большим по-

ниманием и чуткостью, чем... собственное, родное, российское правительство!»...

На этих же слушаниях с трибуны аналогичными впечатлениями, с горечью делились и другие российские депутаты, приехавшие из Латвии. Так, член одного из парламентских комитетов, недавний замминистра иностранных дел Федор Шелов-Коведяев привел, например, следующий факт, поразивший его: «В Риге нашим военным пенсионерам платят пенсию 3000 латвийских рублей. Это, конечно, немного, но — самое удивительное, что платит им... Латвия, считающая их оккупантами и чужими, а от нашего, российского правительства эти люди не получили еще ничего — вообще ни копейки!»

Другой народный депутат — Владимир Анищев — свидетельствует: «Наши офицеры в Латвии буквально проклинают все российские власти, считая, что Россия их предала»...

На мой вопрос, в чем он видит причину столь, мягко говоря, странной российской политики, Юрий Юдин ответил категорично: «Наши высшие должностные лица не исполняют своих обязанностей!» И пояснил свою мысль:

— Ну, смотрите: Хасбулатов ездит по миру — то он в Саудовской Аравии, то в

Египте, то в Финляндии, то в Италии... Почему же его нет в той же Латвии? В Литве? В Таджикистане, в Армении, в Грузии?.. Его нет как раз там, где сегодня решается судьба россиян!

Туда он почему-то не едет... Так же, впрочем, как и президент. А если, скажем, министр обороны и приедет в какую-то из этих республик, то встречается он там только с генералами! А почему не с младшими офицерами? Почему не с солдатами?.. Они, что, недостойны высокого внимания?»

Народные депутаты России, побывавшие в Латвии, пришли к выводу, что решить трудные проблемы с армией и русскоязычным населением в бывших союзных республиках, в частности в балтийских, можно. Например, в качестве первого шага надо направить туда полномочную делегацию России, представляющую (на достаточно высоком уровне) и президента, и Верховный Совет, и правительство. То есть чтобы и наши балтийские партнеры поверили, что в России серьезные вопросы настроены решать серьезно. А не только громкими декларациями с высоких трибун или от микрофонов...

Григорий КРОШИН

Григорий КРОШИН

ПОЛИТИЧЕСКИХ ДУРАКОВ В РОССИИ ВСЕГДА БЫЛО МНОГО...

(полтора часа
и еще час
с Анатолием
Лукьяновым)

В самом фантастическом сне не могло привидеться такое: я сижу в теплой квартире высокопоставленного дома «улучшенной планировки», в стоптанных домашних тапочках, и веду неторопливую беседу о том о сем с совсем еще недавно вторым (а может, и первым?!), человеком в стране, которого в январе 91-го, то есть когда он был еще вселластен, журнал «Столица» назвал: «Слишком «серый кардинал» для перестройки»... С самим Лукьяновым, бывшим председателем бывшего Верховного Совета бывшего Союза ССР...

Впрочем, сам он себя никаким бывшим не ощущает. По крайней мере на людях (железная цоксовая закваска!) ведет себя так, словно ничего и не было — ни пренебрежи-

тельного манипулирования агрессивно-послушным большинством депутатов, ни методического подталкивания к путчу, а затем оглушительного позора на весь мир в августе 91-го, ни замечательно сыгранной им роли страдальца за демократию, узника совести в «Матросской тишине»... Но куда же нам всем деться от памяти?

Оценка его деяний — за судом. Но мы-то, «советский народ», отлично помним, чем на самом деле был «директор ВС СССР» и по совместительству лирический поэт — заклятый друг демократов из МДГ и родитель группы «Союз», «юрист-государствовед», ярый охранитель знаменитой 6-й статьи Конституции СССР и не менее знаменитой статьи 11¹ об оскорблении государственных органов, которой хотели обогатить наше законодательство.

— Анатолий Иванович, сейчас, после освобождения из «Матросской тишины», вы нарасхват у журналистов, вам задают много вопросов. Есть ли такой, который вам еще не задали?

— Есть. Никто ни разу как следует не поинтересовался, откуда у меня взялась такая убежденность в том, что события будут развиваться именно так, как сегодня. Почему же именно так? Очень просто: на эту огромную евроазиатскую страну хотят натянуть то американские джинсы, то европейский камзол. А она — особенная, не сопоставимая ни с американскими, ни с европейскими мерками. Она — и Европа и Азия вместе. Что характерно для этой страны? Первое — глубоко вросший в сознание народа коллективизм, противостоящий индивидуализму. Отсюда — общинная собственность на землю, особые отношения государства с личностью, патернализм и гордость гражданина за свою державу. Отсюда — прямой выход на земские соборы, вече, сходы, на Советы как форму го-

сударства. Отсюда и выход на главную мысль: такую огромную страну нельзя перевести на новые экономические рельсы за... 500 дней. Вспомните, сколько потребовалось большевикам, чтобы ликвидировать частную собственность? 10—12 лет! А у нас ставят цель — создать частную собственность — всего лишь за год-полтора?! На введение капитализма?! Абсурд.

— Да, о недопустимости возврата к капитализму было сказано много слов с трибуны недавнего II съезда компартии России, где и вы выступали. И еще раз повторили, что вы — за Союз, за возобновление союзных отношений. Но неужели вы верите, что такой обратный процесс возможен, реален? И не явятся ли ваши и других коммунистов призывы к воссозданию Союза сами по себе дестабилизирующим фактором для издерганного нашего населения?

— Хороший вопрос. Если обратно — в тот же Союз, то я против такого Союза. Пути обратно нет. Есть только путь вперед.

Я — за такой Союз, который вырастет из экономического сотрудничества, экологического, технического, культурного, постепенно дорастая и до политического. В чем же здесь вы видите опасность дестабилизации? В войне президентов с президентами? Ну так политических дураков в России всегда было много.

— Но мы говорим не о России с ее президентами, а о новом Союзе, где будут уже и президенты ныне суверенных стран. Как вы мыслите себе их поворот снова к Союзу?

— Так же, как и российских. Разница только в том, что если здесь могут быть прокапиталистические дураки, то там иной раз — профеодальные... Вот и вся история.

— Что, по-вашему, мешает интеграции сегодня?

— Политики. Я думаю, например: изменись линия политического руко-

водства России — будет быстрее двигаться интеграционный процесс. Об этом говорилось немало.

— **Кем говорилось?**

— Многими, в том числе и руководителями бывших республик.

— **Сегодняшними?**

— Да, сегодняшними руководителями бывших союзных республик. Потому что ведь распад Союза подтолкнули отнюдь не сами августовские события. Его подтолкнуло прежде всего то, что союзные министерские кресла и союзные силовые министерства в одночасье попали к... россиянам! Вот что испугало республики больше всего. Гавриил Попов пишет, что предполагалось... объединить должности президента Союза и президента России! Это же написано черным по белому! Такой план был совершенно неприемлем для большинства республик. То есть они боялись не столько Союза, он был уже очень слаб, сколько усиления России, имперских российских традиций.

— **Кто, если не секрет, вам об этом говорил?**

— Несколько руководителей бывших республик. И, судя по публикациям, их мнение и сейчас не изменилось.

— **Что вам не удалось?**

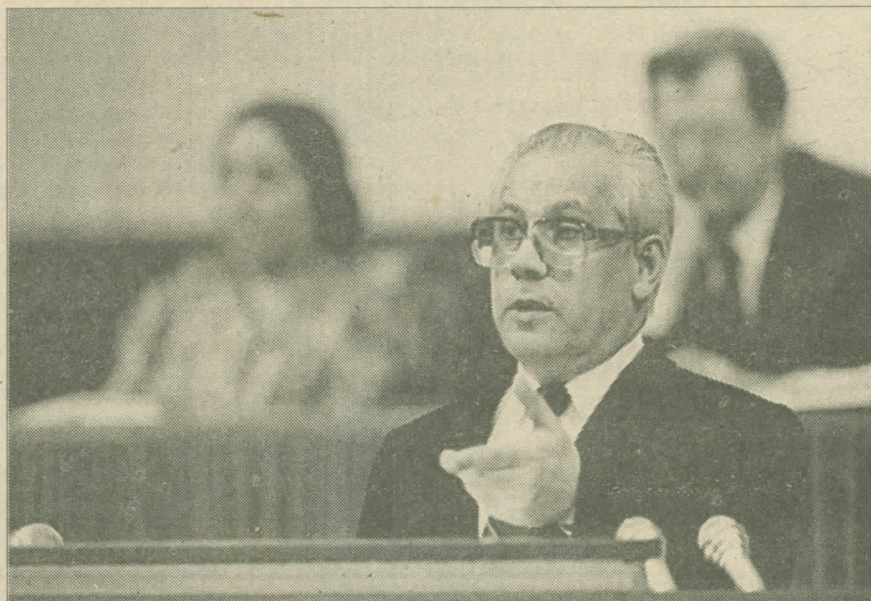
— Самая большая моя ошибка — не удалось уберечь Союз от развала.

— **Что же вам мешало сделать это?**

— А это как раз моя главная беда: я слишком доверял Горбачеву.

— **Мешал вам только Горбачев?**

— Не-ет, если бы Горбачев был один, то, я думаю, Политбюро и ЦК могли бы вести свою линию. Но вокруг Горбачева все время росла группа

На I съезде народных депутатов СССР, июнь 1989 года

Фото РИА—Новости

людей, тянувших его по совершенно иному пути: это Яковлев, Шеварднадзе, Примаков, Медведев... Они давно не были в восторге ни от советской власти, ни от социализма, ни от общественной собственности, ни от нашей федерации.

— **Чего вы ждете от предстоящего судебного процесса?**

— Думаю, что превратить этот процесс в уголовный не удастся. Это будет **политический** процесс. Если он, конечно, будет... Будут названы все герои и антигерои. И если кто-то думает, что этот процесс будет направлен только против Горбачева, то он политически наивен. Союз разваливал не только Горбачев. И против так

называемых гзачепистов тоже не удастся его направить: они занимались своими августовскими делами 73 часа, а следующие три месяца развалом Союза занимались другие люди, которые готовили этот развал задолго до августа.

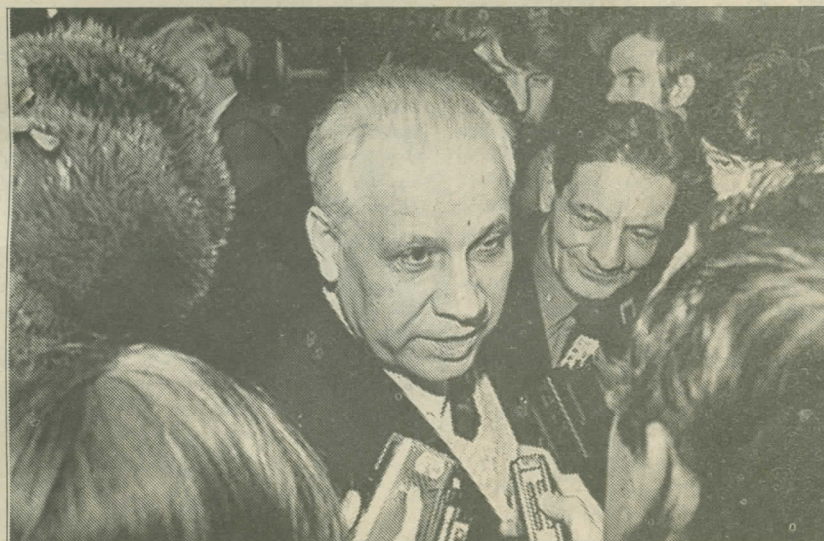
— **Как вы восприняли то, что вас выпустили до суда?**

— Я все время говорил: «Слушайте, вы же сами делаете из нас героев!» Находясь полтора года в тюрьме, я, как и другие мои товарищи, получал в поддержку многие сотни писем! Ясно же, чем больше это бы продолжалось, тем более лояльным по отношению к нам становилось бы общественное мнение. Я говорил прокурору: «Имейте в виду — в тюрьме мы для вас, может быть, опаснее, чем на свободе»...

— **Вы говорите: «гзачеписты», «они». Вы себя от них отделяете?**

— Я не входил в ГКЧП. Ни одного документа ГКЧП не подписывал. Не участвовал в его заседаниях. Моя задача была — спасти Верховный Совет. А позиций я своих не менял и менять не буду: полностью разделял и разделяю сегодня тревогу тех, кто входил в состав ГКЧП, за судьбу Союза, понимал и понимаю их стремление к преодолению кризиса, к недопущению разрушения конституционного строя. А то, что для этого нужны были чрезвычайные меры, это ясно каждому. Но я с самого начала говорил, что ЧП должно вводиться в законных рамках, был против введения комендантского часа в Москве, против ввода танков, против задержания народных депутатов.

— **Чем вы сейчас больше озабо-**

На II съезде коммунистов России, февраль 1993 года

Фото ИТАР—ТАСС

1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15

ченые: своим добрым именем или своей будущей борьбой за партию, за Союз?..

— Я, видите, уже седой. Мне 62 года. Я считаю, что в основном свою жизнь прожил. И политическую в том числе. Поэтому намечать что-либо на перспективу — трудно. Я хочу одного: чтоб была правда. Чтоб если и уйти из жизни, то со спокойной совестью.

— А если к вам придут и скажут: «Вы нам нужны в качестве лидера. Помогите». Что ответите?

— В течение месяца, пока я на свободе, со мной имели контакты различные партии и движения. Это было и раньше. Монархисты, кадеты, анархисты, коммунисты, социалисты — многие шли на контакты. Но я полтора года провел в тюрьме, из них полгода — в одиночной камере. Многого упустил, многого не знаю, мне надо осмыслиться, разобраться. Но одно я могу сказать твердо: я был и остаюсь в коммунистической партии. Их, правда, сейчас пять... Чему сегодня я в состоянии помочь — так это попытаться объединить их, что, по-моему, во многом удалось на II съезде коммунистов России, который состоялся в феврале. Как вы, наверное, знаете, делегаты избрали меня в ЦИК, Центральный исполнительный комитет. Цель моя такая: держать за фалды тех, кто хочет бежать впереди прогресса, а с другой стороны, не давать догматикам тянуть партию назад.

— А еще есть Жириновский...

— Это очередной миф «демократической» прессы! На одном из собраний он подошел ко мне и пожал руку, поздравиł с выходом на свободу. Это рукопожатие тут же показали телевизионщики. Но не сказали, что с его выступлением я был далеко не согласен. Например, с тем, что воссозданному Союзу нужна одна Личность, один лидер. Я сказал, что хватит, мы уже «наелись» лидерами, культами и ГУЛАгами.

— Все делегаты II съезда коммунистов говорят, что восстанавливают не КПСС, а какую-то новую компартию. Но лидером этой «новой» партии избран Геннадий Зюганов, бывший член Политбюро РКП и давний работник ЦК КПСС. Широко известны его лидирующие позиции в Фронте национального спасения, позиции с явной национал-шовинистической окраской. Да и сама КПСС, как мы все знаем, проводила «особую» национальную кадровую политику... Значит, новая партия коммунистов в этих вопросах не будет отличаться от КПСС. Вас это не смущает?

— Я лично не считаю ФНС национал-шовинистической организацией.

Но чем больше определенные силы в нашем обществе будут ориентироваться на Запад, тем сильнее будет Фронт национального спасения. Чем глубже они будут утопать в этом движении — антироссийском, антисоветском, тем сильнее будет ФНС. Как противодействие. Так же, как Горбачев работал на повышение рейтинга Ельцина, критикуя его, так будет и с ФНС. Так будет со всеми, кто начнет выступать против советского патриотизма!

Но! Если эта новая компартия заявит себя каким-то ядром Фронта национального спасения, то это будет опасный, убийственный шаг. А вообще Фронт — это массовая база оппозиции нынешнему режиму. Его пытаются изобразить шовинистическим, антисемитским, радикальным. Это не так. Там, конечно, могут попасться шовинисты, антисемиты, но для настоящего коммуниста шовинизм и антисемитизм — это неприемлемая вещь! Недопустимая ни в коем случае! И потом — где вы нашли шовинизм у КПСС, я тоже не знаю: коммунистическое движение было всегда интернациональным. Коммунисты, если они настоящие, — они интернационалисты. Если он шовинист, националист, сионист — он уже не коммунист! И, кстати, Зюганов никогда, на мой взгляд, не был шовинистом. Он — интернационалист, в ФНС пришел не из-за русской идеи, а из-за идеи державности, из-за патриотизма. И это правильно. Это же патриотизм — советский!

— Значит, вы считаете, что почвы для подобных опасений нет?

— Почва есть. Попробуйте не замечать того, что сейчас у нас почти полмиллиона русских беженцев, из бывших республик.

— На какие деньги рассчитывает новая компартия?

— «Демократы» же говорят, что номенклатурчики-коммунисты поменяли одежду: перетекли в СП, в коммерческие структуры, стали директорами фирм, акционерных обществ... Что ж, вы думаете, они нам не помогут? Главные же доходы, конечно, как и раньше, будут от взносов и издательской деятельности.

— И на содействие «Гражданского союза» вы тоже надеетесь?

— Там же тоже, как пишет проправительственная пресса, «сплошь бывшие коммунисты».

— Вы как-то сказали, что вы — «шестидесятник». О чем это вы?

— В дни смерти Сталина я уже был заместителем секретаря комитета комсомола МГУ. В этот период я вступил в партию. Это было время крупнейшего перелома, когда были и беглецы из КПСС, а был и прилив в нее.

Я — как раз из этого прилива. Тогда и гласность шагнула вперед, и законы первые демократические появились, и борьба с культом... Шестидесятники внесли тогда очень большое оживление в общественную жизнь. Ни от чего этого я не отказался!

— И последний вопрос, Анатолий Иванович: вам, человеку, обладающему определенным чувством юмора, не смешно ли все это — попытки всерьез воссоздать Союз, восстановить компартию?

— Конечно, я иногда с иронией наблюдаю за многими политическими играми российских политиков: «Порезвитесь, ребята, все равно вы повторите то, что уже описано тысячу раз Салтыковым-Щедриним и Сашей Черным»...

А что касается Союза и партии — нет, мне не смешно. Мы же воссоздаем новый Союз и новую партию.

Что ж, чувство юмора, похоже, покинуло Анатолия Ивановича. Он не считает себя ни смешным, ни бывшим. И не он один. Полтора часа я беседовал с Лукьяновым, а потом, в другой день, еще целый час «визировал» у него текст. «У меня правило: я ни строчки не публикую без визы», — строго пояснил А.И. Целый час он добросовестно «работал» над диктофонным текстом, всячески совершенствуя себя: вычеркнул первоначально названные фамилии республиканских президентов, причесал формулировки, касающиеся нынешних российских политиков и даже кое-где «подправил» мои вопросы...

Тут в дверь позвонили, Анатолий Иванович открыл, а вскоре в кабинет вбежал румяный, с морозца, популярный когда-то союзный депутат, петербургский профессор Анатолий Денисов, борец против теории относительности и за депутатскую этику, а теперь еще и за победу коммунизма в отдельно взятой стране. И мне: «А, знакомые все лица!» А Анатолию Ивановичу: «Вам Рой не звонил?»...

Действительно: знакомые все лица. Все те же. Они не считают себя ни смешными, ни бывшими. Они на полном серьезе готовятся к новой борьбе. За новый Союз Советских Социалистических Республик и за новую компартию ленинского типа. Словом, все грозит начинаться «по новой». Будем бдительны.

А что нам еще остается?..

*Россия — рана. Мощный шов
Пускай наложит Макашов.
Пусть демократов перебьет,
Ура! Ура! Переворот!*

Автор неизвестен

Леонид РАДЗИХОВСКИЙ

НЕПРИМИРИМЫЕ

По счастью, я менее известен, чем Аркадий Мурашев, и поэтому спокойно мог, спрятав более чем подозрительный нос в кашне, прошагать 23 февраля некую часть крестного пути плечом к плечу с лучшими сынами России. Поэтому, кстати, когда Невзоров со своим обычным тошно-сладким пафосом разливался по поводу демонстрации, что в ней, мол, незнанными участвовали 40 человек, я, грешным делом, подумал — неужто он это о таких, как я? Оказалось, к счастью, что у меня своя компания, а у него все же — своя, и он имел в виду каких-то стукачей, которые пришли отдать «последние почести» своему Крючкову...

Но — шутки в сторону. Я это пишу не «зубоскальства ради», хотя, как легко понять, смешного во время шествия «патриотических носорогов» вполне хватает.

Мне любопытно другое — насколько все «непримиримые оппозиции» похожи друг на друга. Помню примерно такие же по численности де-

монстрации «демократов» в 1989—1991 годах и пытаюсь сравнить.

Надо сказать, что внешне очень много сходного. Во-первых, необходимо признать, что одинаков общий пафос «долгой!». Во-вторых, сходен накал, легкое эмоциональное возбуждение болельщиков на «шагающем стадионе». Да и лица... Конечно, на демократических митингах было куда больше человеческих лиц и значительно меньше «морд», несомненно доказывающих, что человек произошел от обезьяны. Но и среди «патриотической общественности» вполне достаточно людей, по виду почти неотличимых от самых обычных, интеллигентного труда, москвичей, и, увы, среди завсегдатаев демократических митингов тоже попадались субъекты престранного вида и запаха...

Впрочем, нет, отрицать не приходится — воздух в патриотической толпе куда более спертый, агрессии значительно больше (агрессии не к «масонам», а «вообще», в том числе и

друг к другу, к соседям по толпе). А людей, которые, физически находясь внутри толпы, все-таки смотрят на происходящее со стороны, смотрят критически, — таких людей куда меньше, чем на митингах демократических.

И все-таки... Все-таки психологически все толпы похожи друг на друга. По крайней мере те московские толпы, которые мне привелось видеть за последние три-четыре года.

Что же реально общего у непримиримой оппозиции 1990—1991 годов и 1992—1993-го?

Непримиримость. Сегодня она с пеной на губах декларируется, в 1990 году ее вслух решалась провозглашать только «шутиха» всех митингов Новодворская. Но реально оппозиция была тогда не менее непримиримой, чем сегодня. Для всякого было очевидно — не против Лигачева (помните такого?!), вышли на площадь сотни тысяч москвичей «и гостей столицы». Против всей системы. И никакие частичные и т.п. уступки, никакие замены Полозкова на Купцова здесь ничего не изменят. Чем больше и дальше отступала власть, тем плотнее надвигалась оппозиция, тем жарче дышала ей в затылок.

Крутая демагогия. Некоторые темы («дайте эфир», «мафиозная власть», «привилегии») остались нетленными. Вечные оппозиционные темы, темы любой оппозиции. (Кстати, если сегодня дикторами на ТВ прирабатывают Константинов, Бабурин и Астафьев, то в 1990—1991 годах с экрана не уходили — даже на ночь! — Юрий Афанасьев, Попов, Собчак и т.д. Так

что с какой стати любая оппозиция непрерывно требует «дайте эфир» — одна из неразрешимых загадок оппозиционной психологии.)

В остальном же содержание речей резко сдвинулось. Соль и перец любого сегодняшнего оппозиционного митинга — самый злобный антисемитизм. Разумеется, ничего подобного на митингах 1990—1991 годов и вообразить невозможно было. Ну и, конечно, «серьезные» речи — о Великой Империи, Союзе, всемирных врагах и тому подобном.

Однако по внешней картине митингов судить о политике, шансах тех или иных политических движений — то же самое, что по грохоту консервной банки судить о породе собаки, к хвосту которой банка привязана.

Шум и гам, действительно, похожи тогда и сегодня, тот же «сумбур вместо музыки». Только вот ноты у этого сумбура совсем разные.

Во времена митингов девяностого года вполне было ясно, кому, какой группе номенклатуры выгодно, необходима непримиримая антиноменклатурная оппозиция. И ясно было, что эта оппозиция, выгодная верхам и эмоционально близкая низам, практически обречена на победу. Ясно было (да это особенно-то и не скрывалось), что даже «Сам», по крайней мере наполовину, за эту, якобы против него направленную оппозицию. Да, уж половина-то гордого и нежного сердца Михаила Сергеевича безусловно была отдана оппозиции. Другое дело, что результаты не совсем совпали с проектом, но в 1990 году М.С. несомненно ставил на своих «непримиримых противников» никак не меньше, чем на «непримиримых сторонников».

«Новая оппозиция» резко отличается от прежней.

Эта оппозиция действительно «непримирима поневоле». Сегодняшнее руководство России (Ельцин и его окружение) никак не заинтересовано в реальном продвижении по пути, на который, встав на цыпочки, указывает генерал Макашов. Если оппозиция за чем-то и нужна, в чем-то и полезна Ельцину, то только в одном отношении: на фоне ее безумных речей любое российское руководство хорошо смотрится, как меньшее из двух зол. Таким образом, создавая альтернативу, оппозиция помогает власти. Но если антигорбачевская оппозиция, в действительности, выполняла роль лоцмана, прокладывая путь реформам Горбачева, то «непримиримая оппозиция» Проханова-Бабурина выполняет лишь роль Серого Волка, которым власти пугают «среднормального» обывателя, а иногда, окончательно запутавшись — где игра,

где правда, пугаются всерьез и сами.

Итак, власть на сей раз действительно противостоит оппозиции.

Еще важнее то, что нет ни одной действительно сильной и богатой группы, ни одной группы элиты, которая была бы заинтересована в победе оппозиции. (Если, конечно, не считать «элитой» самих тт. константиновых.) Либеральная прозападная интеллигенция («дети Арбата»), и заскоузлая, «кувшинорылая» номенклатура, и черная дыра КГБ, и нефтяные шейхи Тюмени, и даже ракетно-ядерные бароны — все хотели капитализма. Уничтожение СССР было не слишком приятным довеском к этой операции, но они, в общем-то, с легким сердцем расстались с красной империей, обменяли ее на «зеленые». Этого российско-советская элита хотела в 1987—1991 годах, хотела все осознаннее и нетерпеливее. Этого же она продолжает хотеть и сейчас.

Крах системы, завершившийся в августе 91-го — январе 92-го, никак не разочаровал прорабов и архитекторов «перестройки». Главный социальный интерес той группы элиты, которая стояла во главе КПСС и антикоммунистической оппозиции, исправно удовлетворялся и удовлетворяется по сей день. Таким образом, в той же мере, в какой сильные элитные группы были заинтересованы в победе «непримиримой оппозиции» (в той или иной ее модификации) 1989—1991 годов, они не заинтересованы в победе «непримиримой оппозиции» 1992—1993 годов. Строй, который им нужен, в общем, достигнут — назовите его «капитализмом», «бандитизмом», «латиноамериканским вариантом», «посткоммунистической системой» или еще как-то изломайте язык. Государственное производство и частное присвоение и продажа, свободный выход на Запад с валютой через зал для «очень важных персон» и советские зарплаты для персон менее важных и... Да что тут перечислять! Надо было стряхнуть корону с головы и поймать ее руками. Стряхнули. Словили. И в карман положили.

«Вот я и миллионер!. Сбылись мечты идиота!» Сбылись. Новых глобальных мечтаний нет, а для преумножения (и сохранения) своих миллионов долларов никакой новый социально-политический переворот не нужен.

Нет, не получит «непримиримая оппозиция» поддержки элиты — ни на грош! Попугать друг друга этими дрессированными медведями — пожалуй. Но не более того.

Даже военная элита, на которую «новые непримиримые» возлагают особые надежды... Не только бунт генералов ни разу не обозначился, но

даже и новые декабристы, полковники, метящие в диктаторы-спасители Отечества, и то никак не проявились. Это вообще-то довольно странно: огромная армия, достаточно агрессивная, несколько не сопротивлялась мирной, антимилитаристской политике. Здесь нужно отдельное исследование: почему все угрожающие крики «генералы идут!» так и оставались чистым блефом. Но как бы то ни было — факт есть факт: произвести военный переворот в России технически несложно, но не было даже попыток такого рода, одни истерики на митингах да мрачные прогнозы в демократических газетах.

Итак, никаким верхам, никакой элитной группе сегодняшние «непримиримые» в качестве претендентов на власть не нужны. Но, может быть, это-то и есть самое ужасное? Может быть, они имеют шанс горячей магмой прорваться наверх, затопив и уничтожив всякий вообще культурный слой? Революция голых низов, не «окультуренная» никакой элитой, дикая революция потных лиц, оскаленных зубов и налитых кровью глаз?

Да, сегодня «революция непримиримых» могла бы быть только такой. Наличие «интеллектуальных люмпенов», вроде писателей из «Дня», в составе штурмовых колонн не делает это движение более цивилизованным или рациональным.

Конечно, есть определенные маленькие группы политических аутсайдеров, которые делают ставку именно на «непримиримых». Например, пода-

рок судьбы — я лично встретился с т.Шениным, бывшим узником «Матросской тишины», до того — членом ПБ и секретарем ЦК. И вот тут, глядя в его твердые, прозрачно-светлые глаза, я — о, ужас! — вдруг понял, что он не только играет, но и искренно верит во все это — и в сионистский заговор, и в мировые масонские козни. Верит даже в то, что я — один из «агентов влияния» мирового жидомасонства. Верит, боюсь, и в то, что Проханов — писатель, а Земля плоская и на трех китах стоит... И это ведь был один из важных политических лидеров КПСС-СССР, так ска-

зать, элита из элит.

В остальном и прочем ни о каких серьезных группах социально-политической элиты, поддерживающей «непримиримых», речи нет. Это не Гитлер, которого, пусть и с брезгливо-иронической улыбкой, кормили угольно-стальные магнаты Германии. Нет, оппозиция сегодня — классический всадник без головы. Тем ужаснее было бы, если бы этот всадник, сломав все заграждения, с Манежной перелетел на Красную, а оттуда напрямиком в Кремль.

Возможно ли это?

Оценивая шансы такой революции,

бессмысленно спрашивать, «кому выгодно». Самоубийства — в том числе национальные — никому не «выгодны». Однако же совершаются.

Если все же рассуждать рационально, то можно сказать одно: большинство лидеров «непримиримых», вроде Бабурина-Исакова, вполне примирились бы с должностью посла в Лондоне. Они играют, они блефуют, но отнюдь не рвутся сокрушить под корень сегодняшнюю политическую систему, в которую очень неплохо интегрировались. Ну-с, а хотят интегрироваться еще много лучше. Попользоваться этой сладкой властью? О, да. Но чтобы отрезать себе кусок пирога потолка, не стоит выкидывать весь пирог в окно, не так ли? Оппозиция как сила противостоит всей системе и элите? Да. Оппозиция как целое внесистемна? Да. Но лидеры этой оппозиции не хотят уничтожить систему. Они хотят лишь распахнуть элиту и пролезть в ее ряды — в рамках

существующей социально-политической системы.

Лидеров «непримиримых» я бы сравнил не с нацистами или большевиками, а с социалистами конца прошлого века. До того момента, пока социалисты не вошли в буржуазные правительства и смиренно не уселись на стульчиках с золочеными спинками, они тоже казались у-у-у-у-у какими Бармалееями! Казалось, приди они к власти, и землетрясение, пожар... А оказалось — ничего страшного, вполне себе тормоза включаются. Так что Астафьев или Константинов скорее смахивают на «социал-предателя» Мильерана, который первым, плотоядно улыбаясь, обменял революционное первородство на буржуазно-министерскую похлебку. Во всяком случае, глядя на холеные бородки этих парламентских революционеров, ясно понимаешь — собеседники на презентациях, депутаты противоположного лагеря, министры «временного оккупационного правительства» и гостеприимные западные послы им куда как ближе, чем массы, выходящие по их призывам на митинги, массы, которые они разжигают... играя в свою игру. Гнев масс — капитал лидеров, товар, которым они торгуют, пускают в оборот, надеясь обменять свои манифесты на настоящий капитал. Кто, знаете ли, приторговывает виноградом, а кто — гроздьями гнева.

Правда, были среди социалистов и большевики. Но что-то таких не вид-

но нынче. Не видно — веры, идеи, самоотверженности ранних большевиков. Верно, большевиком величает себя Анпилов, но мы так мало членораздельных речей сего господина слышали, что черт его поймет, что этот «Ленин сегодня» в действительности собой представляет. Самое внятное, что я лично слышал из его уст в телевизоре: «Дай шарф, а то простужусь». За слова не ручаюсь, за смысл отвечаю. Тут уж Анпилов был похож не на Гитлера или Ленина, а скорее, на Ньютона, обратившегося к коллегам по парламенту: «Закройте окно, ибо с Темзы дурно пахнет». Посему от окончательных оценок этого Вождя Народов воздержимся пока...

Ну а сами-то революционные массы? Кипит их разум возмущенный и в смертный бой вести — готов?

Без организации, лидера, какой-никакой идеи — готовы в бой?

Что же — высунем, насколько позволяет техника безопасности, нос из кашне. Тянет от соседей на митинге — кровью, гарью, безумием?

Честно говоря — нет. Пахнет весьма плохо, слов нет, но вот этого запаха — нет. Мало молодежи, а какая же без нее революция? Не видно и рабочих, а без этой «громады класса» — что за революция? Даже крутой шпаны, урлы, бомжей, этих «факельщиков революционного пожара» — тоже не слишком-то видать... Так — пенсионеры, какие-то яростно оскаленные старухи, сумасшедшие интеллигенты...

Демократы вообще сыграли прехитрую игру. Именно они сняли «пыльцу политической невинности» с наших сограждан. Им верили, верили в их личную честность. За пару лет своего иступленного воровства и хрумканья на глазах у обалделого народа они добились поразительного эффекта

— выработали рвотный рефлекс на слово «политик» и «политика» вообще. Причем отвращение относится именно к существительному «политик» — безотносительно к любым прилагательным («демократический», «патриотический», «экологический», «пылеводонепроницаемый»). Вера в политиков потеряна, от их смены огромное большинство граждан ничего не ждет и полагается только на себя. Спасибо вора? Вот такое созданное ими настроение — основа социального взросления, психологическая основа нормального гражданского общества.

...Демонстрация «непримиримых», как и все на свете, подошла к концу. Я был полон спокойно-иронического оптимизма, который сам себе внушил, и собирался достойно уходить. Но тут, увы, засек краем глаза одного знакомого журналиста-«памятника», и, вышибая общие рассуждения, в голову бросилась мысль: ох, узнает он меня... Подай-ка Бог ноги... А где ж разумные рассуждения, анализ, где оптимизм? Это все — потом, дома... А пока — но-ги, но-ги...

Отсюда — мораль. Оптимизм — очень хорошо. Но только на втором месте после инстинкта самосохранения. Надеюсь, что таково ощущение и у большинства нормальных граждан. А коли так, то — «так победим!».

На митинге 23 февраля работали фотокорреспонденты Э.КУДРЯВИЦКИЙ и В.ШИШОВ

**Открыта
подписка
на журнал
«Столица»**

**на второе
полугодие
1993 года!**

Стоимость подписки,
объявленная редакцией:

на один месяц — 196
рублей,
на три месяца — 588
рублей,
на шесть месяцев — 1176
рублей.

К этой цене местные
отделения связи приплю-
совывают свою надбавку.

Подписка начинается
15 марта.

АБОНЕМЕНТ на газету журнал **73746**
 «Столица» (индекс издания)
 (наименование издания) Количество комплектов:
 на 19 ___ год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

 Куда _____
 (почтовый индекс) (адрес)
 Кому _____
 (фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА
 П/В место литер на газету журнал **73746**
 «Столица» (индекс издания)
 (наименование издания)

Стои- мость	подписки пере- адресовки	руб. _____	коп. _____	Количество комплек- тов:
		руб. _____	коп. _____	

 на 19 ___ год по месяцам:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

 Куда _____
 (почтовый индекс) (адрес)
 Кому _____
 (фамилия, инициалы)

**По традиции
для подписчиков
«Столицы»
редакция проводит
лотерею.
Главный приз —
поездка в Париж
за счет редакции.**

КУПОН ЛОТЕРЕИ

Фамилия, имя, отчество (полностью) _____

Адрес (с указанием почтового индекса) _____

В каком отделении связи оформлена подписка на «Столицу» _____

Дата оформления подписки _____

Условия лотереи — на обороте купона.
 В № 27 «Столицы» за 1993 год
 будет опубликован список победителей.

ПРОВЕРЬТЕ ПРАВИЛЬНОСТЬ ОФОРМЛЕНИЯ АБОНЕМЕНТА!

На абонементе должен быть проставлен оттиск кассовой машины.

При оформлении подписки (переадресовки) без кассовой машины на абонементе проставляется оттиск календарного штемпеля отделения связи. В этом случае абонемент выдается подписчику с квитанцией об оплате стоимости подписки (переадресовки)

Для оформления подписки на газету или журнал, а также для переадресования издания бланк абонемента с доставочной карточкой заполняется подписчиком чернилами, разборчиво, без сокращений, в соответствии с условиями, изложенными в каталогах. Роспечати

Заполнение месячных клеток при переадресовании издания, а также клетки «ПВ—МЕСТО» производится работниками предприятий связи и Роспечати

Вырежьте купон, правильно заполните его, наклейте на открытку или почтовую карточку и вышлите на адрес редакции: Москва, 101425, ГСП, К-51, Петровка, 22, редакция журнала «Столица». В розыгрыше примут участие только те читатели журнала, которые оформили подписку в период подписной кампании, то есть с 15 марта по 15 мая включительно.

Уважаемые московские читатели «Столицы»!

Если Вы имеете
возможность
приехать за нашим
журналом в редакцию,
мы подпишем Вас
на второе полугодие
1993 года
по льготной цене:
780 рублей
(на полгода)
или 390 рублей
(на квартал)

Подписку можно
оформить в редакции
по адресу:
Петровка, 22
(вход с Рахмановского
переулка),
комната № 610.

Справки по телефону:
928-27-69

ДОРОГА К ХРАМУ? ИЛИ НА ПОГОСТ?..

Фото В. Шишова

Профессор
Института
социологии РАН
Леонид ИОНИН
беседует
с обозревателем
«Столицы»
Михаилом
ПОЗДНЯЕВЫМ

М.П.: Леонид Григорьевич, знаете, я давно себя ощущаю в диалоге с вами, помню ваши многие статьи; возможно, и вы вспомните публикацию в «Столице», в самый канун путча, — она озаглавлена была «После «Покаяния», — где, анализируя зашедшие в тупик духовные и нравственные искания эпохи гласности, я цитировал вашу работу о фильме Тенгиза Абуладзе как зеркале очередной русской революции... Недавно перечел тот ваш текст и увидел, сколь многие прогнозы оправдались, но главное — еще рельефней проступила, так сказать, физиономия общества в его реакциях на вопросы, без ответа на которые и жить-то нельзя, а мы — отвечать уклонялись десятилетиями. В той статье вы особое место уделите мотиву в фильме «Покаяние», о котором критика или говорила вяло и темно, или порицала режиссера за антихристианские тенденции, — я имею в виду выкапывание из могилы трупа злодея. Для вас же это — символ нашего сознания, ушибленного, изуве-

ченного тотальным злодейством: не мертвые хватают живых, но мы, живые, ища опоры, поминутно хватаемся за своих мертвецов... Казалось бы, смерть — частное дело каждого из нас, но, оказывается, отношения живых с мертвыми — предмет пристрастного внимания ваших коллег-социологов? Что же это за наука такая — некросоциология?

Л.И.: Это не стабильная, установленная дисциплина, это просто определенная круг тем, впрочем, довольно четко очерченных. Есть в социологической науке так называемая теорема Томаса, звучащая следующим образом: если ситуация воспринимается как реальная, то она реальна по своим последствиям. Если — конкретизируем — какой-то человек считает себя в долгу перед умершим, считает себя обязанным исполнить его волю, то, значит, этот умерший через живого привнесит изменения в ситуации и обстоятельства объективного мира.

Речь идет не о бессмертии в мисти-

ческом смысле, не о достоинстве отдельного человека перед лицом смерти, но об устойчивой совокупности норм, ритуалов и форм общественного поведения, сопровождающих и воплощающих в себе смерть. Ведь в социальной структуре любого общества, по сути, есть лишь два фундаментальных статуса: живые и мертвые. В совокупности своей они составляют народ.

М.П.: Наш народ, как мы затвердили, — новая, уникальная историческая общность. В этой связи — насколько уникальны некросоциологические наблюдения и выводы, сделанные на благодатной российской почве?

Л.И.: Видите, Михаил Константинович, в России вообще всегда был велик интерес к смерти — возьмите Льва Толстого или Николая Федорова хотя бы, два самых ярких в XX веке примера. Но в нашем веке это наложились на те невероятные гекатомбы, рядом с которыми и гекатомбы Чингисхана, и «черная смерть» — чум-

ная эпидемия, уничтожившая в XIV веке половину Европы, — в общем-то, бледнеют. Социологи и публицисты в этой связи обыкновенно говорят о геноциде — хотя само по себе достаточно проблематично, скудеет ли генофонд вследствие революций, войн и иных социальных бедствий. Например, Питирим Сорокин, знаменитый русский социолог, сразу после революции опубликовал несколько статей, разделяющих такую точку зрения, но еще через четверть века написал книгу «Человек и общество в бедствии» — и там, несмотря на то, что сам успел много чего пережить, да в придачу шла вторая мировая война, чрезвычайно убедительно показал, что вовсе не так безысходны последствия войны и подобных массовых бедствий для генофонда общества. Не смертельны, одним словом.

Но есть воздействие иное — морально-духовное, и это действительно страшно — когда стирается грань между жизнью и смертью, когда человек готов к смерти в любой момент. Нас убеждали: при социализме человека не гложет забота о завтрашнем дне. И этот тезис особенно активно пропагандировался как раз в те дни, когда человек не знал, что с ним будет завтра!

М.П.: Простите, а мы с вами, вот сейчас, в данный момент, разве знаем, что нас ждет даже не завтра, а через час?

Л.И.: Да, конечно... «нам не дано предугадать»... Но тут произошла чудовищная подмена. Ведь смерть способна вызывать разную социальную реакцию. Можно включить ее в нормальный обиход жизни и таким образом побороть в себе примитивный, животный страх перед нею. И можно закрыть на нее глаза, признать ее как бы несуществующей — но тем самым и признать себя побежденным ею. В первом случае — когда человек и его близкие заранее готовятся к переходу в мир иной, когда завершаются земные дела, возвращаются долги, принимается последнее причастие — смерть индивидуальна, то есть это часть конкретной жизни, и вместе с тем она — обществу: это факт жизни общины. Во втором случае — смерть не просто отторжена от жизни, она из жизни изгнана. Встарь в больнице умирали нищие да бродяги, а кто сегодня умирает в своей постели? Многие ли? За больничными стенами жизнь идет своим чередом, упоминание о смерти кажется неприличным. Врачи и родственники уверяют человека, что дело идет на поправку. В результате смерть никогда не предстает естественным итогом жизни, она всег-

да «внезапна», она происходит не от того, что жизнь кончена, а от физиологически фиксированного факта: спазм сосудов мозга, отек легких и тому подобное, что и записывается и осмысливается нами как причина смерти...

М.П.: Я вас слушал и вспоминал, как умирал Пушкин. Какое счастье, что ход его смерти зафиксирован современниками по часам и минутам, об этом мы имеем воспоминаний едва ли не больше, чем о жизни его! Прекрасная смерть! И ваши слова: смерть, наступившая от того, что жизнь кончена, — это ведь невольная цитата предсмертных пушкинских слов... А еще я вспомнил уже свежие попытки дознания того, как умирали великие наши соотечественники в сталинских лагерях. Мандельштам, к примеру. И, как правило, все утыкалось в стандартную бумажку, где причиной смерти указывалась пресловутая «острая сердечная недостаточность»...

Л.И.: Поскольку смерть изгнана из жизни, она утратила смысл. Она — абстрактна. И тут уже один шаг остается до того, чтобы даже массовые смерти стали абстрактными. Вы упомянули стандартную гулаговскую справку о смерти, а я вам другой пример приведу. Сталинские «воронки» с надписью «хлеб» или «молоко».

Большинство наших сограждан не хотело или боялось признать себе, что за кулисами жизни идет планомерное истребление миллионов людей. Да и внешне это не выглядело торжеством смерти. Разговоры о смерти были табу, существовал даже циничный эвфемизм «десять лет без права переписки». Я не склонен верить легенде о том, что Сталин под конец жизни замыслил массовые публичные казни на Красной площади: это выглядело бы как пошлый анахронизм.

М.П.: Выходит, что нам труднее прийти в себя, чем, допустим, нашим предкам после «опричнины», лишь оттого, что к «воронкам» с надписью «мясо» привыкнуть легче, нежели к песьей голове и метелке, привязанной к седлу чекиста времен Иоанна и Малюты Скуратова?

Л.И.: Массовые убийства средних веков и террор XX столетия — совершенно разные вещи. Нынешние жертвы и злодеяния сокрыты — и не потому, что власть боится отпора или маскируется, чувствуя свою неправоту. Они сокрыты потому, что смерть вообще неприлична. Ее моральный смысл утрачен. «Смирненное кладбище» Каледина — не свидетельство упадка морали, но дополнительное свидетельство аморальности смерти.

Но и второе: массовые убийства на-

шего времени технизированы и бюрократизированы. Вот это — феномен: сочетание сверхсовременной технологии смерти и языческого ее переживания (с одной стороны) — и панической боязни мертвых, граничащей с болезненной тягой к сожительству с ними, — это поистине какая-то новая форма язычества, дикарства. Христианского, просвещенного примирения с нашими мертвыми у нас не происходит и не предвидится.

Дикари полагали, что естественной смерти нет, что она всегда вызвана конкретной и противоестественной причиной. Смерть — всегда и только лишь клиническая. Не страшно ли свыкнуться с таким убеждением? И легко ли от него отвыкнуть?

М.П.: Простите, но я вам сейчас поставлю вопрос, который можно назвать провокационным. Ведь этот век был кровавым, циничным и безумным не только для нас. Но давайте посмотрим на американцев, четверть века изживающих «вьетнамский комплекс». Или на Германию, доньше воплощающую и в символические акты, и в реальные социальные программы свою вину перед евреями. Или — экономическое чудо, воскрешение Японии, после того как она учинила над собой форменное хакири... Что помогает им после тяжелейшей депрессии, и моральной и экономической, быстро и ценой малой крови встать на ноги, в то время как мы — все еще на четвереньках? Не связано ли это с тем — вернуться к вашей статье о фильме Абуладзе, — что слово «покаяние» на важнейшем, переломном моменте нашей истории прозвучало все? Ведь покаяние в христианской традиции, да и просто в человеческих отношениях, обязательно предшествует обновлению, перестройке всего человека, его духовному возрождению.

Л.И.: Выдающийся австрийский писатель Элиас Канетти — его самая известная книга «Массы и власть» недавно у нас издана — очень убедительно показал, что смерть — родная сестра власти. Смерть — последний довод власти и ее самое мощное оружие. И вопрос в том, насколько часто власть позволяет себе посылить в ход это оружие, прибегнуть к этому доводу. Тем более — обратив его против собственного народа. Я думаю, наш случай — беспрецедентный. И дело именно в этом, а не в том, что в Германии, скажем, президент фон Вайцзекер делает какие-то символические жесты во искупление вины перед теми, кто был сожжен в газовых камерах на немецкой земле, а у нас никто из участников сталинских репрессий не понес уголовного наказания... хотя и это важно. Дело в том, что в созна-

нии общества восторжествовал образ героя, у ног которого гора трупов. И мертвые у ног героя — не обязательно враги. Это — и кулаки, и «уклонисты», и «врачи-вредители»... Механизм власти очень прост. Она не всегда может завоевать поддержку со стороны живых, но в ее силах превратить мертвых в своих ревностных сторонников.

Мы в истекшие годы очень много говорили о ГУЛАГе, но практически ничего не говорили о войнах, из которых весь этот век не вылезали. А это — обстоятельство взаимосвязанные: нет у нас семьи, не принесшей жертвы на алтарь войны, как нет и семьи, обойденной повальным террором.

М.П.: И в это же время народными героями именовались как Буденный, Ворошилов и Жуков, так и Ежов, Ягода и Берия. Впрочем, ни тем ни другим не был заказан путь из разряда «героев» в разряд «врагов народа»...

Л.И.: Решающее условие для существования и процветания культурного, цивилизованного, просвещенного общества — стабильность. У нас ее никогда не было. Отсюда и тяга к героике — оборотная сторона тяги к смерти.

Вы, Михаил Константинович, писали об этой нашей тяге к героике в «Столице», склоняясь видеть в ней нечто сугубо комическое, но я бы вас и уточнил, и дополнил. Эта тяга происходит от патологической неспособности к гражданской жизни, она не предполагает прямых отношений с жизнью, творческих и смелых, она не предполагает в результате и прямых отношений со смертью, и, наконец, она не предполагает прямых отношений с властью. Наш «героизм», таким образом, не что иное, как гражданская, социальная пассивность.

Отношение к смерти на войне, в поединке с врагом — иное, чем в нормальной жизни. Смерть здесь выходит из тени. На первый взгляд кажется, что смерть или убийство противника обретают здесь моральный смысл. На деле это не так. На войне достойно умереть, но нельзя умереть достойно; на войне достойно убить, но нельзя убить достойно... Моральные представления извращены, потому что сама смерть в ее отношении к власти становится категорией морали. Источником морали является не Закон Божий, не совесть — но государство, а роль морального императива исполняет приказ.

Известна фраза доктора Геббельса: «Я освобождаю вас от химеры, именуемой совестью». Но ведь то же самое говорит своему солдату любое государство, вступающее в войну, любой правитель, отдающий команду о начале военных действий. Значит,

этому должно что-то противостоять. Какие-то иные нормы, иные понятия о приличиях, торжествующие в мирной жизни.

В мирных, нормальных условиях народ растет, так сказать, с обеих сторон, увеличивается и количество живых, и количество мертвых. Социальные изменения «наверху» ведут к социальным изменениям и в царстве мертвых. Там, «внизу», на верх общественной пирамиды выдвигаются новые слои, группы, личности. Так, до 1917 года элитой мертвых была аристократия — в том числе и духовная. После революции и гражданской войны в царстве мертвых на первый план выдвинулись бунтари и диктаторы. В ходе этого грандиозного процесса социального переструктурирования в обоих царствах количество мертвых резко увеличилось, количество живых уменьшилось. Произошла крутая смена элит — и «вверху», и «внизу».

Наглядным свидетельством изменений «внизу» стал в 20-е годы снос множества прекрасных памятников и замена их новыми. Вся социальная пирамида перестроилась. Гигантские массы мертвых начали «жить» по-новому, включились в общественные процессы.

М.П.: Но ведь, Леонид Григорьевич, то же самое мы и в августе 91-го увидели, и сегодня то и дело видим...

Л.И.: Да, например, на вершину иерархии в царстве мертвых поднялась торгово-промышленная элита...

М.П.: Будь у нас мир, тишь да гладь — и, я допускаю, вся эта смена иерархий, как «внизу», так и «вверху», протекла бы безболезненно и безобидно для каждого из нас и общества в целом. Но мы как будто в каком-то заколдованном кругу — и как жить? Ведь разумный и приличный «страх смерти», «Божий страх», то есть боязнь уйти из жизни, оставив по себе худую память, по-прежнему у нас замещается страхом жизни. Чем мафиози лучше следователя с Лубянки — если моя защищенность от их посягательства на мою жизнь равна нулю?

Л.И.: Простейший ответ: пока массовые злодеяния у нас остаются нормальными явлениями, пока безнаказанны преступники прошлых десятилетий, будет все более соблазнительна возможность начать все сначала. В этом смысле мы, конечно, нераскаянное общество, и Сталин и все прочие — с нами...

Но, извините, у меня есть еще подозрение, что такой садомазохистский комплекс... Не хочу модничать, но, может, он действительно свойствен русской натуре? Подтвердить это невозможно даже ста-

тистически... но это — интерпретация того, что, несмотря на все «оттепели» и «перестройки» и декларируемую готовность прямо сейчас войти в общеевропейскую семью, пока что мы несем с собой в цивилизацию все прошлое, мрачное, везде и всюду и всеми давно изжитое. Мы тащим, как та женщина из «Покаяния», на спине смердящий труп, вместо того чтобы раз и навсегда от него избавиться: прошлое должно существовать, но оно не должно нас подавлять, довлеть...

М.П.: Леонид Григорьевич, прошу, отбросив все эмоции, строго научно, скажите, какое все-таки противоядие необходимо нам срочно применить, чтобы избавиться от этого проклятого трупного яда? Что может сломать в нас эту привычку к умиранью? Может быть, сытость?

Л.И.: Я думаю, сытость ничего не изменит.

М.П.: Ускорение реформ?

Л.И.: Да нет, само по себе это тоже не даст скорого эффекта. Все в комплексе. Как говорил Достоевский, человек должен выделяться. Его нельзя враз изменить, насильно перенести в другое, лучшее общество. Это все должно вырастать, вырывать изнутри. Единственное условие, впрочем, которое я бы отметил, — что всем, начиная с властей предрешающих, нужно относиться к своему отечеству, к своей стране как к среде обитания, как к месту жительства.

Жительства — а не вымирания. Вы замечали, что в политических дискуссиях, рассчитанных на широкий резонанс, неизменно опирающихся на мнение и суд толпы, а не элиты, торжествует один совершенно прямой вывод? Стоит, допустим, Хасбулатову сказать: мы сделаем то-то и то-то — и тут же выйдет, скажем, Гайдар и скажет: хорошо, мы сделаем то-то и то-то, а потом — начнется государственное регулирование, плановое хозяйство, потом — концлагеря, потом — расстрелы. В любом здоровом, не зараженном, как вы выражаетесь, трупным ядом обществе такие вот короткие замыкания невозможны. Потому что между экономическими мероприятиями, преследующими конечной целью централизованное общегосударственное планирование, и расстрелами — в нормальном обществе нет и не может быть никакой связи.

Или — постоянные предупреждения о новом путче и попросту непрерывные уже разговоры о «получем переворот»... ну, помилуйте, отчего же смена кабинета или приход новых министров в условиях многопартийности, борьбы в парламенте нескольких фракций должны рассматри-

ваться обязательно с точки зрения того, когда нас с вами придут брать?!

Ведь все это — самое страшное, что только может быть сегодня в политике, и оно, конечно, порождает чудовищные последствия.

Я бы тут вспомнил одну песенку старую:

*Тело вскрыли и зашили.
Кровь из тела утекла.
Белой крови в тело влили,
Чтобы видимость была!*

Вот у меня ощущение, что власть и вместе с нею страна просто не свыклись с тем, что пора жить по-настоящему. Нельзя жить с искусственной кровью в жилах, с мыслью о каких-то наручниках, где-то припрятанных на «тот самый» случай, о новых лагерях, будто бы сфотографированных с какого-то спутника... когда и на запуск спутника-то денег у нас сейчас нет. Сумеем ли воскреснуть? Для начала давайте попробуем не шарахаться от собственной тени...

Максима отношения к мертвым: о них — или хорошо или ничего — это пережиток веры в духов мертвых, в их способность мстить живым, приобретенный черты морального правила. Мода последних лет говорить о мертвых исключительно плохо — своеобразное извращение, подсознательное желание поддразнить того, кого мы боимся. Нечто вроде языческих гаданий под христианский праздник.

Тяжба (так в пору назвать затянувшуюся дискуссию о судьбе тела Ленина), пошлая тяжба, склока о Мавзолее стала своего рода символом прошедших лет.

Самые величественные гробницы — это пирамиды и мавзолеи. Они построены с задней мыслью о том, чтобы до покойника не смог добраться кто ни попадя. Мавзолеи всегда охраняются, в пирамидах устроены лабиринты, ловушки без выхода обратно, замаскированные колодцы... Но археологи давно заметили, что все эти ухищрения рассчитаны на того, кто идет от гробницы наружу.

Живые всегда боялись мертвецов. Особенно тех, кто при жизни был сильнее. И очень резонно предположить, что лабиринты и ловушки приготовлены на тот случай, если мертвец вздумает однажды вмешаться в дела живых.

Но в таком случае возникает естественный вопрос: кого стерегут у входа в Мавзолей на Красной площади, кого ждут у приоткрытых дверей двое часовых с обнаженными штыками?..

Георгий ВАСИЛЬЕВ:

«Довольно я поработал на общество»

Немного в России найдется людей с такой пестрой биографией. Он — один из наиболее известных бардов поколения восьмидесятых годов, автор множества прекрасных песен. В 1990—1991 годах возглавлял исполком Октябрьского райсовета Москвы, несколько месяцев был заместителем генерального директора департамента мэра. В конце 1991 года песенник превратился в президента Московской товарной биржи.

С Георгием ВАСИЛЬЕВЫМ беседует корреспондент «Столицы» Борис ЖУКОВ.

— Георгий Леонардович, поговорим о вашей деятельности в Октябрьском райисполкоме. Вокруг проекта «КНИТ — Калужская застава» до сих пор кипят страсти. Многие считают его грандиозной аферой...

— Имеют право. Нагромождено уже столько вранья, что у меня попросту нет сил, да и желания эти завалы разгребать. Тут уж надо просто или верить или не верить.

— Но кроме параноиков, вопящих о «распродаже России», есть немало умных и честных людей, считающих этот проект мошенничеством...

— Вы хотите, чтобы я все-таки начал оправдываться? Ну хорошо, но только в чем? Знаете, когда меня за мою работу травил в Октябрьском райсовете, мне пришли в голову такие строки:

*Одна, но пламенная страсть
Мной безраздельно овладела:
Чего-то ценное украсть
И пострадать за это дело.
А то ведь вдруг случись беда,*

*Скоропостижно вдруг помру я, —
И не узнаю никогда,
За что страдал так, не воруя...*

Так что задавайте конкретные вопросы.

— Мне довольно трудно это сделать — я не очень представляю, как можно украсть участок земли.

— Особенно такой участок, которого в действительности не существует. Ведь мы же сдали в аренду шестьдесят гектаров площади, которой нет и никогда не было. Вы видели генеральный план Калужской заставы?

— Я ее саму, слава Богу, ногами во всех направлениях промерил.

— Ну и где там площадь, на которой можно строить?

— Разве что на откосах полотна железной дороги.

— Правильно. Эти шестьдесят гектаров — транспортная развязка. Проект предусматривал сооружение шести подземных этажей, которые затем перекрывались гигантской бетонной платформой, и уже на ней ве-

БАРД, СЛУЖАЩИЙ. ТЕПЕРЬ — СВОБОДНЫЙ КОММЕРСАНТ

Фото В. Кантора

лось бы наземное строительство. То есть город отдавал шестьдесят гектаров площади, которой у него в распоряжении все равно не было (для такого типа сооружений требуются специальные технологии, которых в России попросту не существует), а получал два миллиарда долларов валютных инвестиций, необходимые объекты инфраструктуры и, возможно, высокооплачиваемые рабочие места. Мы уже тогда знали, что проблема занятости скоро станет одной из главных, а нас все ловили на том, что мы установили арендную плату на пару центов ниже, чем можно было бы. Да черт бы с ней вовсе, с этой арендной платой! По сравнению с прочими приобретениями города от сделки она в любом случае составила бы гроши. И потом, вдумайтесь: мы, оказывается, продешевили при продаже несуществующего участка! Но о будущей массовой безработице тогда никто думать не хотел. А в результате из-за тупости и истеричности нескольких человек Москва потеряла два миллиарда долларов.

— Потеряла? Значит, проект окончательно похоронен?

— Я надеюсь, что все-таки нет. Это было бы просто преступлением.

— Хорошо, а ваша работа в мэрии? Как вы туда попали и почему так быстро оттуда ушли?

— Все очень просто. За год своего председательства в райисполкоме я разработал несколько проектов, важных для Москвы в целом, потом ими воспользовались во многих городах. Например, систему регистрации предприятий. Я собственной рукой подписал шесть тысяч свидетельств о регистрации. В то время это был прорыв. Другое мое детище — УКОСО, управление коммунальной собственности. Задача его была в том, чтобы создать легитимно-коммерческие структуры и таким образом отделить управление коммунальным имуществом от собственно власти. С помощью УКОСО район был за полгода проработан до последнего клочка земли. Было обнаружено свыше шестидесяти площадок для возможного строительства — пу-

стующих или используемых неэффективно. А ведь до того считалось, что в Октябрьском районе строить уже негде. (Кстати, УКОСО стало предметом особой ненависти наших оппонентов в райсовете: сразу же после нашей отставки они его ликвидировали, и теперь Октябрьский район — единственное место в Москве, где нет подобной организации.)

Вскоре после прихода в мэрию я разработал целый пакет проектов распоряжений мэра: о подготовке к либерализации цен, о развитии предпринимательства, о приватизации таксомоторного парка, службы быта и т.д. Я и поныне уверен, что, если бы эти меры были осуществлены, москвичи были бы достаточно надежно защищены в социальном отношении от издержек реформ. Но все эти проекты легли под сукно. И когда я убедился, что так оно и дальше будет, я просто ушел в коммерческие структуры.

— Почему так получилось? Были какие-то трения с Поповым?

— Да нет, меня, собственно, Попов и пригласил в мэрию. Но, видимо, он сам был не в силах что-либо сделать.

— То есть, по-вашему, система не позволяет ничего сделать, кто бы в ней ни работал?

— Система зависит от людей.

— Пришел Лужков — что-то изменилось?

— Ну, Лужков-то не «пришел», он был там с самого начала и только получил некоторые новые полномочия.

— Но ведь мэрия — это, по замыслу, совершенно новый орган власти. Уж в него-то можно было набрать новых людей!

— Откуда? Мосгорисполком не перестал быть Мосгорисполкомом от того, что его переименовали в мэрию. И совсем новый персонал туда, конечно, прийти не мог. Ну сколько-то там депутатов... А костяк остался прежним, и прежним же остался порядок подготовки и согласования решений.

— Насколько совершенными вы считаете — теперь, после работы в исполкоме и мэрии, — существующие властные структуры?

— Как сказал классик, все действительное — разумно. Они просто соответствуют сегодняшнему уровню развития общества. И медленно-медленно совершенствуются — опять-таки, вместе с обществом.

— По-вашему, переходить к более совершенным формам управления преждевременно?

— Вот как раз в этом вопросе я имею некоторый личный опыт. Видите ли, я принимал участие в реорганизации исполнительной власти в Москве и должен был стать председателем

комитета по административной реформе. В свое время я написал Попову записку о том, как следовало бы реорганизовать систему управления в городе. И некоторые идеи из этой записки впоследствии были осуществлены — самые смешные и в самой извращенной форме. Так, я писал, что в некоторых странах, — во Франции, в Японии — существует такая форма управления, как префектура — с префектом, супрефектами и т.д. И вот пожалуйста — все это сегодня имеется в Москве! Но я-то предлагал совсем другую схему — более мягкую, учитывающую интересы районных властей. А тут все было сделано в таком стиле, который я не приемлю, — прямо-таки шашками все порубали! Так что, строго говоря, я ушел из мэрии даже не потому, что там ничего не делалось, а потому, что если что и делалось, то делалось как-то... шиворот-навыворот.

— Вы нашли свое место в бизнесе?

— Видите ли, до сих пор я, собственно, бизнесом не занимался. Президент биржи — это исполнительная должность, он приглашается биржевым комитетом, представляющим интересы семисот собственников биржи, и подотчетен этому комитету. В общем, очень похоже на взаимоотношения председателя исполкома с советом. Президенту, как и всем служащим, запрещено участвовать в коммерческих операциях на бирже. Согласно контракту о найме, мне положены биржевые места, но до истечения срока контракта я не имею права ими пользоваться. Да и биржа как таковая — организация принципиально бесприбыльная.

— Любая биржа?

— Классическая биржа. Прибыль должны получать пайщики, участники биржевых операций, а не сама биржа. Ее задача — а значит, и моя как президента — установить и поддерживать такие правила игры, которые были бы одинаковы для всех и для всех же максимально выгодны. И тут мне удалось за год кое-что сделать. Скажем, мы уже создали фьючерсную биржу — своего рода госплан рыночной экономики. Считалось, что в России ее не будет еще года три-четыре, а мы сделали ее за год. Она уже работает и будет работать без меня.

— Вы что, уходите и из МТБ?

— Не из МТБ, а с должности президента МТБ. Я действительно не продлил свой контракт и перехожу из служащих биржи в ее пайщики. Этим заканчивается этап общественной деятельности в моей жизни. Я достаточно послужил обществу — в исполкоме, в мэрии и на бирже. Мне было

очень интересно заниматься всем этим, но за те же годы другие люди создали себе состояния... Если я и дальше буду терять время, мои дети меня потом не поймут.

— То есть мы не увидим больше Васильева — общественного деятеля, а только Васильева-коммерсанта?

— Да.

— Как соотносится ваша общественная и коммерческая деятельность с вашими песнями?

— А-а... Ну, можно считать, что я набираюсь новых впечатлений. Меня и в самом деле ведет в моей деятельности прежде всего интерес. В том числе и в коммерции: я, конечно, хочу зарабатывать, но главное — это интерес.

— Бардовские песни — и ваши в частности — писались как бы от лица... ну, не то чтобы «человека с улицы», все-таки от лица интеллигента, но живущего бедно — обитающего в казенной малогабаритной квартире, добирающегося на службу общественным транспортом...

— Да, и в самих песнях, и во взаимоотношениях автора с залом подразумевалось бессребреничество, как бы даже презрение к деньгам. И в то же время концерты были платными, авторы получали за эти песни деньги, поэтому уровень жизни у «среднего барда» был, во всяком случае, существенно выше, чем у его среднего слушателя. Мне кажется, что в такой ситуации было гораздо больше фальши, чем в нынешней, когда я зарабатываю хорошие деньги на основной работе и пою тогда, когда хочется, а не когда нужны деньги.

Понимаете, нормальное демократическое общество делится на массу разнообразных групп. Там нет этих десятков миллионов, живущих в одинаковых квартирах и ежедневно отправляющихся в один и тот же час на одинаковую службу. Понятия, интересы, юмор там либо внесоциальные, либо уж очень узкогрупповые: у фермеров — свои, у студентов — свои. Свои — у миллионеров, артистов, медиков, коммивояжеров и т.д. Такая песня, как «Большевики должны сдать власть», там была бы просто непонятной.

Так вот, я столкнулся с тем, что мои нынешние проблемы и интересы понятны и значимы только для очень ограниченного круга людей. Поэтому и в стихах, и в песнях у меня в последнее время преобладают внесоциальные, «вечные» темы.

Наклейки

отличного качества

по низким ценам

2-цветные — 1 кв.см — 30 коп.

3-цветные — 1 кв.см — 35 коп.

Визитные карточки
1- и 2-сторонние.

Тел. 921-44-91

Организация

поможет

купить

и продать

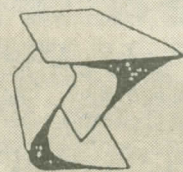
на Ваших

условиях

любые

квартиры.

Тел.: 292-56-16

TRUST Co., Ltd.

Служебный выезд

Визы, паспорта,

авиабилеты

Срочно

Тел. 269-81-00

Факс 269-82-21

ОРГАНИЗАЦИЯ

ПОКУПАЕТ
И
ПРОДАЕТ

КВАРТИРЫ

*Оплата в любой
удобной для Вас
форме.*

☎ 292-56-16

**ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОДАЕТ ЗЕМЕЛЬНЫЕ УЧАСТКИ
по различным направлениям до 100 км от МКАД.**

☎ 921-44-91

Я ЗНАЮ: ГОРОД БУДЕТ! (Если коммерсанты выложат деньги)

Москва не сразу строилась — она строилась по частям. То есть: встали на горе, махнули рукой вдалеку и решили — вот отсюда пойдет микрорайон. При советской власти это выглядело так: существовала генеральная схема застройки столицы, которая пересматривалась раз в пять лет. «В пятилетнем плане» обозначались районы массовой застройки, потом каждый приобщенный к делу архитектор заполнял отведенный ему участок. Схема эта нормально работала до той поры, пока у правительства не кончились деньги — строить город оказалось не на что. И тогда стало ясно: надо обновлять градостроительную политику, надо каждый кусок столичной земли сделать привлекательным для коммерсантов. Да еще так, чтобы и бедные были целы, и богатые сыты...

Концепции новой политики сегодня разрабатываются — методом проб и ошибок. Для того чтобы двигаться и попутно исправлять ошибки,

должно быть подходящее пространство. Центр столицы не из таких — там исторических памятников слишком много и чересчур развиты коммерческие амбиции.

Первопроходцем выступил Западный округ — он и к Центру близок, и для архитектурно-планировочного творчества вполне пригоден. За работу взялись муниципальные округа «Крылатское» и «Мосфильмовский». В результате «мосфильмовский» проект утвержден градостроительным советом правительства Москвы, «Крылатское» пока исправляет ошибки...

А началось все на уровне самодеятельности: супрефект округа «Мосфильмовский» О.Ахундов нашел коммерсантов и строителей в одном лице — строительный кооператив с труднопроизносимым названием ППСК ТЭЦ-25, а тот, в свою очередь, увлек глобальными планами людей творческих из архитектурной мастерской Сергея Киселева.

Чтобы привязать архитектурное мышление к экономике, придумали простую схему: объекты строятся, потом половина площадей поступает в муниципальную собственность, а другая половина идет на покрытие затрат инвестора, то есть сдается в аренду или продается по коммерческому ценам.

В жилой части района есть сегодня здания, построенные до 60-х годов, — эти дома будут сноситься. Есть пятиэтажки 60—70-х, не изжившие себя физически, но морально устаревшие, — они будут реконструироваться. И в обоих случаях людям не придется уезжать на окраины — они переедут лишь на 500 метров в сторону от старых домов, где будут построены новые 25-этажки. Самое благодатное место для творчества — промзона вдоль Киевской железной дороги. Из золотвала сделать насыпь, отгородиться от грохочущих рельсов, дальше поставить многоэтажные и подземные гаражи, а затем провести красивый спуск от жилых 17—18-этажек к безлифтовым четырехэтажкам и коттеджам у речки Сетунь — так, чтобы не фантазии, а твердые измерения авторов концепции.

Расчеты должны оправдаться: ведь при себестоимости около 50 тысяч рублей за квадратный метр половина площадей передается в муниципальную собственность бесплатно, а другая половина продается по коммерческой цене — тысяч двести за квадратный метр. Кроме того, часть земли будет оцениваться дифференцированно: коммерсантам инвесторам придется оплачивать каждый метр в зависимости от того, что они собираются с ним делать. Для строительства жилья — одна сумма, для офиса — другая, гостиницы — третья, супермаркета — самая высокая. Диапазон велик: от 15 до 970 тысяч рублей за квадратный метр. Так и появится свой окружной мини-бизнес-центр. А у Москвы получится первый опыт, и, возможно, вся система проектирования столицы будет изменена и архитектурным мастерским не придется зарабатывать на хлеб только дизайном и оформлением интерьеров, и можно будет решить проблему жилья и вопросы эстетики в общегородском масштабе.

А.Е.

«ВНЕШЭКОНОМБАНК» ДОЛЖЕН ВСЕМ. ДАЖЕ ИНВАЛИДАМ

Долгов у главного валютного банка страны столько, что хоть скидывайся всем миром по доллару, чтоб помочь ему рассчитаться хотя бы с самыми важными. Но есть долги и — Долги.

В 1989 году как раз и скинулись в валюте ряд крупных объединений угледобывающей, лесной и других отраслей промышленности, в которых травматизм работников особенно велик. По команде Совета Министров бывшего Союза деньги были переданы внешторговцам для закупки инвалидных колясок. Западные фирмы, желающие поставлять коляски в Россию, прошли жесткий конкурс. Их изделия рассматривали не только эксперты Министерства со-

циального обеспечения, но и самые суровые судьи — инвалиды.

Столкнувшись в споре за перспективный российский рынок, производители снизили цены на коляски до невиданного уровня. Достаточно сказать, что в магазинах Европы такая техника стоит втрое-вчетверо дороже, чем нам собирались продать по контрактам, подписанным «Союзвнешстройимпортом» в 1990—1991 годах. Но из 30 тысяч колясок (в числе которых есть и вовсе у нас не выпускаемые — детские, например) поступила половина. Остальные пылятся на складах Германии, Бельгии и бывшей Югославии. И будут пылиться. Потому что денег в оплату

своего труда производители почти не получили.

«Внешэкономбанк» прекратил операции, расплатившись с поставщиками лишь за 10 тысяч уже отправленных нам колясок. Дождутся ли инвалиды остального?

В феврале прошлого года Егор Гайдар распорядился «разморозить» деньги инвалидов и «в первоочередном порядке» расплатиться по контрактам. За минувший год каких только счетов не «разморозили», чего только не оплатил Минфин, в том числе и покупки обычного ширпотреба, на миллионы долларов! А мизерная в масштабах страны сумма в 3 миллиона остается невыплаченной.

Лежит себе распоряжение в папке «первоочередных» и лежат люди в кроватях, неспособные без помощи техники даже добраться до окна своей квартиры.

Алексей ЗИНОВЬЕВ

Рис. В.Чумачева

КИНЬ ГРУСТЬ!

В Елисейском появились в продаже авокадо и манго. Народ поначалу шарается от тропических диковин, но потом встает в кассу. Дефицит тает на глазах. Похоже, скоро недоставать нам будет только анекдотов. Наверное, их стало некогда придумывать. Поэтому я бережно записываю все анекдоты. Вот, к примеру, один из последних. Несут гроб, а в нем вполне дееспособный человек. «Вася, это тебя хоронят?» — спрашивает потрясенный приятель. «Ну». — «Так ты же живой!» — «А их это колыхнет?»

По-видимому, ни Вася, ни те, кто готовились к поминкам, не читали сообщения агентства «Постфактум», иначе немедленно прервали бы ритуал. Недавно на заседании правительства Москвы было объявлено, что похороны одного человека стоят 100 тысяч рублей. Траурная статистика времен перехода к рынку удручает. 57 кладбищ, расположенных в пределах города, могут принять на покой только пять процентов усопших. Поскольку энергия дорожает, сократилось аж на 8 процентов количество кремаций, что дало дополнительную нагрузку на лопаты профессиональных проводников на тот свет. Так что в этом году будет спешно построено Перепечинское кладбище, а впоследствии расширены Домодедовское и Щербинское.

Хочется сказать: не умирай, Вася! Не вводи в разор себя и семью. Посмотри, сколько хорошего происходит вокруг. В Москве открылся межрегиональный аукцион. Гони ваучеры и покупай акции двенадцати столичных и четырех иногородних предприятий. Только Влади-

мирский тракторный завод предлагает купить четверть своего уставного капитала. А в марте подобные аукционы появятся в десяти городах назло сторонникам четвертого варианта приватизации. На них предполагается толкнуть более 170 крупных предприятий.

Широко шагает капитализм! Вернее, едет. КамАЗ собирается выпустить собственный 200-местный автобус. По дизайну он мало отличается от «икарусов» и «мерседесов». В Екатеринбурге же решили не соревноваться с заграницей, а наладить на оборонном «Уралвагонзаводе» производство машин венгерского образца, более привычных для пассажиров. Неожиданно разбогатевшие республики не обременяют себя производством. Туркменистан, к примеру, купил 15 «ситроенов», отвалив за каждый по 14 с лишним тысяч долларов. И теперь они будут разъезжать по Ашгабату в качестве такси. Так что на городских трассах, похоже, начнется конкуренция.

Не умирай, Вася! Кинь грусть, как говаривали в старину. Устройся на хорошую работу. Налоговым инспектором, к примеру. Вон один такой умелец, фамилию которого скрывают, открыл в коммерческом «Югмобельбанке» счет на 3 миллиона рублей. Причем при пересчете вносимой наличности были обнаружены две фальшивые купюры по 5 тысяч каждая. Вот тебе и инспекция, которая нас бережет!

Может, у того инспектора стаж работы был невелик, опыта маловато... Вот в Татарстане трудовые книжки будут выдавать с девяти лет. Там вышел закон о государственной молодежной политике, который разрешает принимать на «посильную работу» детей с де-

вятилетнего возраста. И ничего плохого, думаю, в этом нет. Пусть будущие рок-феллеры начинают трудиться в организованном порядке, а не бегают с тряпками возле машин на перекрестках, подвергая опасности свою жизнь и лобовые стекла.

Труд облагораживает. И не только человека. В стаде ульяновского сельхозинститута есть черно-пестрая корова Ива. Ежесуточно она дает по 37 литров молока. А в год набегает 10 985 литров! Так что не оскудела, Вася, Россия рекордами.

Не грусти, Вася! Вылезай из гроба, доставай из шкатулки доллары и чеши за границу, пока не поздно. Привези оттуда много товаров — хороших и разных и продай по свободным ценам. Ведь по президентскому указу физическое лицо может ввезти из-за бугра всяческого добра на 10 тысяч долларов. Спешите, Вася! А то с подачи Государственного таможенного комитета ведется работа над другим президентским указом. Если, не дай Бог, он будет принят, каждый сможет провезти товаров только на 200—300 долларов. Таможеники, удрученные тем, что не могут хватать коммерсантов за руку и карман, ссылаются на зарубежный опыт. Но они забывают, что там и своих товаров хватает.

Ох уж эти радетели государственных интересов! Вечно у них руки чешутся что-нибудь запретить или усложнить нам жизнь. То ликвидируют уличную торговлю, то велят поставить в каждый киоск кассовый аппарат. Впечатление такое, что призрак коммунизма все еще бродит по Европе. А лучше бы ему лезть в гробу. Вместо Васи.

Александр АГОПОВ

ЭКО-НЕВИДАЛЬ

ПУСТЬ АТОМ НЕМНОГО ПОПЛАВАЕТ

Российские ученые принимают участие в переговорах о создании в Израиле... плавучих АЭС. Об этом корреспонденту ИТАР—ТАСС поведали в российском научном центре «Курчатовский институт». Плавучая станция представляет собой аналог атомного ледокола, дополнительно оснащенного опреснительными установками. Такое судно может работать всюду, где требуются пресная вода и электричество. Так что экономические проблемы, характерные для Ближнего Востока, заставляют трудиться исследовательскую мысль. Пока переговоры находятся в начальной стадии. Не исключено, что Израиль объявит конкурс на лучший проект. Но наши атомщики — оптимисты.

НОСТАЛГИЯ ПО РЯБИНЕ НА КОНЬЯКЕ

С молотка пустили «застольные времена» предприимчивые ребята из самарской торговой фирмы «Империя». Они выставили на аукцион «любимые вина Брежнева». Как и десять лет назад, на витрине стояла рябина на коньяке с ценой на ярлычке 4 рубля 30 копеек, мускат по 4 рубля. Но уже через минуту после начала продажи все стало на свои места, и ящик муската — 12 бутылок — был благополучно продан за 20 тысяч рублей, а 10 поллитровок «Смирновской» нашли своего хозяина за 10 тысяч. Единственное преимущество, которое получили счастливые обладатели «застольных времен», — это право на 10-процентную скидку при последующих пяти покупках в новом магазине.

ХАСБУЛАТОВУ ПОНРАВИЛОСЬ

Златоустовские умельцы приспосабливаются к рынку. Поскольку спроса на булатные клинки нет, производственное объединение «Булат» приняло сугубо мирный заказ. Здеешним мастерам предстоит изготовить 25 экземпляров гравюры на стали с изображением российского «Белого дома». Уральцы предполагают, что творение местного художника Сергея Чернова станет самым престижным сувениром для гостей и хозяев этого здания. Во всяком случае, сообщает местная газета «Народная дума», первый и пока единственный экземпляр «Белого дома» в златоустовском исполнении пришелся по сердцу Руслану Хасбулатову. Он был восхищен фотографической точностью исполнения и изящной вязью обрамления гравюры.

БРОСИТЬ ВСЕ И ПОЕХАТЬ В «ЗАРЮ КОММУНЫ»

Колбаса по двадцать, а сливочное масло по одиннадцать рублей! Оказывается, такое тоже бывает. Надо только быть работником колхоза «Заря коммуны» в Тверской области либо нетрудоспособным членом семьи колхозника и пенсионером этого хозяйства. Все началось с того, что председатель колхоза Владимир Соловьев присмотрел в районном центре Кувшиново выброшенное оборудование для колбасного производства, подобрал его, отремонтировал и открыл цех по производству вареной и полукопченной колбасы. Затем колхоз взял в аренду завод и стал делать сливочное масло. В планах — оборудовать хлебопекарню. В Твери некоторые кандидаты наук, прозван о дешевой колбасе, говорят: «А не послать ли все и поехать в «Зарю коммуны».

Александр ИВАНОВ

БОЛЬШОЙ КИТАЙСКИЙ ПРЫЖОК

Фешенебельные магазины вдоль улицы Сичжен завалены японскими видеокамерами, кроссовками «Рибок», французскими коньяками, портативными телефонами и шоколадом «Сникерс». Ближе к вечеру караокэ-бары и ночные клубы забиты до отказа и в затемненных залах дискотек посетители ждут чистенькие и симпатичные девушки в мини. Это Гонконг? Нет, это самая обычная зарисовка из жизни китайского провинциального городка Дунгуань.

В этом городке, что находится всего в 50 километрах севернее Гонконга, совсем недавно на деньги инвесторов из Гонконга и Тайваня в мгновение ока выросли 6 тысяч небольших предприятий, выпускающих игрушки, электронику, одежду и многие другие товары на экспорт.

Итак, добро пожаловать в «Объединенный Китай»! Экономические границы между Гонконгом, Тайванем и быстроразвивающимися провинциями юга КНР постепенно стираются. Подобного роста экономической интеграции и кооперации в настоящее время не наблюдается нигде в мире. Инвестиции и предпринимательский опыт Гонконга постепенно превращают юг Китая в новый промышленный гигант Азии, в «маленького дракона», призванного повторить в короткие сроки путь самого Гонконга, Тайваня, Сингапура и Южной Кореи.

Формирующаяся общность — так называемый Объединенный Китай — пока не является политически легитимированным единством или торговым союзом, организованным волевым решением «сверху». Наоборот, он успешно склады-

вается «снизу» благодаря общности культуры и стремлению делать деньги.

Сегодня уже можно смело вести речь о сложившемся «китайском производственном треугольнике», состоящем из технологии и финансовой мощи Тайваня, международного опыта маркетинга Гонконга и ресурсов континентального Китая: земли, рабочей силы, сырья и, что совсем немаловажно, огромных амбиций. В перспективе треугольник может стать экономической супердержавой, сравнимой по многим показателям с Японией.

Китайские предприниматели, живущие вне КНР, превратили провинцию Гуандун, граничащую с Гонконгом, в наиболее открытую, вовне и процветающую часть Китая. В то время как ее население составляет всего 6 процентов населения всей страны, экспорт провинции составляет почти четверть всего китайского экспорта.

Вот уже более десяти лет темпы роста экономики в этой провинции составляют в среднем 12 процентов в год, что является одним из рекордных показателей в истории экономики страны. Если такие темпы сохранятся, а пока нет никаких признаков спада, то к 2000 году среднего-

довой доход на душу населения в провинции Гуандун достигнет показателей, сопоставимых со многими странами Южной Европы.

Однако это не предел. Темпы роста потенциально могут быть и выше, если «бюрократы», засевшие в центральном правительстве в Пекине, перестанут ставить палки в колеса стремительно набирающей ход экономической машины Гуандуна.

К счастью, «центральных» бюрократов с годами становится все меньше и меньше, хотя до сих пор сбрасывать их со счетов преждевременно. Большой авторитет — Дэн Сяопин пытается убедить своих престарелых и во многом закостеневших соратников-марксистов в том, что Южный Китай представляет собой экономическую модель для всей страны. Именно для достижения этой цели он изобрел термин «социализм с китайской спецификой».

Несмотря на достаточно преклонный возраст (88 лет), в прошлом году Дэн принял широко освещавшуюся в средствах массовой информации поездку на юг Китая с посещением специальных экономических зон, где декларировал принцип:

«Быть богатым — почетно». Он употребил, кажется, все свое влияние и способности, чтобы убедить правительство в необходимости углублять экономические реформы, ускорить реформирование промышленных предприятий госсектора и процесс интеграции экономики страны в мировой рынок.

За полтора десятилетия реформ Китай добился значительных успехов в развитии сельского хозяйства, сферы мелкого и среднего предпринимательства, начал активно экспериментировать с созданием и развитием рынка ценных бумаг, развил внешнюю торговлю и создал достаточно благоприятные условия для привлечения зарубежных капиталовложений.

Однако сегодня правительство страны лицом к лицу столкнулось с необходимостью идти дальше — «оживлять» промышленных динозавров госсектора, рационализировать византийскую по своей замысловатости банковскую систему, систему налогообложения и, самое главное, снизить степень вмешательства правительства в экономику.

Намерения благие, спору нет. Но в то же время теоретически достаточно эффективные реформы зачастую на практике наталкиваются на противодействие как в различных партийных структурах, так и в некоторых министерствах. При всей перспективности проводимых преобразований неизвестно, хватит ли политической воли у китайского руководителя довести реформы до конца. Трудно предположить, что китайские лидеры не понимают одной простой вещи: освобождая от своего контроля экономику, они создают серьезную угрозу собственной власти, рубя, иными словами, тот самый сук, на котором сидят.

Тем временем предприниматели из Гонконга и Тайваня, стараясь «не вдаваться» в политику, активно перемещают промышленное производство в Южный Китай. К подобным действиям, сопряженным в ряде случаев со значительным риском, их подталкивают самые прозаические причины. Обученный рабочий в провинции Гуандун зарабатывает примерно 100 долларов США в месяц, что в три раза больше, чем средняя зарплата во всем остальном Китае, и одновременно почти в 10 раз меньше, чем зарплата такого же рабочего на Тайване и в Гонконге. Поэтому нет ничего удивительного в том, что только гонконгские компании создали 3 миллиона рабочих мест на 25 тысячах предприятий за границей, то есть в КНР. Чтобы контраст стал еще более очевидным, стоит заметить, что общее число промышленных рабочих в самом Гонконге составляет немногим более миллиона.

Почти 4 тысячи предприятий, созданных на деньги предпринимателей с Тайваня главным образом в южных провинциях КНР Гуандун и Фуцзянь, производят велосипеды, сумки, спортивные товары и все остальное, что уже нельзя продавать по

сколько-нибудь конкурентоспособным ценам на самом Тайване. Британская колония Гонконг будет передана КНР к 1 июля 1997 года, однако эти два угла «треугольника» — Китай и Гонконг де-факто экономически уже составляют единое целое. Гонконг для Китая давно стал крупнейшим инвестором, а Китай для Гонконга — крупнейшим торговым партнером.

Более того, за последние несколько лет Китай сам «влил» в экономику Гонконга более 10 миллиардов долларов инвестиций, в основном с целью убедить гонконгских бизнесменов в том, что «капиталистическая практика» продолжается и продолжится, как это и обещал Пекин в соглашении с Великобританией в 1984 году. Некоторые гонконгские бизнесмены утверждают, что 1997 год уже наступил. И хотя, по их мнению, рано говорить о том, что опасаться коммунистического Китая уже не стоит, сама по себе такая позиция Пекина сделала возможным перевод трудоемких производств из Гонконга в Китай.

В свою очередь гоминдановский режим Тайваня надеется, что развивающееся экономическое сотрудничество неизбежно приведет к объединению страны и сделает этот процесс более мягким и естественным. К этому моменту, по замыслу и плану тайваньских «стратегов», КНР «станет менее коммунистической».

Тайваньцы, которым до недавнего времени в законодательном порядке запрещалось иметь любые контакты с континентальным Китаем, сейчас совершают туда около миллиона поездок в год. Они часто пользуются очевидным преимуществом по сравнению с западными и японскими бизнесменами, поскольку полагаются на «гуанси» — контакты с родственниками и друзьями. Тайваньцев, приезжающих к своим родственникам через десятки лет вынужденной разлуки, сейчас встречают в Китае как героев.

Надо сказать, что одновременно с этим Тайвань до сих пор избегает установления прямого воздушного сообщения с Китаем, однако двусторонняя торговля через Гонконг растет как на дрожжах. В

1991 году темпы ее роста составили 44 процента, а в 1992 году — и того больше. Таким образом, Китай может оттеснить США — крупнейшего торгового партнера Тайваня — уже в ближайшие 10 лет. Впрочем, что еще более существенно, китайский бум позволит Тайваню избежать экономического спада, охватившего Америку, большую часть Европы и Японию.

Секрета тут нет. Китай производит недорогую продукцию для мирового рынка, используя такие формы разделения труда, которые больше никто в мире использовать не может. Например, игрушки, дизайн которых предоставляет Гонконг, собираются в Южном Китае из деталей и материалов, частично поставленных Тайванем. Окончательная упаковка и отгрузка производятся Гонконгом.

По прогнозам экспертов, к 2000 году Гонконг, подобно Токио, станет штаб-квартирой головных китайских компаний и крупнейшим финансово-банковским центром, а все производство окончательно и бесповоротно перекинется в Южный Китай.

Такой прогноз становится реальностью уже сейчас, особенно это заметно по городам и городкам в дельте реки Чжунцзян — огромном мегаполисе, протянувшимся от Гонконга до Гуанчжоу. Повсюду открываются новые магазины, рестораны, фабрики, отели, строятся современные дороги и другие объекты инфраструктуры, широкое хождение имеет гонконгская валюта. Кстати, около 20 процентов гонконгской валюты циркулирует именно в Китае, особенно в южной его части.

Любопытно, что население предпочитает смотреть телевидение Гонконга, а так как в Китае время на один часовой пояс отличается от гонконгского, многие китайцы носят часы с гонконгским временем, чтобы не пропустить любимый телесериал или выпуск бизнес-новостей. Гонконгцы любят повторять при случае: «Гонконг — столица Южного Китая».

Отели и рестораны заполнены народившейся бизнес-элитой — новыми крутыми китайскими деловыми людьми, многие из

В случившихся в Шэньчжэне столкновениях среди желающих приобрести акции не обошлось без жертв

88-летний Дэн Сяопин с дочерью во время «пропагандистско-ознакомительной» поездки по южным провинциям Китая

которых имеют телефоны сотовой связи, портативные компьютеры-«лэп-топы», позволяющие передавать информацию по спутниковым каналам связи и мгновенно отражающие на экранах ситуацию на любой фондовой бирже. Короче — повсюду налицо приметы нового времени. Даже «ганьбу» — официальные лица, администрация, — и те говорят в основном о прибылях, а не об идеологических принципах и нормах.

Капиталистический по духу, Южный Китай быстро наращивает свою индустриальную мускулатуру благодаря мощным финансовым инъекциям из Гонконга и Тайваня. Проезжая по улицам практически любого южнокитайского города, запруженным велосипедистами и грузовиками, везущими готовую продукцию в Гонконг, почти везде можно увидеть происходящие изменения. По обе стороны дорог — сплошная строительная площадка. Китайцы, мало-мальски «выбившиеся и вышедшие в люди», тотчас начинают строить отдельный дом для семьи и прочую семейную «инфраструктуру».

Мелкие и средние предприятия быстро вводят новые мощности, строят офисы, склады и даже так называемые «индустриальные парки». «Зарубежные соотечественники», особенно те, кто побогаче, финансируют строительство новых небоскребов, жилых комплексов, универсамов, ведь стоимость земли здесь намного меньше, чем в Гонконге.

Город Шэньчжень, расположенный по другую сторону границы, — это сам Гонконг в миниатюре. Первая и крупнейшая специально-экономическая зона Китая — Шэньчжень превратился из нескольких захолустных рыбацких деревушек в крупный промышленный и финансовый центр с 2 миллионами жителей и со среднедушевым доходом в 5000 долларов США.

Самое модное занятие в Шэньчжэне сегодня — это игра на недавно открывшейся фондовой бирже. Летом прошлого года, когда была объявлена открытая подписка на акции, город буквально заполнили многотысячные очереди потенци-

альных держателей акций. В Шэньчжэне сотни тысяч людей ехали специально чуть ли не со всей страны, чтобы приобрести акции. Дело дошло до беспорядков, причиной которых стали слухи о махинациях местной администрации с акциями. Для полного восстановления порядка в городке местной полиции потребовалось почти три дня.

Фондовая биржа призвана, помимо прочего, решить одну очень сложную проблему. Китаю просто необходимо мобилизовать около 200 миллиардов долларов, хранящихся в сберегательных кассах и под матрасами, в кубышках и чулках. Однако сделать это сегодня непросто, поскольку в стране действуют пока лишь две фондовые биржи — в Шанхае и Шэньчжэне.

Говоря об экономическом буме на юге Китая, нельзя не упомянуть и о другом специфическом факторе — о новой роли местной администрации в регулировании и корректировке темпов реформ. После первых децентрализующих банковско-финансовых реформ местные бюджеты получили возможность оставлять у себя значительную часть прибыли от продажи продукции местной промышленности, которую стало возможным использовать в строительстве инфраструктуры и в дальнейшем расширении производства. В результате появились многочисленные фабрики, обрабатывающие отрасли стали понемногу обгонять добывающие, начались даже перебои с сырьем и энергоресурсами. Небольшие предприятия коллективного и частного секторов стали достаточно серьезно конкурировать в получении сырья с предприятиями сектора государственного.

В конечном итоге быстрый рост обернулся «перегревом» экономики, чрезмерное кредитование — раскручиванием инфляционной спирали. После печально известных событий 1989 года в Пекине центральное правительство объявило о начале политики сдерживания роста, заморозило часть кредитов. Местные власти, однако, сильно этому противились,

поскольку отлично понимали, что, если они отстанут в развитии хоть на немного, их моментально обгонят соседи и инвестиции из Гонконга им уже не достанутся.

Таким образом, местная администрация была и остается кровно заинтересованной в экономическом росте, во всестороннем углублении реформ. Она всегда поддерживала радикальных реформаторов в правительстве. В провинции Гуанчжоу кадровые работники администрации, например, считают, что они достаточно предприимчивые и практичные люди, берущие положительный пример с Гонконга, достаточно гибкие, чтобы поступать по принципу «горы высокие, а император далеко».

Найти ту самую «золотую середину» между необходимостью быстрого продвижения по пути реформ и опасностью нового перегрева экономики, между директивами центра и интересами провинций еще предстоит — это в Китае понимают все без исключения. Иного пути не дано, поскольку иной путь ведет вниз и назад.

Ни для кого не секрет, что уже сегодня «Объединенный Китай» имеет серьезное влияние на мировую политику. Сдвиг промышленного производства из Тайваня и Гонконга на территорию континентального Китая превратит последний в мощнейшую экспортную силу. Достаточно сказать, что Вашингтон уже испытывает неудобства от своего отрицательного сальдо в торговле с Китаем. США пытаются воздвигнуть барьеры на пути товаров из Китая, используя протекционистские меры. Тем не менее с достижением еще более глубокой экономической интеграции Китай в обозримом будущем может просто поставить США перед фактом существования нового мощного международного торгового союза.

Правда, пока еще и для американских компаний не поздно инвестировать, использовать многочисленные ресурсы и возможности, пытаться более активно, нежели сегодня, внедриться и закрепиться на китайском рынке.

В проведении экономической реформы, в движении к «социалистической рыночной экономике» или, если отбросить фразеологию, просто к рынку Китай уже прошел тот рубеж, после которого нет возврата назад. Китайцы, пусть и не в полной мере, ощутили вкус нормальной, человеческой жизни, которой живут миллионы и миллионы людей в окружающем их мире, и, похоже, уже никогда не согласятся на уровень жизни времен «большого скачка» или «культурной революции».

Китай просто обречен углублять экономические реформы, «большой прыжок» Южного Китая в этом смысле — достойный пример для подражания и повторения этого пути всей страной.

Гуанчжоу — Москва

Рафаэль МУСТАФИН:

Я верю в расцвет ExNeT

В наше время, которое больше напоминает вавилонское столпотворение, нежели цивилизованный рынок, становится все труднее утверждать что-либо определенное по любому поводу. Вместе с изменением курса доллара и ростом цен исчезают идеалы, а уж что касается разногласия мнений, то тут царствует плюрализм «без границ». Вот и о корпорации «ExNeT-InCo» неправильно говорить, что ее «знают все». Но и не скажешь, что о ней не знает никто. Может быть, кроме ее акционеров, о корпорации знают по классному рекламному клипу, показываемому в телепередаче «НЛО: необъявленный визит», кстати, регулярно появляющейся на экране благодаря финансовой поддержке «ExNeT-InCo». Но совершенно точно и определенно известно (вот об этом почти никто не знает), что соавтор сценария клипа — сам генеральный директор «ExNeT-InCo» Рафаэль Мустафин. С ним в прошлом году мы уже встречались на страницах «Столицы». Тогда его фирме еще только предстояло найти свое место в мире рынка. И вместе с обаятельной улыбкой Рафаэля я запомнил такую его фразу — «банкрота от нищего отличает готовность с нуля снова стать миллионером». Ознакомившись теперь, спустя год, с делами «ExNeT-InCo», я понял, что банкротство — это удел других фирм и многочисленных АО и ТОО. А вот у «ExNeT-InCo» наряду, конечно, с проблемами (их нет ведь только сами знаете у кого) есть большой запас прочности. Кстати, даже в облике Рафаэля Хайдаровича его армейское прошлое (напомню, он — выпускник Военно-инженерного Краснознаменного института им. А.Ф.Можайского и по первой профессии — человек военный) как-то заметнее стало проявляться. Надежно как-то он смотрится, весомо. Говорит не спеша, точно строя фразу, без рисовки и, что называется, «по делу». Мне особенно его и расспрашивать не пришлось, ибо Мустафин заранее «угадал» мои вопросы, и некоторые из них я опустил по ходу беседы за ненадобностью. Так что справедливее будет речь генерального директора оформить как прямую, то есть от первого лица. Пусть сам расскажет о том, «что сделано за отчетный период».

— Первоначально наше акционерное общество «Инвестиционная корпорация «ExNeT-InCo» было нацелено на привлечение инвестиций в развитие телекоммуникационных сетей и производство современных средств связи. Однако, как показала практика, при российских темпах инфляции за счет одной только инвестиционной политики выжить невозможно. Поэтому мы были вынуждены заняться торгово-закупочной деятельностью по двум направлениям. Первое — комплектация ряда заводов, выпускающих электробытовые приборы, и реализация их продукции: электросамоваров, вафельниц, кофемолок, люстр и т.д. Второе направление связано с импортом высококачественных шоколадных конфет, производимых во Франции, Голландии, Швейцарии.

Такого рода коммерческая деятельность позволила нам пережить самые трудные времена и достаточно стабильно чувствовать себя сегодня. Что мы имеем? Оплаченный капитал уже составляет 140 миллионов. Мы планируем в апреле выплату 100 процентов годовых владельцам акций первой эмиссии. У нас успешно идет распространение акций второй эмиссии, но оно еще не закончено, а будет продолжаться в соответствии с уставом до 1 мая 1993 года. Всего выпущено акций на полтора миллиарда рублей.

Что касается привлекаемых средств, то мы по-прежнему будем инвестировать их в телекоммуникации. В частности, в такую глобальную сеть, как ИНФОТЕЛ, основанную на высококлассном цифровом оборудовании фирмы Siemens в структуре МГТС.

Выигрышной стороной нашей работы является привлечение не только «живых денег» населения, но и ваучеров, обмениваемых у нас в соотношении один к семи (акция номиналом в тысячу рублей продается на 50 рублей дороже). В данном случае ваучер, вложенный в «ExNeT-InCo», застрахован надежнее, чем в любом инвестиционном фонде. Мы же сегодня действительно гарантируем прибыль по нашим акциям и, стало быть, по вашим ваучерам, так как крепко стоим на ногах и научились и зарабатывать деньги, и вкладывать их с максимальной выгодой.

В качестве дополнительной гарантии могу сообщить, что очень многие мои бывшие сослуживцы по офицерскому корпусу вложили «в меня» свои ваучеры и ни экономически, ни по-человечески я бы не стал обнадёживать зря. Я верю в нашу корпорацию, в реальность проектов, задуманных и поддерживаемых «ExNeT», в ее расцвет.

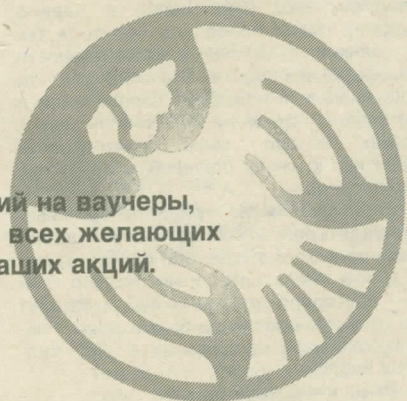
Записал Вадим БАЕВ

ИНВЕСТИЦИОННАЯ КОРПОРАЦИЯ ExNeT-InCo

— продолжает обмен своих акций на ваучеры,
— приглашает к сотрудничеству всех желающих
заниматься распространением наших акций.

252-1400 252-2888 252-2222

Москва, Пресненский вал, 19
(м.«Белорусская», авт. 12, тролл. 18)

МЫ РАССЧИТЫВАЕМ ТОЛЬКО НА СВОИ СИЛЫ...

Фото В. Кантора

— Два года назад нас было всего десять человек. Да, да, именно столько банк насчитывал сотрудников. И работали мы все в маленьком помещении, которое брали в аренду. Так началась история нашего банка... Александр Владимирович Киселев, вице-президент Российского национального коммерческого банка, начинает свой рассказ, сидя в офисе на Мясницкой. Действительно, прогресс налицо. Огромная вывеска с названием банка буквально парит над улицей. Сотрудников в банке сейчас около 250. Средний возраст — слегка за 30. Это понятно, ведь и сам банк относительно «молодой» — он был создан в начале 1991 года.

В отличие от многих других банков уставной фонд Российского национального коммерческого банка был сформирован в основном на капитале коммерческих структур. И какой-либо поддержки со стороны государства мы не получили и могли рассчитывать лишь на собственные силы. Работать было сложно, но интересно. О том, как мы смогли организовать дело, свидетельствует и то, что к концу первого года работы, согласно исследованию, проведенному газетой «Известия», наш банк попал в первую двадцатку среди более чем полутора тысяч банков СНГ по эффективности использования средств. Это означает, что мы не ошиблись в выборе направлений и действовали успешнее, чем многие банки, которые начали свою деятельность раньше нас и имели больший, скажем так, запас прочности.

У нас было около тридцати организаций-учредителей, а сейчас нашими акционерами являются свыше 300 фирм и граждан, в том числе сотрудники нашего банка, — благодаря этому каждый чувствует свою ответственность за общее дело. Размер нашего уставного фонда — 295 миллионов рублей.

— Ваши клиенты, кто они?

— У нас открывают счета государственные предприятия и кооперативы, акцио-

нерные общества и товарищества с ограниченной ответственностью, малые предприятия, общественные организации, просто граждане. Мы предоставляем нашим клиентам целый «букет» услуг — комплексное расчетно-кассовое обслуживание, все виды кредитования, валютные кредиты, банковские гарантии по коммерческим операциям, привлечение средств юридических и физических лиц в депозиты, трастовые операции по поручению клиентов, операции с ценными бумагами, консультации по вопросам банковского и другого законодательства — всего свыше 100 видов услуг. Одним словом — все услуги, которые только может предоставить банковское учреждение. Наш банк — универсальный.

— Долгие годы граждане нашей страны имели дело в основном с одним банком — Госбанком. Коммерческие банки для них нечто новое, а к новому, как известно, всегда относятся с подозрением. Вы не испытываете из-за этого затруднений?

— Бывает, что клиенты, которые никогда раньше не пользовались услугами коммерческих банков, с самого начала не желают рисковать и вкладывают деньги маленькими порциями, на депозиты. И только убедившись в надежности работы банка и получив первые доходы, решаются на большие вклады, становятся нашими постоянными клиентами. И даже в дальнейшем советуют обратиться к нам соседю, родственнику, приятелю. А потом оказывается, что клиентами нашего банка стала, образно говоря, половина улицы.

— Вы упомянули сберегательные сертификаты. Насколько я понимаю, именно эта форма обслуживания может заинтересовать большинство наших граждан. Расскажите о ней подробнее.

— Депозитные и сберегательные сертификаты — это очень эффективный способ привлечения ресурсов предприятий и граждан. Предположим, у вас есть временно свободные средства. Они вам понадобятся через четыре месяца, но раньше. Держать их просто так жалко, потому что в стране инфляция и они быстро обесцениваются. Благодаря системе депозитных сертификатов вы сможете вложить их на время в банк. А потом вер-

нуть вложенную сумму и получить, кроме того, прибыль от ее использования. Сейчас у нас ставка по депозитам превышает восемьдесят процентов в расчете на год. Минимальная сумма, которую вы можете поместить, — десять тысяч. С помощью депозитов и сберегательных сертификатов мы привлекаем средства не только предприятий, но и граждан. И еще я хочу сказать о совершенно новом виде услуг — о векселях.

— За последнее время мы освоили много незнакомых ранее понятий: «акция», «биржа», «ваучер». Но «вексель» — действительно что-то новое или, вернее, хорошо забытое старое. Это, кажется, долговое обязательство?

— Да, вексель — ценная бумага, которая по законодательству может служить средством платежа, средством расчета и может передаваться. Мы сейчас стали свидетелями того, как неэффективно работает вся банковская система. Платежи проходят очень долго. А время, как известно, — деньги. С помощью векселя весь процесс расчетов занимает несколько минут. Оба участника сделки написали свои реквизиты, поставили подписи и печати — и все.

Банковский вексель — это очень надежный инструмент, потому что банк является прямым должником. Вексель, кроме того, можно использовать как средство залога. Предположим, вы идете в какой-то другой банк брать кредит. Условия кредита устраивают стороны, но нужны гарантии в качестве оснований для его выдачи. У заемщика имеется вексель другого банка (такого, например, как наш). Имидж его высок, финансовое положение устойчиво — таким образом, снимаются сомнения в возврате кредита, и этого будет вполне достаточно.

Вексель одновременно и средство накопления — на него с учетом законодательства будут начисляться проценты. Это очень интересный вид ценной бумаги. Кстати, по векселям мы предусмотрели привлечение ресурсов на срок, скажем, 15 дней: Вы можете вообще взять вексель на один день. Это мы говорили о ресурсах банка, но, как вы знаете, основу деятельности любого банка составляет правильная выбранная кредитная политика.

— Многие банки критикуют за то, что они занимаются кредитованием исключительно торговых операций и получают от этого сверхприбыль. Относится ли это к вам?

— Если быть объективным, то в сложившейся в последнее время экономической ситуации любое финансовое учреждение, не пользующееся подкреплением в той или иной форме со стороны государства, в том числе централизованно выделяемыми ресурсами, сможет нормально работать, а тем более развиваться только при условии эффективного привлечения и вложения находящихся в его распоряжении средств.

Естественно, для того чтобы получить доходы, позволяющие профинансировать собственное развитие, получить прибыль, часть которой должна вернуться к его акционерам в виде дивидендов, банк, прежде всего, кредитует те коммерческие структуры, которые быстро и эффективно используют финансовые ресурсы. А это, ни для кого не секрет, торговые и посреднические фирмы.

Вы полагаете, что сегодня оплатить аренду помещения в центре Москвы, оснастить банк средствами вычислительной техники (кстати, мы приобрели свыше 100 комплектов) и другим оборудованием, привлечь на работу грамотных специалистов и, наконец, выплачивать разнообразные налоги дешево?

Глубокое заблуждение. Помощи и льгот нам ждать неоткуда, поэтому приоритеты сейчас отдаются тем, кто сможет быстро и с наибольшим эффектом использовать заемные средства и тем самым принести доходы как себе, так и банку.

Сегодня это наиболее предприимчивые, умные и расчетливые коммерсанты, которые работают в основном в сфере торгового оборота или услуг.

Вместе с тем мы реалисты и прекрасно понимаем, что российская экономика сможет встать на ноги только при быстром развитии производства. И зачастую, идя даже на определенные потери, банк финансирует предприятия и фирмы, занимающиеся производством товаров и услуг, нужных стране.

Среди наших клиентов машиностроительные и перерабатывающие предприятия, в том числе конверсируемые агрофирмы, транспортные объединения. Банк финансировал фермеров и закупку хлеба-пекарен.

— Какая у вас процентная ставка за пользование кредитами?

— Все зависит от цели кредита, его сроков и уровня обеспечения. В среднем за 1992 год — 90%. Это немного — на аукционах ставка иногда доходит и до 200%. И, кроме того, привлекаемые нами ресурсы тоже не дешевы, вкладчики денег желают получить за них побольше, мы уже об этом говорили, а учетная ставка Центрального банка — 80%. Но для нас главное не объем прибыли, а надежность клиентов. Банк коммерческий, деньги вкладчиков мы бережем и поэтому очень тщательно проверяем заемщика, прежде чем выдать кредиты. Кстати, дивиденды нашего банка за 1992 год будут выше 100% — и вы можете судить об эффективности нашей работы.

— Вы занимаетесь валютными опера-

циями?

— Банк имеет генеральную лицензию Центрального банка России на проведение валютных операций и может предоставлять все виды валютного обслуживания. У нас открыто около 800 валютных счетов клиентов. А всего счетов в РНКБ открыто около 6 тысяч. Мы участвуем в торгах Московской межбанковской валютной биржи и по поручению клиентов приобретаем валюту для оплаты их контрактов. У нас есть хорошо оборудованная и обеспеченная валютная касса. Можете прийти к нам продать и купить валюту.

— Для упрощения банковских расчетов, я знаю, используется система банков-корреспондентов, когда из всей сложной цепочки при расчетах остаются всего два звена — «банк — банк». У вас есть корреспондентские отношения с зарубежными банками?

— Да, у нас есть банки-корреспонденты как в России, так и за рубежом, в том числе в США, Испании, Италии, Германии, Японии, Сингапуре — практически во всех финансовых центрах мира. В 28 из них открыты счета. Это — если говорить о «дальнем зарубежье»; и 15 банков-корреспондентов на территории бывшего Союза — на Украине, в Беларуси, Казахстане, Узбекистане, Латвии.

Сеть корреспондентских отношений упрощает расчеты между клиентами в несколько раз и, естественно, позволяет не отвлекать из оборота значительные ресурсы.

Прошлой осенью Российский национальный коммерческий банк был принят в члены SWIFT — систему международных межбанковских расчетов. Многие банки стремятся попасть в эту систему. Принимают туда, однако, не всех. Требования очень жесткие, и плата высокая. Поэтому вступить в эту систему могут лишь очень немногие эффективно работающие банки. Из российских банков на сегодняшний день в эту систему принято около двадцати.

— Какая вам польза от того, что вы приняты в эту систему?

— Польза не нам, польза нашим клиентам. Подключение к системе SWIFT позволит в самом ближайшем будущем улучшить обслуживание клиентов, ускорит,

упрощает и удешевляет расчеты, позволит осуществлять международные операции в соответствии с мировыми стандартами. Но в нашем банке происходят не только качественные изменения. Банк растет — уже сейчас действуют три территориальных управления в Москве, а также три филиала: в Кирове, Петропавловске-Камчатском и в Ижевске.

— Почему вы выбрали именно эти города?

— Отчасти из географических соображений. Сами понимаете: Урал, Север и Дальний Восток. Кроме того, мы выбрали регионы, на тот момент наиболее нуждавшиеся в расширении услуг коммерческих банков.

— А тайну вкладов вы гарантируете?

— Конечно! Банк обеспечивает охрану интересов клиентов, в том числе от утечки информации, которая могла бы повредить их интересам. В банке создана специальная служба, которая этим занимается.

— Процветающие коммерческие структуры считают необходимым тратить деньги на благотворительные цели. Вы здесь не исключение?

— Всего на благотворительные цели мы израсходовали более 10 миллионов рублей. Мы участвуем в восстановлении церкви Филиппа Митрополита. Это очень красивый храм, построенный Матвеем Казаковым. Когда два года назад после долгого перерыва он начал действовать, его состояние было крайне запущенным. Приходилось перестилать полы, подводить коммуникации, не говоря уже о внутреннем убранстве.

Мы выделяли средства Советам ветеранов войны и труда, фонду «Правопорядок», учебным и медицинским учреждениям. Еще одно наше крупное направление — Московский муниципальный театр «Новая опера». Вы, конечно, слышали о нем. У нас с ними очень хорошие отношения. Причем речь идет не о разовой помощи, а о постоянных контактах. Так что если будете на спектакле — вспомните, что и наш банк к этому причастен.

Банк содействует сохранению в России и других культурных ценностей, в частности собирая коллекцию картин русских художников.

Марина РОСЕНКО

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ УПРАВЛЕНИЯ ПО МОСКВЕ

Арбатское:

ул. Б. Молчановка, д.12.
Тел.: 291-77-83, 290-40-52.

Зеленоградское:

г.Зеленоград, корп. 1135 «А».
Тел.: 530-94-64, 530-94-66

«Станкоимпорт»

ул. Обручева, д. 34/63.
Тел.: 337-67-00

ФИЛИАЛЫ БАНКА

Удмуртский: 426072,
г.Ижевск, ул. Молодежная, 34.
Тел.: (3412) 36-64-66
Факс (3412) 36-28-44

Вятский: 610000,
г.Киров, ул. Воровского, 105.
Тел.: (8330) 64-09-73;
Факс (8330) 64-09-73

Камчатский: 683000,
г.Петропавловск-Камчатский,
ул. Ленинская, д.18, блок «А».
Тел./факс: (41500) 2-37-59
Тел. (41500) 2-30-76

СНЕЖНЫЕ ЛЮДИ

В Москве прошел омываемый грозами фестиваль «Вьюговей-93» и чемпионаты мира и России по снежной и ледовой скульптуре.

Как известно, существует множество материалов, из которых можно с успехом лепить и валять. Снег и лед — не худшие из них, о чем свидетельствует народная традиция. Я имею в виду снежных баб, произведение Лажечникова «Ледяной дом», а также сказку о том, как «была у зайца избушка лубяная, а у лисы — ледяная». Холодная Снежная Королева заставляла Кая выкладывать из кусочков льда слово «вечность». Впрочем, это уже не лепка и валяние, а глупая трагедия времени.

Снежная и ледовая скульптура сегодня — достаточно редкое и прибыльное занятие. Такие скульпторы легко находят богатых спонсоров. И заказчиков: есть настоящие и при этом артистичные натуры, готовые украсить свою вечеринку заказной ледяной фигурой. Оригинально и изящно.

Такие опыты со льдом и снегом — нечто среднее между спортом и искусством (вообще, она обширная — эта категория явлений, которые находятся между спортом и искусством и все никак не сделают решительного шага ни туда ни сюда). То есть, с одной стороны, эти скульптуры красивы, из снега можно слепить сюжет и символ, абстракцию и что-нибудь реалистичное. А с другой стороны — ведь уст-

раиваются чемпионаты, скульптуры лепятся командами, на время. За это начисляют очки. Кроме того, предаваться творчеству где-нибудь в прокуренной студии и постоянно владеть в депрессию — это, конечно, здоровья не прибавит. А тут — физические упражнения на свежем воздухе: глаза сияют, щеки краснеют и появляется аппетит.

Судя по тому, что на чемпионат в Москву приехало восемнадцать команд из тринадцати стран, валять из льда и лепить из снега любят во всем мире. Ну, можно понять, если это популярно в Норве-

гии, Финляндии или там в Канаде. Но — в Таиланде! В Сингапуре!

Мы спросили у капитана сингапурской команды Хуат Тон Тианга, а где же он на родине достает снег. Хуат сообщил, что снег делают на специальной фабрике, а лепит он свои скульптуры при нормальной сингапурской температуре. Потом скульптура может простоять еще часов пять — пока окончательно не растает. А этого времени достаточно, чтобы сфотографировать ее во всевозможных ракурсах.

На международном чемпионате победили швейцар-

цы со скульптурой «Раз, два — взяли». А на российском чемпионате победили команды из Москвы — по ледовой композиции и из Каргополя (Архангельская область) — по снежной скульптуре. Вообще, наши соотечественники сооружали из снега в основном что-то такое пафосное — церкви, например. Но один раз мы увидели, как лепят девушку.

— Кто это? — поинтересовались мы у авторов.

— Это Георгий Победоносцев, — ответили нам.

Елена АВЕРИНА

ХУДОЖНИКА ОГРАНИЧИЛИ ЖЕСТКИМИ РАМАМИ

Лауреат премии имени Сергея Радонежского Василий Криворучко известен в Воронеже не только как яркий живописец, специализирующийся на исторической тематике, но и как собиратель старины: икон, древних книг, самоваров, полотен. Свою богатейшую коллекцию Криворучко недавно подарил городу, на что областная администрация ответила художнику большим заказом на его

картины.

Чиновники предоставили живописцу полную творческую свободу: пиши что хочешь. При этом ограничили лишь в одном: полотна должны строго соответствовать установленному заранее формату... Все дело в том, что творения Криворучко должны оживить интерьер начальных кабинетов. В «запасниках» же здания Воронежской области администрации (бывшего обкома КПСС, естественно) скопилось огромное количество портретов В.И.Ленина, некогда обильно украшавших партийные стены. Основопо-

ложник пролетарского государства сегодня, конечно, администраторам без надобности. А вот рамы от картин — добротные, красивые — жалко... Под них-то и должен подгонять Криворучко свои творения.

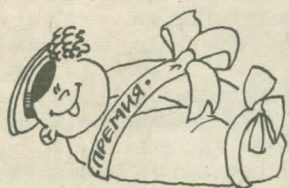
Художник, впрочем, не в обиде: в административных кабинетах уже появилось два батальных полотна (Куликовская битва), два пейзажа с церквушками и картина под названием «Воронеж строится» (это не то, что вы подумали, а из времен Петра Великого).

Григорий ВАХМИСТРОВ

ЖИЛ СТАРИК СО СВОИМ АГРЕГАТОМ ТРИДЦАТЬ ЛЕТ И ТРИ ГОДА

В Казани обнаружен реликтовый холодильник. Он верно служит своему хозяину уже тридцать три года. Для бытового агрегата возраст вполне солидный. О его уникальности говорит заводской номер. Этот «Мир» был для Зеленодольского завода всего третьим. Хозяин холодильником вполне доволен.

Элла РЫЛОВА

А АТАМАН ДОГАДЛИВ БЫЛ

Казакі города Анапы, прославившиеся в свое время организацией публичных порок подростков-хулиганов, решили заняться прочими проблемами воспитания и семьи. Теперь женщинам-казачкам, имеющим троих детей до восемнадцати лет, ежемесячно будут выплачивать по тысяче рублей. Если в семье четверо детей — по две тысячи. На пять и более малышей — три тысячи.

За рождение девочки в семье казака планируется выдавать единовременное пособие в размере десяти тысяч рублей. А если родится мальчик, то будет выплачиваться особая атаманская премия, размеры которой пока обсуждаются.

Дмитрий ЕРМАКОВ

ОБОРОНКА ЩЕЛКАЕТ ОРЕШКИ

Чем только не занимаются нынче измученные конверсией предприятия ВПК! Военный завод города Свободный в Амурской области перешел на производство... наручников. Заказов хватает. Самые крупные — на сто тысяч пар (от России) и на пятьдесят тысяч пар (от Узбекистана).

А в Барнауле последней новинкой НПО «Алтай» стала установка для колки кедровых орехов. «Щелкунчик» действует поистине с сибирским размахом — раскусывает четыреста килограммов орехов в час. Говорят, аналогов нет нигде в мире. Наверное, оттого, что нигде больше не лущают кедровые орешки в таких количествах.

Сергей ТЕПЛЯКОВ

ДАЙ ДЖИП НА ЛАПУ — СЧАСТЬЕ МНЕ

В Кемерове бизнесом занялись даже правоохранительные органы. Горотдел милиции выгодно продал несколько американских автомобилей «джип». Правда, сия сделка вызывает у горожан смех, а малый совет и вовсе обратился в прокуратуру. Оказывается, джипы, специально оборудованные для полицейской службы, были закуплены для милиции администрацией области. Но усиления патрульно-постовой службы никто так и не дождался по причине вышеописанной сделки. У «органов» есть, правда, свои резоны: говорят, что на вырученную сумму можно купить шестьдесят семь автомобилей УАЗ. Но, видимо, не удастся кемеровской милиции получить желаемое — малый совет обязал горотдел вернуть перепроданные автомобили в автохозяйство. Каким образом удастся это сделать — не знает никто.

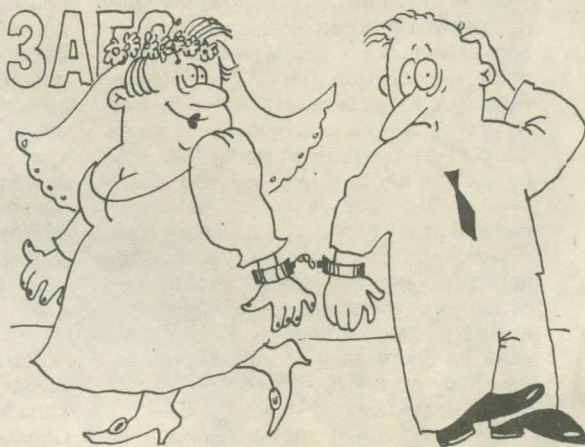

Рис. О. Разиной

Тимофей СЕРГЕЕВ

ОЧЕНЬ ЛИЧНОЕ МНЕНИЕ

В тибетской «Книге мертвых» описаны посмертные приключения души. Стануя по каким-то удивительным местам, душа встречает необычные существа: среди них есть добрые и любящие, но большей частью — жуткие, устрашающие. Не испугаться этих существ, а узнать в каждом из них самого себя, выяснить, наконец: кто же ты таков на самом деле — задача испытываемой души. Не узнаешь себя, не станешь собой — провалишься, как второгодник, придется проходить курс земной жизни еще раз.

Илья РАСКИН

ХОРОШУЮ РЕЛИГИЮ ПРИДУМАЛИ ИНДУСЫ

Посмертная жизнь великой державы протекает, похоже, по тем же законам. Тело империи распалось, но душа жива, так или иначе, в каждом из нас. Нам предстают видения и зрелища — частью соблазнительные, но больше тягостные и страшные. Тя-

немся к соблазнам, как ребенок к погремушке, не желаем узнавать себя в жутких отражениях — не хотим, не можем стать самими собой — оказывается, слабб, не доросли. Вот и бродит по Европе и Азии призрак государства, основанного на нашем непонимании, незнании самих себя, ищет воплощения. И, вполне вероятно, воплотится — в другом теле, в новом виде, с другим именем, так что сразу и не узнать...

Вот граждане недовольны «номенклатурной приватизацией»: отчего «им» опять все, а нам опять шиш? Справедливый вроде бы вопрос. Но почему мы так озабочены этой дележкой — не потому ли, что хотим себе получить побольше? Так ведь и «они» хотят того же самого — отчего, глядя на них, мы не узнаем самих себя? И на кого мы, собственно, пеняем? Недавно еду в троллейбусе, рядом сидит мрачный дед,

увидев очередной «Мерседес-600», бормочет: «Растащили Россию, распродали, воры, убивать надо...» Интересно у деда: положим, они воры, а вот кто хуже — воры или убийцы? «Убийцы, конечно», — отвечает дед. Я ему: так ведь вы убивать хотите — хуже вора окажетесь.

Дед ошалело на меня посмотрел — похоже, так и не понял. Видно, хочет, чтобы кто-то другой за него убил, не может лихоедая в себе распознать. И так чуть ли не с каждым, знающим «кто виноват», тычущим пальцем, обличающим. Может, лучше остыть да посидеть перед зеркалом, внимательно глядя на себя, любимого? И возлюбить другого как самого себя? И врага своего — как самого себя? Впрочем, это «придумали» уже не индусы.

«ЮБИЛЕЙНАЯ» РАСПРОДАЖА ДЛЯ БОРИСА НИКОЛАЕВИЧА

«Привозим эти консервы домой, понимаешь, открываем, а там — червяки!» — рассказывает, волнуясь, Борис Николаевич. «Вот, сами смотрите», — достает из сумки круглую пластмассовую коробочку вроде майонезной, снимает крышку (сейчас выползет птичка!) и подвигает ко мне. Я наклоняюсь, без особого, впрочем, естественного рвения. Да, вот они. «Неужели прямо из Америки?» — интересуюсь.

Борис Николаевич приехал из Баку (ограничимся именем-отчеством, ибо Б.Н. — лицо сугубо частное). И тут, в Москве, знакомые предложили ему отовариться американскими продовольственными консервами. «Why not?» — подумал Борис Николаевич, имевший, надо заметить, круглую сумму как раз для эпикурейских целей. Он был рекомендован представителю (по другой версии — президенту) американской фирмы «Jubilee International Trading Inc.» г-ну Эдварду Кацнельсону. Любезный г-н Кацнельсон провел увлекательную беседу об ассортименте и качестве своих товаров, после которой и Саддам Хусейн не удержался бы, купил для семьи пару-другую ярких баночек с ненавистным клеймом «Made in USA».

В нетерпении примчавшись на склад, наш герой вместе со своим московским другом загрузился калорийными покупками на сумму 180 тысяч рублей, после чего оба вернулись к упомянутому другу.

Здесь-то, в московской квартире, в окружении родных и близких, коммерц-фортуна и продемонстрировала свое вероломство: большинство банок оказалось, строго говоря, деформированными, а в иных уж развивались новые формы жизни. Об этом и скорбел Борис Николаевич, демонстрируя на моем редакционном столе флору и фауну, несвойственную консервированным продуктам. Доброе утро, Америка!

...Гнев, о богиня, воспой коммерсантов, которых пришелец сладкоголовый так обманул нечестиво, подобно Улиссе в гостях у Киклопа. Впрочем, в отличие от рефлексировавшего Киклопа наши персонажи, благо со зрением все в порядке, бросились обратно.

Г-н Кацнельсон, надо отдать ему должное, сохранял хладнокровие и тут же порекомендовал несчастным «раздать все по «точкам». То есть распродать банки-склянки в коммерческие палатки — пускай их потом разбираются! Тут, видимо, важно упомянуть, что диалог с американским бизнесменом велся без переводчика и словаря: г-н Кацнельсон блистательно владеет нашим языком. Более

того, и нашей ментальностью тоже. Потому что его Родина — СССР. «No comment!» — как сказал бы Донахью-Познер.

Борис Николаевич чуть дара речи не лишился от циничного предложения «Эдички» Кацнельсона. И, осерчав, пошел напрямик в Мосгосторгинспекцию.

А там уже стали раскручивать авантурный сюжет с американскими «юбилейными» консервами. Вот он вкратце.

Российское МП «БЕНК» заключило договор с «Jubilee International Trading Inc.» на поставку мясных и овощных консервов. Когда долгожданные контейнеры добрались до столицы и сотрудники «БЕНК» осмотрели их содержимое, г-ну Кацнельсону было заявлено, что в таком жалком виде товар принять никак нельзя. Будь он трижды американский (основываюсь исключительно на показании участников истории). Однако контейнеры все-таки разместили на складе кондитерских изделий, чтобы впоследствии самым тщательным образом рассортировать содержимое: может, что-нибудь и сгодится.

Тем временем Кацнельсон заключает пресловутую сделку с Борисом Николаевичем и его московским другом. Справедливости ради напомним, что Б.Н. сам явился к Эдварду-американцу, а не тот дергал его за полы на Арбате, требуя купить хоть бы матрешку на память. (Офис фирмы расположен вблизи Арбата — но без вывески, увы.) Господин Кацнельсон был настолько расположен к посетителю, что даже предъявил «сертификат качества», который вообще-то, при ближайшем рассмотрении, не выдерживает никакой критики. Кроме того, хозяин продемонстрировал прекрасные образцы продукции...

Короче, деньги Борису Николаевичу, после вмешательства бескомпромиссной торгинспекции, были возвращены, нехорошие банки отправились обратно, на кондитерский склад.

Не совсем проясненным остались некоторые обстоятельства. Во-первых, дурацкие эти консервы — получили ли они повреждения в результате незначительного отношения со стороны граждан СНГ, транспортировавших груз, или — вот вопрос — такой вид они имели уже на своей родине, в США? Во-вторых, успел ли г-н Кацнельсон спустить хоть что-то в розничную торговлю, а торговля — неприхотливым нашим покупателям? Если узнаю — непременно сообщу.

Алексей БЕЛЯКОВ

Елена САЛИНА
Эдуард КУДРЯВИЦКИЙ
(фото)

ОТСТОЙНИК

— Я сейчас поеду в главк, и у вашей больницы будут неприятности, — сказал Борис Зиновьевич Драпкин, самый главный подростковый психиатр, и хлопнул телефонной трубкой об стол.

Там, наверно, испугались. Потому что потом лечащий врач, сама бывший гинеколог, еще долго вразумляла трубку, что гемоглобина нет, а СОЭ — сорок, и головные боли, и развивается нефропатия, и девочка хорошая, поведенческая, у ней нет психоза — так, нормальный олигофрен, хотя и в стадии дебильности, и не убежит — куда ей бежать-то с пузом?

И там, в патологии беременности, по-барски снизошли: так и быть, берите наряд и вызывайте перевозку.

А девочка — почти что мама в шестнадцать лет, — нежно

обхватив свой большой живот, покачивалась на стуле, равнодушно ожидая конца всей этой свары.

— Наташенька, ты почему от аборта-то отказалась? — тоскливо поинтересовался главный психиатр.

— Хочу оставить ребенка, пусть живет, — тихим, ровным голосом ответила девочка.

— Да ты видишь, со здоровьем-то у тебя неважно, еще неизвестно, сумеешь ли родить. И ребенок может оказаться больным. И в детдом тебя с ним обратно не возьмут. Ты, что ли, парня своего привязать к себе ребеночком думаешь?

— Пусть живет, — упрямо повторила Наташа. — Мне сказали, что потом его в Дом малютки можно отнести. Буду ходить, смотреть на него, а сама работать.

Почти все отделения в детской психиатрической больнице № 6 поделены на две половины. В одной — острые, бредовые, действительно больные дети — «наши дети», как говорят врачи. Там — наблюдательные палаты с зигзагообразными коридорчиками при входе, шприцы с успокоительным всегда под рукой, бдительные санитарки сидят неотлучно у стеклянных дверей. Там — зона повышенного внимания.

В другой половине — комнаты игр и учебные классы, куда приходят учителя из соседней школы. Ребята свободно бродят по коридору, кто-то смотрит телевизор, другой читает, двери палат открыты, хотя входная тоже всегда «на ключе». Здесь те, чей диагноз определяется расплывчатыми словами «пограничное состояние».

Что это такое, объяснять давно ни-

кому не надо — у кого ж сегодня его нет? Сходил в магазин, просмотрел газету, полюбовался беснующимся парламентом в «ящике», обругал дур-жену — глядь, а из зеркала плятятся на тебя изможденная рожа с дергающимися веками и ненавистью к жизни во взоре. И нестерпимо тянет выйти на улицу и проломить башку первому встречному, и только колоссальным усилием воли даже взрослому человеку удастся удержать себя в относительно цивилизованном состоянии.

У малыша воля еще не окрепла. Под влиянием окружающей среды из обычного ребенка он быстренько превращается в ребенка с девиантным (отклоняющимся от нормы), а то и делинквентным (правонарушающим) поведением, то бишь становится асоциалом. С этого момента он как бы отторгается обществом по причине невозможного совместного с ним проживания.

Асоциалов среди пациентов больницы процентов восемьдесят. Но самое-то страшное, что они практически ничем не отличаются от тысяч других мальчишек и девчонок, ни разу в жизни не побывавших на приеме у психиатра. Они каждый день хмят нам на улицах, изводят школьных учителей и милицейских инспекторов, сбегают из дома, воруют, пьют, матерятся по-черному, бьют слабых и пресмыкаются перед сильными — в общем, изрядно допекают то самое общество, которое спит и видит, как бы от них избавиться.

Больница — это лишь маленький островок, возможность сбегать и запереть ненадолго, чтобы передохнуть в неравной борьбе. Больница лишь аккумулирует всю эту разрушительную энергию, чтобы, потихонечку спустив пары, опять вернуть обществу продукт его жизнедеятельности. Больница и жизнь — сообщающиеся сосуды.

«В ночь на 24 марта 1992 г. Смирнов и Николаев договорились между собой совершить кражу государственного имущества из магазина. Согласно распределению ролей Смирнов наблюдал за окружающей обстановкой, а Николаев, выставив стекло в двери, совместно с соучастником проник в помещение магазина. Оттуда, из кондитерского отдела, пытался тайно похитить 24 бутылки импортного вина емкостью 0,7 л стоимостью 64 руб. каждая; жевательную резинку в количестве 98 штук стоимостью 4 руб. 50 коп. каждая. А из коммерческого отдела термос стоимостью 1000 руб.; две детские игрушки «Умелый стрелок» стоимостью 20 руб. каждая; кофей-

ник стоимостью 350 руб.; два зонта стоимостью 510 руб. каждый...

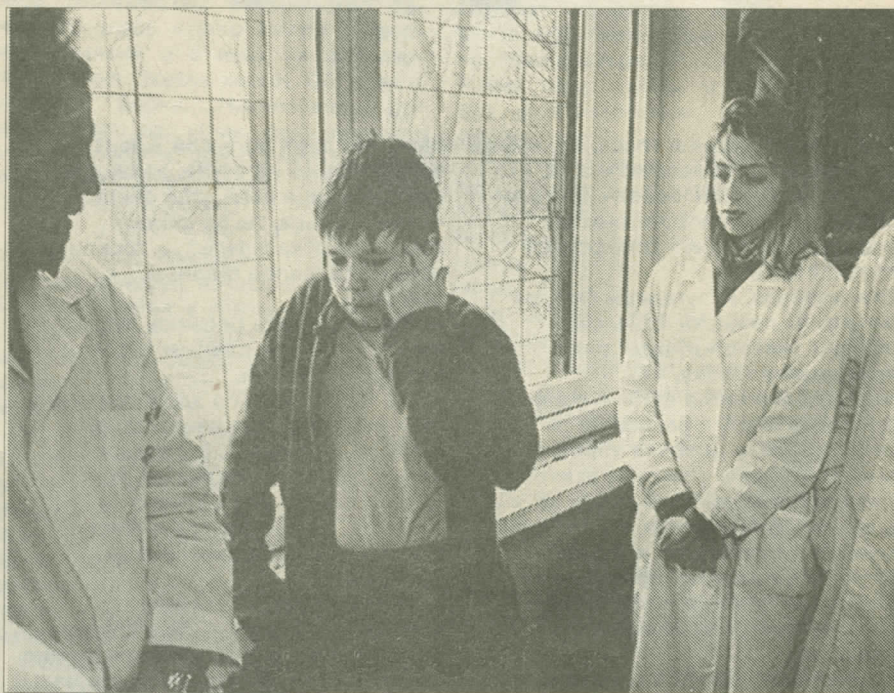
Но свой преступный умысел соучастники не довели до конца — по причинам, от них не зависящим, — были задержаны на месте преступления сотрудниками милиции с полными...

«Здравствуйте, ребята! Встаньте, встаньте, к вам гости пришли. Можете садиться, продолжайте урок.

Вон тот, видите? С черным чубом, Коля. Додумался же — на Курском вокзале жетоны в метро по пять рублей продавал, когда они еще три стоили. Там же очередь всегда дикая, а он на других, спокойных, станциях скупал и — на Курский. Брели охотно. Потом все ваучеры у бабушки продал...

Володя у нас на принудлении. По определению суда — ему уже четырнадцать. Квартирные кражи. У взрослых еще смотрят: вменяем-невменяем на момент преступления, — а детей сразу к нам. Олигофрена в спецПТУ отправить не можем — нет обучения по вспомогательной программе. С энурезом тоже нельзя. Как-то меня вызывают в приемный покой, а там такой «шкаф» сидит, восемь на семь, до пятнадцати лет трех недель не хватает. Я ему: «Милый, как ты себя чувствуешь?» А он басом: «Анурез у меня». Что ему трудно, что ли, пару раз ночью в постель пописать? Санитарка зафиксировала в журнале — все, наш пациент.

Вот Романов сидит. Мать — балерина, одна воспитывает, да все по

гастролям. А он бродяжничает, ворует...

А того, хорошенького, мама от милиции прячет, говорит, галлюцинации у него. Как к нам попал — галлюцинации сразу прекратились. Тут еще разобраться надо.

Девочки тоже курят вовсю, воруют, сексуальными связями наперебой хвастаются — опыт у них богатый. То с сифилисом к нам прибывают, то с гонореей. СПИДа, правда, еще не было. Вообще, набор болезней у нас на любой вкус: корь, коклюш, свинка, диабет... Все, что угодно, от чесотки до беременности.

А Танечка родилась у мамы в тюрьме. И пять лет там прожила. Что ж ты замолчала, лапушка? Испугалась? Не бойся, дядя просто ходит, фотографирует. Ну что ж ты, Танечка? Ну не молчи. Ну хоть выматерись, как обычно!

Там Аня спит, туда не ходите. Припадки у нее. Сейчас укол сделали — спит. Аня у нас давно. Областная она, родителям не нужна — никто за ней не едет. А в собесовский интернат отдавать жалко. Здесь хоть накормленная, чистенькая. Плохо ей там будет...

У нас ведь отстойник. Если кто кому не нужен — сразу к нам».

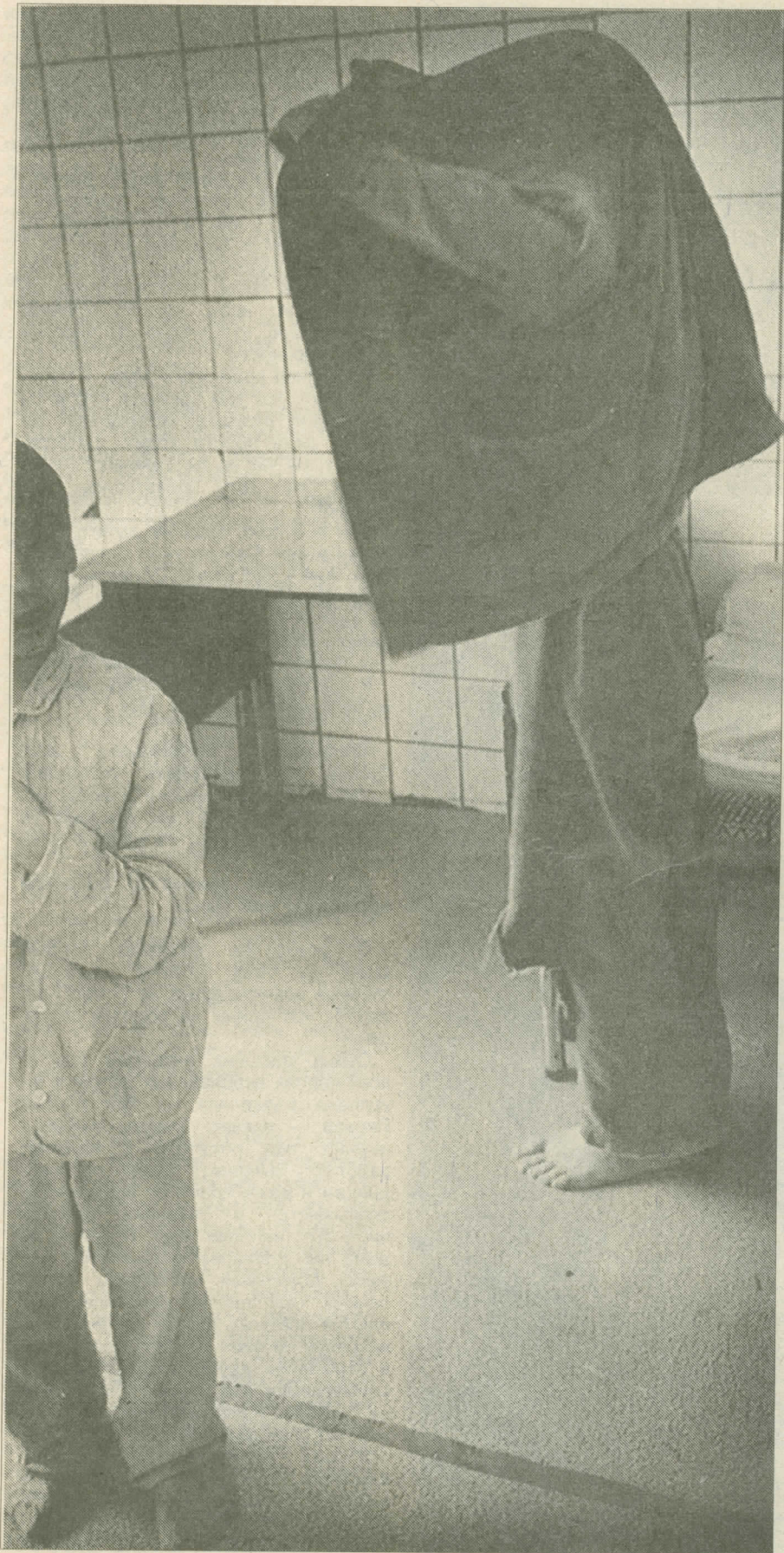
«Заявление. Начальнику о/м. Прошу Вас возбудить уголовное дело по факту пропажи в моем доме 19 000 руб. + 21 ам. доллара 28 января и 2000 руб. 29 января 1993 года.

В квартире совместно со мной проживает мой сын...»

О родителях разговор особый. Одна из моих близких знакомых, главный врач роддома, не устает повторять: «От осины не родятся апельсины».

Семьи здешних питомцев (как и всех прочих асоциальных детей) я условно разделила на три группы. Первая — внешне благополучные, а именно: оба родителя в наличии, работают, выпивают только по праздникам и даже время от времени расписываются в дневнике, ребенок чист, сыт, неплохо одет. Пропажа из дома ам. долларов оказывается для таких родителей настоящим потрясением. Они так же искренне изумляются поступку своего ребенка, как искренне не замечали его «шалостей» в отношении других людей. Винят в случившемся все и всех: школу, улицу, друзей, правительство. И очень жалеют свои доллары.

Вторая категория — матери-одиночки. Бедные, истерзанная жизнью, надорвавшиеся работой женщины исправно тянут свой воз, чтобы обеспечить отроку сносное

существование. Но всегда находится приятель Шурик из соседнего подъезда, у которого кроссовки фирмовой. Тогда отрок свое недовольство жизнью выражает противоправными действиями, а мать обвиняет его в черной неблагодарности. Дети и деньги — тоже отдельная тема.

Двенадцатилетний Женя без тени смущения объяснил мне, что любит одну девочку, потому что ее папа, директор малого предприятия, дает ей на мороженое 3 тысячи в день. Как же ее не поллюбить? А сам Женя, помогая водителям заправиться на бензоколонке, зарабатывал всего тысячу в день. Ну и еще пару-тройку долларов. Но жениться Женя не станет, потому как ребенка иметь сейчас роскошь. Так и сказал, очень серьезно. Молочная смесь импортная, говорит, стоит 19 тысяч. А чтобы ребенка выкормить, нужно 3 коробки. Представляете, во сколько ребеночек влетит?

И ближайшие свои перспективы Женя просчитал: «Мне сейчас нечего бояться. Уголовная ответственность даже за самые тяжкие преступления только с четырнадцати лет наступает».

Женины друзья забили ногами насмерть отца одного из них. Сутки били, пока не умер. Когда тот терял сознание — отдыхали, а как только начал шевелиться — снова били. И Женя ударил несколько раз. Из солидарности.

Третья семейная группа — алкоголики. Неважно, одна мать или вдвоем с отцом. Характерный пример: пропивают краденое вместе с ребенком, а когда того забирают в милицию, мать кричит в пьяном экстазе: «Не бойся, сынок, я тебя выручу».

Когда врачи собирают анамнез, они прежде всего интересуются родителями. Проступок ребенка — их диагноз (не обязательно медицинский).

А есть еще совсем бессемейные, родители которых существовали в природе лишь в момент зачатия.

«Рапорт. Докладываю Вам, что 23.01.93 в 9.10 мной совместно с лейтенантом Сорокиным был доставлен в дежурную часть милиции н/летний, который долгое время проживает на вокзале. Данные о себе не называет, ведет себя агрессивно, бьет ногами, кусается, царапается, кричит. Старшина милиции Галиченко».

И вот он сидит напротив, одиннадцатилетний Вовка Серебров, в момент задержания покусавший двух милиционеров, ударивший лопатой инспектора ИДН, с огромным, рыжеющим уже синяком под глазом, три

ночи провышший на луну в наблюдательной палате: «Свободу! Сво-бо-о-ды хочу!!!» — и, мучительно наморщив лоб, спрашивает меня сразу же самое главное: «Тетенька, вы сейчас отвезете меня на вокзал, да?»

Вовка кишел вшами всех известных разновидностей. Всю его одежду — от трусов до пальто — пришлось замочить в ванне с хлоркой.

«Тетенька, вы сейчас отвезете меня на вокзал, да? Мне там хорошо, там свобода. А здесь мне ску-у-чно. Пусть мама плачет. Мне от этого не холодно и не жарко. Я ее ненавижу, но потихонечку все-таки люблю. Дома я сидел на стуле и сидел. Неохота там жить, и я не буду.

Один раз меня отвезли поучиться. Я разозлился на учительницу и вернул ей руку. И меня забрали оттуда.

Отец у меня пьяница. Он, как напьется, так бабку начинает бить. Мама с ним развелась, а меня наказывала. Потому что я сплетничать могу, что она ничего не делает. Наказывала, но не била. Как наказывала? Как и любящая мать — ремнем.

А на вокзале у меня друзья: бомжи, пьяницы. Они рассказывают о работе, о сегодняшнем дне. Кто-то хочет устроиться работать, а кто-то нет. Ой, вы уже две страницы исписали!

Ночью я спал, на сиденьях, на батареях. А днем попрошайничал в переходе, на «Комсомольской». Когда 156 рублей в день набирал, когда 300, а когда и 500. Деньги тратил на игровые автоматы. Из еды хлеб покупал. Еще курить и пиво. Я пиво очень люблю. А курю я давно, еще в пять лет отцовские бычки курил.

На вокзале интересно: сел на поезд и — свобода. Я жить без свободы не могу. Тетенька, а когда меня на вокзал отвезут? Не знаете? Ну я пошел в свою хату, а то вы уже три страницы исписали».

«Уважаемые родители! Строго запрещается передавать детям острые и колющие предметы: массажные щетки, иголки, значки, шпильки и пр. Администрация».

Я, конечно, пошла по умным людям, спрашивала у всех: что делать?

Один рассказал мне о пользе психотерапии, дескать, чудеса творит.

Другой — о роскошных капиталистических поселениях, где собирают таких вот взрывоопасных, холят их и лелеют, разрешают делать все, что угодно, но под надзором добрых тетей и дядей.

Третий все толковал о неотвратимости наказания. Наказывать — рубил он воздух ладонью — и жестоко!

От четвертого я узнала о пользе

общения с лошадьми. Лошадь, оказывается, самое психотерапевтическое животное. Короче, коневодством надо всем заниматься.

А главный подростковый психиатр Борис Зиновьевич Драпкин сказал так:

— Потеряли мы наших детей. Всех от нуля до двадцати двух. И ничего тут не поделаешь. Дай Бог, если лет через тридцать оправимся.

И разложил все по полочкам.

— Студенты, завтрашние специалисты, наша надежда. Сначала мы заставили их нищенствовать, а потом они обнаружили, что уже сегодня могут прекрасно зарабатывать, но для этого совершенно не нужно хорошо учиться. Они с головой ушли в коммерцию, живут теперь неплохо, но на смену уехавшей интеллектуальной

элите уже никто не придет. Вот вам пожалуйста: впереди серость.

Дальше школьники: выпускники, пэ-тэушники и прочие. Учатся по-настоящему опять единицы — они не в счет. Есть, правда, еще элитарные лица, но они пока себя никак не зарекомендовали. Тогда как и чем жить? Снова коммерция, мелкая, но под надзором серьезных акул. Серьезные ездят на «мерседесах», следовательно, развиваются зависть, неудовлетворенность, агрессивность. Тогда они берут силой. Если не получается — убивают.

Возьмем самый сложный возраст, 13—15 лет. Где они со всеми их комплексами, метаниями, исканиями? Они моют машины, продают газеты и сигареты. Когда на Западе, в устоявшемся обществе, дочь миллионера моет посуду — это прекрасно, так ее приучают к труду. Но она моет посуду во время каникул, а не тогда, когда должна сидеть за партой. А мы просто растим усредненного спекулянта, которому все до лампочки...

Но физически и психологически-то человек формируется все же до 6 лет. Вот это уже полностью «перестроечные» дети. Питание неполноценное — белков, витаминов не хватает. Бассейны, секции платные — значит, физическое развитие прекратилось. На книжки денег не остается, и родители вечно в стрессовом состоянии. Вывод?

Вот закончим перестройку, нормализуем психологическую обстановку, откормим первых нормальных детей — тогда и будет о чем поговорить.

Боюсь, что в отношении этих детей Борис Зиновьевич прав. Все новейшие достижения в области психологии и психиатрии — ничто перед беспросветностью окружающей действительности. Можно изолировать ребенка, но не навсегда. Можно прочитать курс лекций родителям, если они захотят слушать. Можно написать кучу доказательнейших статей — но кто их прочитает?

Те, у кого другие дети. К счастью, остались еще и другие дети. Но где гарантия, что дорожки тех и этих не пересекутся? По-моему, уже настало время, когда должен возобладать элементарный инстинкт самосохранения.

Если из каждых 100 интернатских детей 92 нуждаются в психиатрической помощи, нужно разбиться в лепешку, но помощь эту предоставить. Если весьма экономным капиталистам день нахождения подростка в больнице обходится в 900 долларов, то нам он никак не должен стоить 500 рублей — это глупость. Просто потом пожалеем.

А мы все о колбасе...

Шестиклассник, милый мальчик, проснулся утром пораньше, снял со стены отцовскую охотничью двустволку и разрядил оба ствола в спящих родителей. Оделся, пошел в школу, там сообщил друзьям: «Ну я со своими расправился, теперь можно и в Воркуту ехать, как собирались».

Смотреть на него в больнице врачи ходили целыми толпами. А он сидел в общей палате, играл в домино и привычно бубнил: «Нет, не жалко. Нет, совсем не жалко — они мне мешали жить. А сестра-зараза пусть теперь на одну свою стипендию покрутится».

КОЛЛЕДЖ

Государственная фирма «Колледж» предлагает

ИЗГОТОВЛЕНИЕ ШКОЛЬНОЙ МЕБЕЛИ

- ◆ ПАРТЫ ШКОЛЬНЫЕ
- ◆ СТОЛЫ ДЛЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ
- ◆ СТУЛЬЯ
- ◆ СТЕЛЛАЖИ БИБЛИОТЕЧНЫЕ
- ◆ СКАМЬИ

ИЗГОТОВЛЕНИЕ МЕБЕЛИ ДЛЯ ОФИСОВ,

а также

ИЗГОТОВЛЕНИЕ МЕБЕЛИ ПО ИНДИВИДУАЛЬНЫМ ЗАКАЗАМ

Оптовые поставки в любой город России

Наш адрес: 107005, Россия, Москва, Волховский пер., 11

Наш телефон: (095)267-7058

ЭТО ВЫ МОЖЕТЕ НЕ ЧИТАТЬ!

Но тогда Вы не узнаете об уникальной возможности вложить деньги в строящиеся отдельные благоустроенные квартиры в Москве и коттеджи в ближнем Подмосковье, причем строительство производится по рекордно низким ценам, а по вкладу кроме того начисляются выгодные проценты. Эта возможность —

ЖИЛИЩНЫЕ СЕРТИФИКАТЫ

СИСТЕМЫ «МАЛЕКС»

Покупайте их в МП «Атрис» по адресу:
Москва, ул. Рогожский поселок, д. 3
(ст. м. «Марксистская»)
☎ 902-09-02, 489-05-53, 278-35-38.

ЦЕНТР ТЕХНИЧЕСКОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ ФИРМА

«КРОН»

- ремонт копировальных аппаратов
- «CANON», «MITA», «RICON», «SANYO», «SHARP»
- заправка картриджей
- поставка комплектующих и расходных материалов
- продажа копировальных аппаратов

Тел.: 432-90-00, 431-05-98

Факс: 431-19-98

Москва, ул. Новаторов, д.14, корп.2.

Универмаг «РОССИЯНКА»

продает:
пылесосы «Тайфун-600»,
бензопилы
«Урал-2Т-электрон».

**ЦЕНЫ — САМЫЕ
НИЗКИЕ В МОСКВЕ!**

Адрес: Москва, ул. Хачатуряна,
д. 7. Проезд метро «Отрадное».

Предприятие продаст
автоприцепы ММЗ для
легковых автомобилей.
Тел.: 384-38-10

RIVALS Co. Ltd

предлагает

- МЕБЕЛЬ КОЖАНАЯ
- ПРОДУКТЫ ПИТАНИЯ
- ТОВАРЫ НАРОДНОГО
ПОТРЕБЛЕНИЯ

Тел.:
231-19-50,
231-39-68

ФИРМА «СТАРТ-СЕРВИС» ПРЕДЛАГАЕТ:

бытовые компьютеры,
программное обеспечение,
литература, устройства к
компьютерам

**ЭТО ЛУЧШИЙ ПОДАРОК
ВАШЕМУ РЕБЕНКУ!**

Наши адреса:
— секция «Электроника» в магазине
«Мелодия»
(Ленинский пр-т, д.148, метро «Юго-
Западная»)
— магазин «Старт-Сервис» в компью-
терном центре
«Эльф-1» (Земляной вал, 13, метро
«Курская»)
— оптовая закупка или продажа в
офисе фирмы «Старт-Сервис» (Ленин-
ский пр-т, д. 152, корп. 1)

Телефоны: 433-24-77
327-56-39
434-12-14

— Да ты, парень, просто трудяга! — воскликнул 29-летний Сергей, затушил в хрустальной пепельнице бычок «Данхилла» и откинулся в своем кресле за столиком с компьютером. — Но я смотрю на вещи иначе. Сегодня на каждом углу трубят о нуждах бедных и «обездоленных», будто их нежелание крутиться, их непредусмотрительность — это какая-то особая, чисто российская добродетель. Но ведь и у богатых есть свои нужды. Их желания, конечно, совсем не похожи на желания бедняков, но от этого они не становятся менее... э-э... насущными и необходимыми!

Среднего человека смешит даже сама мысль о том, что у богача тоже могут быть свои особые проблемы. А они есть. С ростом богатства возрастают и потребности, а это ведет к тому, что богач часто оказывается в более затруднительном положении, чем его бедный собрат.

— В таком случае, почему бы богачу добровольно не отказаться от богатства и не свалить с плеч долой такой, как вы говорите, тяжкий груз проблем?

— А почему бы бедняку не отказаться от своей нищеты и не стать богатым или хотя бы обеспеченным? — тут же парировал Сергей. Вообще-то этот мой собеседник, до которого я с таким трудом добирался на протяжении недели, угваривая более мелких «сошек» замолвить за меня словечко, после двадцати минут долгожданной беседы начинал действовать мне на нервы. Он беззаботно толковал со мной так, будто у меня на счете в швейцарском банке был как минимум миллион, а заняуханный костюмчик-двойка, в котором я к нему в контору явился, всего лишь некий каприз пресыщенного вкуса.

— Ах, прости, мы отвлеклись от темы! — наконец уловил атмосферу Сергей и тактично перевел разговор в нужное русло. Вовремя.

Николай ПОПОВ

БУРЛАКИ НА «ВОЛГАХ»,

ПОТОМУ ЧТО ИХ КЛИЕНТЫ НА «МЕРСЕДЕСАХ»

Да погодите вы! Пролить журнал дальше пока не стоит, никакой рекламы здесь не будет, не бойтесь.

А будет просто тема, родившаяся, как это часто бывает, из обычного уличного объявления у здания трансакгентства. Объявление звучало примерно так: «Перевозка мебели. Погрузим, перевезем и разгрузим, как жених невесту на руках в день свадьбы. Обернитесь — и наш агент подойдет к вам».

Бред. Держать при каждом объявлении специального топтуна — это, определенно, выбрасывание денег на ветер. Так я тогда подумал и... обернулся. Тут же из ближайшего «комка» вынырнул джентльмен стандартной наружности, многозначительного вида, с черным кейсом и подошел вплотную предложить свои услуги.

— А что, я действительно похож на обеспеченного человека? — полюбопытствовал я, выслушав его рекламную тираду.

— А почему вы, сударь, должны быть на него похожим? Ваше материальное положение я определяю примерно в... — и незнакомец назвал сумму, на три тысячи превышающую мой заработок, чем меня приятно удивил (а может, это просто очередной рекламный трюк?). — Но вы, видимо, работаете на вполне обеспеченного человека, разве нет?

— ...Ага, а ему, разумеется, не тер-

пится транспортировать свой ненаглядный мебельный гарнитур «Людовик XIV» в новые апартаменты, так, что ли?

Мужик иронии не уловил:

— У вас «Людовик XIV»? Секундочку, сейчас посмотрю... (Он достал электронную записную книжку «Sharp» и изобразил на ее кнопках и клавишах нечто вроде собачьего вальса.) Десять предметов, так? Какова срочность заказа?

— Гм, может, вы сначала поинтересуетесь расстоянием и этажностью домов, скажем? А я, в свою очередь, поинтересуюсь вашими расценками?

— О, разумеется! Приятно иметь дело с деловым человеком, берущим сразу быка за рога (черт, как надоели эти комплименты ради создания в моих «обеспеченных» мозгах благоприятного образа!). В таком случае пожалуйста в машину, мы отвезем вас до конторы, а по дороге рас- скажем, что к чему...

Во дурень-то, а! Неужели он всерьез полагает, что толстые кошельки вот так запросто гуляют по улицам и глазуют в рабочее время на ободраные стенки с объявлениями?! Ну, хорошо, меня приняли за мальчика на побегушках у толстосума, но ведь и такие категории населения предпочитают пользоваться телефоном, элементарным телефоном. А этот тип так и сказал «пожалуйста в машину» — что тут делать, а?

Сосредоточенно размышляя, как бы меня в конце путешествия не заставили оплатить транспортные услуги по счетчику, я все же влез в черную «Волгу» и робко попросил разъяснить мне некоторые нюансы прямо на месте. Что и было с готовностью исполнено радушным агентом, оказавшимся, кстати, заодно и водителем.

Сумма в девять тысяч рублей за перевозку «моего» «Людовика» поначалу даже рассмешила: ради этих-то девяти вшивых тысячных бумажек их фирма так старается?!

— О да, конечно, нам более выгодны крупные заказы, но вы же понимаете, что такое престиж, особенно в нашей стране. Вы и ваш хозяин, воспользовавшись нашими услугами, убедившись в их безупречном качестве, неминуемо запомните если не название фирмы, то хотя бы способ, как вы нас нашли. И если у кого-то из ваших друзей возникнет аналогичная проблема (как максимально «нежно» перевезти мебель), то он непременно обратится к вам за советом как к знающему человеку. Мир деловых людей очень тесен...

— Узок круг этих революционеров, согласен. Но почему бы не воспользоваться традиционным путем: газетной, журнальной и ТВ-рекламой?

— Между прочим, вы, наш потенциальный клиент, почему-то отбросили все эти газеты в сторону и пришли сами к нашему объявлению. И так поступаете не только вы. А мы экономим на этой рекламе уйму денег — выгоднее содержать таких агентов, как я, почти у всех контор Мострансагентства и мебельных фабрик. Нам, кстати, повышают оплату прямо пропорционально повышению рекламных расценок в масс-медиа.

Слушай, дядя, да я просто мимо шел!!!

Делать нечего, раскрываю ему свои карты, а он... смущенно извиняется за выпад в сторону журналистики, и я понимаю, что «рекламный агент» — для него не работа, а призвание.

...Уж не знаю, как остальную прессу, но «Столицу» в этой фирме уважают. В предбаннике довольно неказистого особнячка в Замоскворечье, где располагается сам офис, меня любезно встретила секретарша. Этакая Машка Попкина, то есть Мэри Поппинс на отечественный манер (никаких чаевых за косвенную рекламу я не получал, так что в выражениях не стесняюсь и говорю как есть). Ее, правда, успел предупредить по авторации мой провожатый. Что ж, на доморощенных коммивояжеров она должна производить впечатление. Внутренне смаргивая проникающую радиацию ее

чуть раскосых зеленых глаз, пытаюсь через эту «куколку» связаться с начальством.

— Сергей... наш генеральный директор, сейчас заканчивает тур по Греции и будет только послезавтра, — ее голос выражал неподдельную печаль, но вдруг девочка зажглась надеждой. — Но, может быть, вас удовлетворит беседа с его заместителем? В таком случае я моментально все устрою!

Нет, эту пьесу определенно надо играть в театре. И откуда они такие таланты набирают по актерской части?

— Будем знакомы, я Анджей.

— Андрей, простите?

— Анджей. Я поляк, занимаюсь как раз кадровыми вопросами, то есть тем, чем вы интересовались у нашего агента.

Так, а вот это уже смахивает на филиал КГБ. Ведь тот парень просто физически не мог переговорить с Анджаем, вот он, в коридоре сидит! Ну и дела. Хотя чем еще интересоваться репортеру — ценами и заработками. Дедуктивный метод!

— Структура нашего эс-пэ проста. Четыре экипажа (бригады) на вызов (по четыре грузчика плюс водитель, плюс мальчик-подросток), 28 комбинированных агентов-водителей плюс еще 28 их сменщиков на постах и минимализированное управленческое звено. То есть гендиректор, я и коммерческий директор. На одну зарплату ежемесячно уходит больше пяти миллионов рублей!.. Да вы не стесняйтесь, спрашивайте. Маша, организуй нам чай!

Нет, чем более искренним старался казаться Анджей, тем скучнее мне становилось. Я попросту не верю в достаточное для процветания фирмы количество богатеньких буратино, так уж пекущихся о сохранности фамильных мебельных гарнитуров.

Не-ет, разгадка где-то близко, я чувствую ее дыхание...

— Простите, а зачем в каждом экипаже грузчиков нужен еще и подросток?

— Чтобы открывать и закрывать двери комнат, квартиры, лифта, подъезда, машины и облегчать тем самым задачу грузчикам. Ведь главное — не побить груз ненароком. Не ногами же мужикам двери открывать!

— И получают мальчики за это...

— ...по двадцать восемь тысяч в среднем. Вот ведомость, если вас это интересует. Вообще, вся бригада работает за процент от выручки.

Гм, я бы так тоже хотел, черт возьми. Стоишь себе, дверки отворяешь в нужный момент — и денежки текут. Нехило. Ладно, едем дальше.

— Я смотрю, ваш расчетный счет

открыт в... банке. Это, насколько я знаю, один из так называемых «конверсионных» банков, обслуживающих главным образом «оборонку». Немного странно для сугубо гражданского предприятия. Не боитесь?

— Ничуть. ВПК — пожалуй, единственное надежное помещение капитала в этой стране. Кроме того, пользуясь услугами такого банка, мы можем дешево покупать для своих сотрудуников некоторые конверсионные материалы и оборудование...

Интересно, не нужен ли грузчику противогаз по сходной цене?

...Например, недавно нам удалось купить партию автомобилей «Волга», бывших штабных машин, всего по полтора миллиона за штуку (на одной из них вы уже успели прокатиться). Посмотрите вот этот акт купли-продажи!

Ага, кажется, он проговорился! Неужто генералам мебель грузят? Но тогда они должны ошиваться главным образом на вокзалах, а не у трансангентов и заниматься транзитом через Москву. Хотя черт его знает, ведь большинство высшего командного состава находится в столице... А ну-ка, на всякий пожарный!

— Анджей, наверное, ваши сотрудуники обслуживают не только Москву...

— О да, некоторые бизнесмены перевозят свои вещи из одного региона в другой, так что мы выступаем субподрядчиками, обеспечивая прохождение груза через Москву. Перегружаем из одного контейнера в другой, упаковываем тщательно, следим, чтобы груз уехал по назначению.

Поймал! Ведь «транзитная» мебель с самого начала пакуется в контейнер, и перегружать ее во время следования нет необходимости — только вместе с ним, с помощью крапа!

— И каковы основные маршруты, обслуживаемые вашей фирмой?

— Ну, главным образом это Западная Сибирь, Урал, Литва, Польша, Белоруссия. Сейчас я принесу вам документы...

Да что он, в самом деле, мне бу-мажками под нос тычет, словно я налоговый инспектор?! А впрочем, поглядим.

— Анджей, вы, наверное, часто помогаете военным из выводимых российских войск? Бедняги, им так несладко придется на новом месте службы за Уралом!

— Ну да, помогаем...

По некоторым накладным выходит, что Литва, Польша — конечные пункты следования. Что же получается? Подразделения выводятся, а генеральский скарб, наоборот, в Европу едет? Стоп, тихо. Я ничего не знаю.

— ...Только эти вопросы занимают ничтожно малую часть в нашей работе. Основное — это здесь, в черте города. И вовсе не с военными. Давайте-ка мы лучше отправим вас вместе с третьим экипажем на погрузку-разгрузку. Сейчас как раз поступил заказ из Медведкова на 35 тысяч. Ребята поработают, а вы посмотрите, чем мы отличаемся от государственных небритых алкоголиков!

Разумеется, я согласился.

На задворках особнячка была оборудована автостоянка, где довольно урчал движком грузовой «Renault». Веселая компания из четырех дюжих грузчиков и 13-летнего мальчика, оказавшегося сыном старшего, дружно вскарабкалась в крытый фургон, задраила люки, и мы тронулись. Через какие-то сорок минут нас, наконец, открыли — и грянул свет. Но мешкать некогда — мы сообщаем вынимаем из грузовика тяжелые метры прозрачного пупыристого полиэтилена и тащим наверх, на десятый этаж. Вот в этом-то и состоит основное отличие «самостийных» мужиков от государственных: пленка предохранит мебель клиента от царапин и сбоев.

Дальше все как по писаному. Обворачиваем ею спальный гарнитур (уж не помню, то ли «Марина», то ли «Марьяна»), стенку итальянскую и телевизор «Panasonic». Видно, что хозяин квартиры остальное уже вывез. Аккуратно стаскиваем все это вниз, грузим и верхом на пленке едем куда-то в район Кутузовского проспекта. Сгрузили, подняли на пятый этаж, клиент — лысоватый мужичок с бегающими глазами — расплатился, дал пару тысяч на чай, ну и все, собственно. Экипаж машины боевой вернулся восвояси сдавать выручку.

И только когда я вылезал из фургона, случайно обратил внимание на болтающиеся на его стенке несколько подсумков военного типа. Это были пять счетчиков Гейгера. Пять счетчиков Гейгера, братцы...

Ну да, а вдруг мебель фонить начнет, правда?

В общем, я могу объяснить, почему до сих пор ни МВД, ни МБ не собрали пресс-конференцию по этому поводу, где бы пред изумленные очи журналистской братии предстали вещественные доказательства и фотографии разоблачения и поимки преступной группировки. Почему криминальные торговцы никого из работников известных органов не ранили и не убили. Почему не отличился лейтенант милиции N.N., спасая жизнь 19-летней девушке, взятой заложницей. Почему он не получил смехотворную премию и грошовые часики с именной дарственной надписью от командования. Почему не понес их на следующий день в коммерческий ларек, чтобы, продав за бесценок, хоть как-то обеспечить жену и двух маленьких очаровательных дочек продуктами до зарплаты. Ведь ничего этого просто не было!

А было вот как.

Через день я снова навесил знакомый офис, напросился на ничего не значащую, чисто для проформы, беседу с генеральным директором фирмы Сергеем. Он часа полтора разглагольствовал о полной проблеме жизни богатых и бедняках-бездельниках. А ближе к вечеру *какого-то* дня я договорился со своим старым приятелем, имеющим автомобиль, подежурить у конторы и немножко «попасти» эти грузовички «Renault».

Есть, видите ли, такая штука — этика. Не «журналистская» — народная

этика. Одиннадцатая заповедь, если хотите. Не стучи! Поэтому я не побежал за подмогой ни к «мусорам», ни к голубым мундирам. И плевать мне на статью УК о недонесении. Доносить-то, в сущности, нечего. Оговорки замдиректора, странные накладные да счетчики радиации... Нет, все это надо еще проверять и перепроверять!

Два выезда оказались пустыми. Грузчики преспокойно занимались своим прямым делом сначала на «Бауманской», потом где-то около Тимирязевки, затем выехали аж в Солнцево и выгрузились в Орехово-Борисове. Но наше терпение было все-таки вознаграждено: часиков в девять вечера «Renault» прибыл туда, куда я и рассчитывал, — на Ярославский вокзал.

Подъехав прямо к путям, грузчики по одному выпрыгнули на полотно и... уселись рядком на рельсе, как несучки. Сидели довольно долго, мы уж промерзнуть успели основательно. Как вдруг подъехал, громяхая на стыках, грузовой состав, и грузчики пошли вдоль вагонов. Мы — тоже.

Быстро нашли то, что мужикам, видимо, было нужно, — прицепленный псевдопочтовый вагон, из которого немедленно показалась какая-то физиономия в военной шапке-ушанке. Короткие возгласы приветствия и старшей экипажа ныряет в вагон, остальные терпеливо ждут вниз.

Начальник караула снова выскакивает наружу, проходит два вагона вперед и снимает четыре поста, отпуская солдат-взвэшников «погреться». Грузчики немедленно откидывают стенку крайнего контейнера и шустро перетаскивают деревянные ящики с черными надписями в грузовик. Начар их считает. На этот раз контейнер лишился пяти больших длинных ящиков и девяти поменьше, плоских, с треугольным клеймом на боку. Вся операция заняла не больше пятнадцати минут, подросток стоял на подъездной дороге и внимательно глядел в обе стороны. Мы скоронились за соседним составом из нефтяных цистерн, не решаясь даже пошевелиться.

Ибо это было оружие.

«А больше я вам, буржуинам, ничего не скажу. А самим вам, проклятым, вовек не догадаться!»

Из речи Мальчиша-Кибальчиша на закрытии пленарного заседания Клуба Одиноких Сердец в Президент-отеле

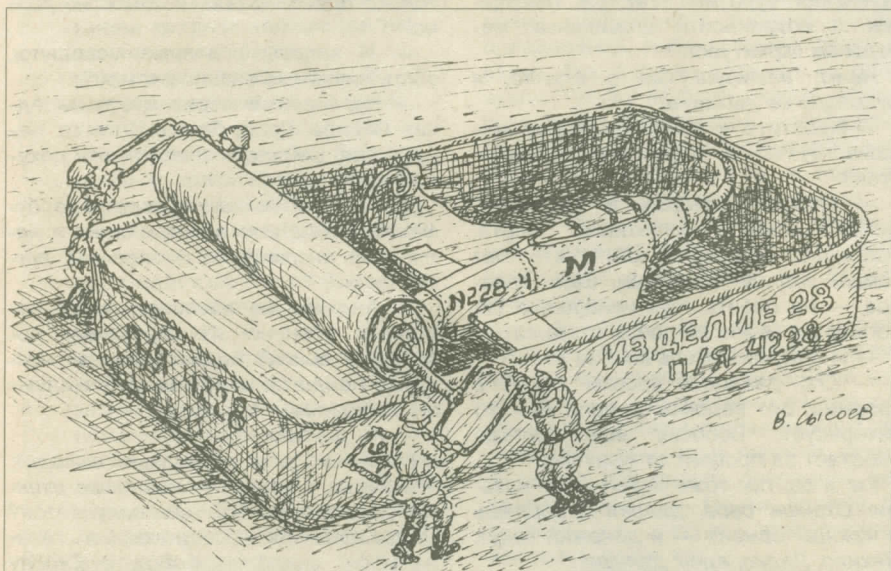

Рис. В. Сысоев

КРЫЛАТЫЕ МСТИТЕЛИ ДОКТОРА АДАМСА

Я увидел на самом потолке мелькающую тень от чего-то летящего. Я сейчас подумал, что это летучая мышь.

С. Аксаков. Семейная хроника

Считается, что главным секретным оружием американцев во время второй мировой войны была атомная бомба, и это так, однако в американском арсенале находилось в те годы еще одно тайное средство чудовищной разрушительной силы, покровы с которого наконец снимает недавно вышедшая книга одного из его создателей — калифорнийца Джека Куффера. Разработка этого страшного оружия началась полвека назад — в 1942 году, через несколько месяцев после японского нападения на Пирл-Харбор, когда американцы были готовы ухватиться за соломинку.

Вместо этого военные ухватились за летучих мышей, коих много водится в этой обширной стране, но пуще всего — в пещерах ее юго-запада. Идея была проста: прикрепить к миллионам этих отвратительных созданий миниатюрные зажигательные устройства, упаковать их в большие емкости типа авиабомб и сбросить в предрассветный час с самолетов на бумажно-бамбуковые японские города. Когда раскроются парашюты, оболочки бомб разойдутся в воздухе и выпустят на волю мириады полусонных крылатых мстителей, которые через несколько минут совершат мягкую посадку на японские крыши и начнут забиваться во всякие укромные места.

Еще через несколько мгновений с легким шипением вспыхнут прикрепленные к небесным пришельцам зажигательные устройства, и в городе начнутся сотни тысяч пожаров.

Как говорилось в американских документах той далекой эпохи, до 80 процентов строений в центре Осаки

состояли из горючего материала, такого, как «пропитанная рыбьим жиром бумага, циновки, бамбук и пиломатериалы». Примерно два миллиона жителей, сумевших выйти из огня живыми, остались бы без крова. Как писал президенту Рузвельту изобретатель этого оружия эксцентричный пенсильванский дантист Литл Адамс, результатом налета будет «сокрушительный удар по духу японского народа» и по японской индустрии.

«Как мне представляется, — писал Адамс президенту, — миллионы летучих мышей, веками обитающих в наших колокольнях, туннелях и пещерах, были посажены туда Господом и ждали своего часа, чтобы сыграть роль в мироздании свободного человеческого существования». Если налет силами десяти бомбардировщиков, нагруженных двумя миллионами летучих мышей, поможет «нам избавиться от японских вредителей», продолжал Адамс, то «мы возведем монумент для увековечения» крылатых мстителей, «как поступили мормоны, построившие памятник чайке у себя в Солт-Лейк-Сити».

Поначалу за идею находчивого дантиста ухватились и Рузвельт, и Национальный совет изобретателей, и командование фронтовой авиации, и войска химзащиты. Адамсу было поручено сформировать исследовательскую группу, в которую входили специалист по летучим мышам из лос-анджелесского краеведческого музея и его 17-летний протеже Джек Куффер — автор упомянутой выше книги, впоследствии не пошедший по мышиной части, а переквалифицировавшийся в кинематографисты.

Если атомная бомба создавалась в рамках «Манхэттенского проекта», то эта затея получила кодовое обозначение проект «Рентген». Куффер подробно описывает трудности, с которыми столкнулись исследователи, проводившие эксперименты в пустом ангаре для дирижаблей: нужно было выяснить, какую бомбовую нагрузку способна нести средняя летучая

мышь (оказалось, что не более унции, то есть менее 30 граммов), изобрести зажигательную бомбочку не тяжелее унции (которую сперва хотели было прикреплять к хвосту носителя хирургическими зажимами, но потом остановились на клейкой ленте) и научиться погружать мышей в искусственную спячку по дороге к цели, а потом будить их перед сбросом на неприятельский город.

Ретрограды, наконец, прикрыли проект «Рентген» в 1944 году, хотя исследователи успели провести испытание нового оружия, оказавшегося столь успешным, что они дотла спалили военный аэродром в Карлсбаде (штат Нью-Мексико). Американский. Но — бей своих, чтоб чужие боялись.

А в период «расцвета» базировавшийся в Калифорнии «Рентген» разрабатывали целых 20 человек, в том числе кинозвезда, гангстер из чикагской организации Аль Капоне, поклонник изометрической гимнастики (ночью у этого культуриста «мускулы постоянно подергивались, как у видящего сон пса») физиолог по имени Озро, видный гарвардский химик Луис Физер и другие интересные люди. Самым ужасным аспектом этой титанической работы были вылазки в пещеры Техаса в Нью-Мексико, где творцы нового оружия собирали подопытных летучих мышей с ушами Росса Перо.

Рецензента книги в «Вашингтон пост» Курта Сапли больше всего потрясло описание того, как исследователи ползком пробирались в подземные пещеры, по колено заполненные мышиным пометом, тушками дохлых летучих тварей и миллиардами копошащихся клещей. Пирл-Харбор был давно, и Сапли замечает в духе нынешних веяний, что за этими тревожными наших героев как-то забывается, что конечной целью их предприятия было сжечь несколько миллионов гражданских японцев: «Читатель, — пишет рецензент, — искренне расстраивается, когда в конце концов проект «Рентген» бесцеремонно прикрывают».

Но американские военные, напоминая в утешение Сапли, работали в тот момент над еще более экзотическим оружием, о котором до «рентгеновцев» доходили лишь туманные слухи, внушавшие им черную зависть. Их вождь Адамс не мог поверить своим ушам: «У нас на ходу железный вариант — мышиная бомба, — заявлял он, — с помощью которой мы можем выиграть войну, а эта публика возится с крошечными несчастными атомами. Хоть плачь!»

Владимир КОЗЛОВСКИЙ
Нью-Йорк

Алексей
МИТРОФАНОВ

УЛИЦА - ПОЖАТИЕ ПЛЕЧАМИ

«Ордынцами» звали на Москве татаро-монгольских послов.

Тут и сегодня немало посольств — Кыргызстана, например, бывшее постпредство, с красивыми, затейливыми воротами, которые вечно заставлены мусорными контейнерами. А также Руанды, Мавритании, Кении, Гвинеи-Бисау... И, конечно же, Израиля, бывшее генеральное консульство.

Его открыли года полтора назад. «И звезда с звездой говорит», — шутили газетчики.

Оно не похоже на все остальные посольства. Вместо традиционной конуры с милиционером, глядящим в кокетливое боковое зеркальце, — фундаментальные кордегардии, перед ними — заслоны, табличка, сообщающая, что для получения гостевой визы необходимо... 6000 рублей в тысячных купюрах.

А рядышком торгуют русско-ивритскими разговорниками и... огромными баулами — что значит настоящий сервис.

...Улица тиха, провинциальна и загадочна. Она скупа на настоящее, она — вся в прошлом. В далеком прошлом. Вот, например, двухэтажные домики, в самом начале, на правой стороне. Они сохранились еще с XVII века, и жили в них ткачи Кадашевской слободы. И никаких мемориальных досок, никаких этикеток — здесь история так ненавязчива.

Но вряд ли маленький Достоевский обращал на них внимание, когда везли его в дом № 17 к дядюшке Куманину. В дом холодный, «скучный» и враждебный, описанный потом в романе «Идиот», — здесь жил Рогожин. Путь князя Мышкина по дому был гнетущ: «Отворивший князю человек провел его без доклада и вел долго; проходили они одну парадную залу, которой стены были «под мрамор», со штучным дубовым полом и мебелью двадцатых годов, грубою и тяжеловесною, проходили и какие-то

Большая Ордынка получила свое название по вполне понятной причине — здесь проходила дорога в Золотую Орду и, конечно, селились «ордынцы».

маленькие клетушки, делая крючки и зигзаги, поднимаясь на две, на три ступени и на столько же спускаясь вниз, и наконец, постучались в одну дверь».

А перепады оконных рядов — свидетельство о сохранившихся «ступенях».

Неуютно было Достоевскому в гостях у дядюшки — и неуютно было Цветаевой в гостях у Ахматовой, поселившейся в этом доме сто лет спустя. «Она приехала и сидела 7 часов», — говорила позднее Ахматова. Семь тяжелых для обеих поэтесс часов.

Зато эту улицу любит Андрей Вознесенский, особенно усадьбу Долгова: «Облупленный, как яичная скорлупа, дом 21 по Большой Ордынке, построенный Казаковым и учеником его Осипом Ивановичем Бове, успокаивал мое детство обаянием московского ампира. Это самый близкий мне, доверительный стиль — уютные колонны и желтизна фасада, так идущая к снегу. Обычно особняки эти деревянные, лишь оштукатуренные, что дает им интимность и теплоту».

Действительно, хотя время от времени усадьбу рес-

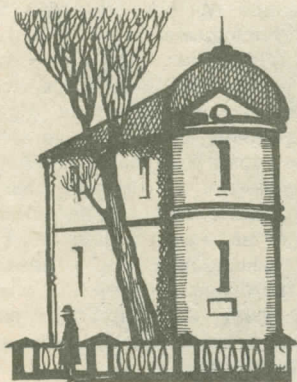

Рис. Ю. Николаевой

тавируют, она всегда — облупленное яйцо желтком наружу.

Правда, архитектор Вознесенский спутал авторство, гениев спутал — все-таки не Казаков, а Баженов. Он же, Василий Баженов, на средства того же Долгова построил церковь, что стоит напротив, — Всех Скорбящих Радости. И эта церковь также «доработана» Бове.

Прошли уж времена, когда сюда ходили слушать пение. Когда здешний хор под управлением Матвеева — лучший церковный хор России — записывал на студиях пластинки; и это считалось событием в интеллигентских кругах. Когда по требованию «соцреалистов» из писательского дома с колокольни сняли колокола и запрятали «малиновый звон» внутрь храма — это тоже затронуло интеллигенцию. Сейчас же — храм как храм.

Странные судьбы у наших церквей. Чуть подалее — церковь Иверской Божией Матери, или Георгия на Всполье, как она называлась по своему приделу. В ней совсем недавно был клуб ВАРЗа (авторемонтного завода), затем на волне отдачи «богу богово» клуб упразднили и открыли под сводами... престижную художественную галерею (не путать с общедоступными выставочными залами). Арт-бизнес ведь — один из самых выгодных.

А на другой стороне — Марфо-Мариинская обитель.

Искусствовед Иконников писал, что Щусев выполнил ее в жанре «гротеска». И история обители — сплошной гротеск.

Даже героиня бунинского «Чистого понедельника» поступила сюда как-то нервически и невсерьез: скорее, не «куда», а «откуда». Впрочем, место было выбрано, пожалуй, не случайно. Полудуховное-полусветское учреждение, тут можно было «постричься» на время.

И еще в дооктябрьские времена, в 1915 году, «шумные манифестации» отправились к Марфо-Мариинскому монастырю, где игуменьей состоит Елизавета Федоровна, сестра императрицы и вдова Сергея. Эту женщину, которая все свое время посвящает исправительным и благотворительным учреждениям, осыпали оскорблениями, так как население Москвы давно уверено, что она германская шпионка и даже скрывает в своем монастыре своего брата, великого герцога Гессенского, — вспоминал Морис Палеолог.

Позднее Елизавету Федоровну убили, а в обители разместился «Московский областной театр пролетарских ребят» — чем не гротеск? В репертуаре — «Колья и Ким», «Правление с севера», «Первое звено», «Беглецы»...

А во времена «духовного возрождения», то есть в наши времена, тут началась совсем уж беспросветная «гоголевщина» — права на здания обители оспаривают реставрационные мастерские, поликлиника, русская Церковь, зарубеж-

ная Церковь и, кажется, кто-то еще. Старушкам в платочках вроде бы разрешают помолиться в соборе обители — но их не пускают туда члены общества «Память». А сам Д.Васильев проводит здесь свои пресс-конференции. И все это на фоне торжественного открытия памятника Великой Княгине, на фоне благостных речей — но почему-то за ключей проволокой.

Кончается же улица столь для нее неожиданным зданием театра. Как и многие московские театры, оно переделано из «кино-паласа» («Кино-Палас»). Но очень давно — в 1914 году. Здесь играла труппа антрепренера Струйского, затем, уже при Советской власти, — театр Замосвета и Ленсовета, а после войны тут обосновался филиал Малого.

Недавно его закрыли на реставрацию. И раскопали... древние фундаменты XVII века. Видимо, они остались от дома, в котором родился Радищев.

А напротив — чудом сохранившаяся старая аптека, с фешенебельными прилавками и, кажется, даже вежливыми продавцами. Ею

владела дочь известнейшего в Москве аптекаря Феррейна.

Славная улица — Большая Ордынка. Жаль, что сегодня она — словно пожатие плечами.

— Как она?

— Да никак.

Поэтому многие улицы можно любить, многие нанавидеть, Ордынку же — просто пройти.

*Несохранившиеся
дома № 40, 42*

*Фото конца 1950-х годов
из собрания М.Струкова*

Вл. Яковлев. Натюрморт с цветком и яблоком

ВСЕ НА ПРОДАЖУ

Галерея «Крымский вал» ЦДХ

Достаточно назвать имя художественного директора новой галереи Александра Глезера, чтобы стал ясен список участников экспозиции. Это, конечно, Немухин, Рабин, Кропивницкие, Шемякин, Неизвестный, Яковлев, Харитонов. Планы ближайших выставок также совпадают с прогнозами — Немухин, Кропивницкий, Шемякин, Рабин. И все, что говорил Глезер, тоже можно было предугадать: и что наш авангард стремительно уплывает за рубеж, и что Москве необходим музей современного искусства, и, наконец, что российские художники по-прежнему неустроенные и что им попросту нечего есть. Все это верно, как и замечание коллеги-журналистки, что российские художники по преимуществу предпочитают пить, а не есть. Но и эта шутка вполне предсказуема. Удивило другое. Лев Кропивницкий, сыгравший на открытии роль свадебного генерала, благодарил организаторов за то, как замечательно сделана экспозиция, как свободно висят картины. А ведь экспозиция-то никак не сделана. В этих двух с половиной залах даже стены от прежних табличек не очистили, а просто заклеили бумагой. А что картины не налезали друг на друга — так

это вообще-то галерейная норма. Конечно, это мелочи. Но все-таки, открывая нечто, претендующее на прообраз желанного музея современного искусства, можно было бы создать экспозиционное пространство, более созвучное этой идее. Однако, возможно, просчет объясняется тем, что здесь выставка-продажа, каковые, по-видимому, будут преобладать в новой галерее. Теперь можно перейти собственно к картинам. Имена уже перечислены. Правда, кроме «старой гвардии» выставлены и молодые художники из провинции, однако им удалось вписаться в «салонное искусство 90-х годов». Как любой «салон», оно несет печать, что называется, «хорошего вкуса» и претендует на утонченность, но при этом, как всякий новый «салон», агрессивно и немного вульгарно. Поясню. Большинство картин помечено 92-м годом. И, припомнив, сколько лет эти художники уже являются мэтрами, понимаешь, что выставленные работы — профессионально неоспоримые, искусствоведчески обоснованные и безусловные для массового сознания художественные продукты, имеющие ценность. Точнее — стоимость. И имя в данном случае стоит дороже, чем изображение. Самое смешное, что вполне

закономерно народившийся «салон» растиражировал то, что для оппозиционной эстетики 60-х было значимым, руками самих создателей этой эстетики, а не их эпигонов. По-видимому, внутреннее диссидентство, в отличие от внешнего, не изживается с исчезновением противника. Однако стоимость его, на мой взгляд, должна быть намного ниже. Реальное ее выражение узнать не удалось, потому что цены на картины галерейщики и художники умеют держать в секрете.

Ирина ЛЮБАРСКАЯ

КАК ТАТЬЯНА ДОГИЛЕВА ЧУТЬ БЫЛО ПЛОХОЙ ФИЛЬМ НЕ СПАСЛА

«Пчелка», ТПО «Действие», реж. А.Сорокин

Всегда знал, что Татьяна Догилева — актриса от Бога, но насколько она хороша, ощутил в этом, не самом удачном для нее фильме. Ощутил с первого же

эпизода, когда один из двух молокососов и доморощенных донжуанов «закадрил» ее героиню на каком-то кришнаитском сборище. И она привезла мальчишку к себе, в роскошную квартиру... Ну все, думаю, сейчас начнется старая, добрая, как в благословенные застои, лирическая комедия на тему «любви все возрастá покорны». Своеобразный сентиментальный отдых для души и от повседневных бытовых забот. Тут прервусь и скажу единственный комплимент в адрес режиссера — классно он обманул мои ожидания. Потому что дальше последовала такая мелодрамщина, с такими наворотами сюжета и в таком количестве, что ни одному самому расприндийскому фильму и не снилось. Тут и муж-фальшивомонетчик, и дуэль на музейных пистолетах, и знойная любовь на юге, и освобождение мужа из тюрьмы посредством любовника с пулеметом, и смертный приговор этому самому любовнику, и фальшивая беременность героини, и ее финальная встреча с любимым где-то в небесах обетованных, и еще черт-те что и сбоку бантик. Но вот парадокс: как только на экране появляется

Кадр из фильма «Пчелка»

Догилева, даже самые банальные и затасканные диалоги, самые невразумительные ситуации вдруг обретают смысл. Она-то и тянет на себе весь фильм, чем-то напоминая при этом русскую бабу, волокущую из гостей домой в лоскуты пьяного мужа. Он же, гад, еще сопротивляется и кочевряжится, «ндрав» свой показывает. А она, бедняжка, надрыгается и тащит. Но под конец, очевидно, все же не выдерживает и посылает му... простите, фильм куда подальше. И фильм с грохотом и треском летит туда, куда его послали. И поделом — не взваливай на хрупкие женские плечи свою му... опять прощай, свою режиссерскую несостоятельность.

Петр СМЕРНОВ

Сцена из спектакля «Пучина»

ГОРЬКОВАТАЯ ПУЧИНА

«Пучина»
Московский
драматический театр на
Малой Бронной,
реж. С.Женовач

Качество замысла, по обычаю, есть индальгенция качеству исполнения — впрочем, сама себе выдаваемая. Замысел этого спектакля чрезвычайно интересен: высечь искру театральности из столкновения не просто русских «сцен» («Пучины» А.Н.Островского) и французской мелодрамы 165-летней давности («Тридцать лет, или Жизнь игрока» В.Дюканжа и Дино), но еще и из столкновения истинной, глубоко укорененной в языковой памяти драматической поэзии (Островский) и образчика стертых, обезличенных поделок à thèse (французская пьеса с ее ходулным морализаторством). Комментарий к началу пьесы Островского, персонажи которого обсуждают современную им театральную новинку, разрастается, таким образом, до размеров самостоятельного «спектакля в спектакле», где события движутся

параллельно «основному» (основному ли?) действию, но в обратном направлении. В «русской» части мы наблюдаем постепенное погружение инфантильного героя в невозмутимую пучину замоскворецкого болота, во «французской» — сперва присутствуем при гибели жертвы страстей, а затем следуем по ее жизненному пути к началу — первым шагам в трясину порока. Пересечения и превращения смыслов, как вы понимаете, возникают в избытке — вплоть до приятной для зрителя утраты «чувства реальности», когда уже непонятно, кто, собственно, перед кем играет спектакль — французы полусвета перед русскими полутьмы или наоборот. Сама жизнь, таким образом, оказывается мелодрамой — этими «корчами воображения» (Белинский). Не исчерпав всего богатства ассоциаций, проистекающих из замысла, рискнем заметить, что исполнение все же не так богато. То, что «русская» часть выглядит неизмеримо более органичной, — это понятно, однако непонятно, почему во «французской» части создатели спектакля не пошли по пути столь же «вкусной» стилизации и заставили, к примеру, актера, исполняющего ту же роль, которую 160 лет назад играл великий П.С.Мочалов, реветь

бестолковейшей белугой, вместо того чтобы попытаться приискать более корректный телесный эквивалент старому стилю благородных «орал». Очевидно, тело не реконструируешь и не стилизуешь — но стоило ли огород городить, чтобы прийти к такой констатации? Разумеется, это — претензии «по гамбургскому счету», как и невольный вздох сожаления по поводу несоответствия между изяществом «русского» павильона, словно сошедшего со страниц детской книжки-раскладушки, и обширным, пугающе пустым пространством «французской» части, которое актерам нечем заполнить, кроме семимильных прыжков. А вообще-то спектакль преисполнен приятной добротной важности и оснащен множеством отличных находок, даром что есть в нем горьковатый привкус сентенциозности, который почти неизменно присутствует в талантливых постановках Сергея Женовача.

Михаил СМОЛЯНИЦКИЙ

ПОХВАЛА СКРОМНОСТИ

«Белая гвардия»
Театр имени Моссовета,
реж. П.Хомский

Фото С.Чумаченко

Этот спектакль устроит всех, недовольных не будет. Он не плох и не хорош. Те, кто захотят его не заметить, смогут запросто это сделать. С теми, кому он понравится, спорить бесполезно. Прибегая к парламентской лексике, этот спектакль можно назвать взвешенным. Режиссер обошелся с Булгаковым почтительно и добросовестно. До того почтительно, что в каком-то смысле самоустранился от своих обязанностей, сведя личное авторство до минимума. Скромность его притязаний можно было бы оправдать желанием самоотверженно «умереть в актерах». Но, кажется, они не захотели принять этой жертвы или не заметили ее и, в свою очередь, решили ограничиться своими силами. Что и сделали, проявив корректность и скромность, почти избежав фальши и наигрыша. Ни упрекнуть, ни похвалить некого и не за что. Есть и кремовые шторы на окнах — поклон в сторону традиционалистов, есть и огромное изображение Богородицы, появляющееся в прологе и финале, — мол, и сегодняшних веяний не чураемся. Время от времени задняя стена турбинского дома уплывает вверх, и позади мебели, щедро расставленной на авансцене, обнаруживается, как и положено, то гнездо петлюровцев, то вестибюль гимназии, то кабинет гетмана. Ничто не заставит зрителя откинуться в кресле или податься вперед. Спектакль движется размеренно и последовательно, пуще всего боясь растревожить. Это, конечно, очень гуманно — не хватает еще, чтобы пришлось и в театре волноваться и нервничать. Сцена и зал взаимовежливы. На том и расстаются, довольные друг другом. Тактичность — верный способ застраховаться от провала.

Роман ДОЛЖАНСКИЙ

Месяц назад в Москве побывал Жерар Депардьё — прославленная звезда мирового кино. В Киноцентре показывали старые и хорошо знакомые фильмы с его участием и более новый, но уже знаменитый — «Сирано де Бержерак». После него Депардьё сыграл много ролей: в исторической новелле «Все утра мира», в американском «Колумбе», на очереди фильм Клода Берри, где артист предстанет в образе русского Распутина, причем съемки планируются в России.

Депардьё любит охладить пыл корреспондентов фразой типа: «Меня тошнит от интервью. Ненавижу отвечать на запланированные вопросы. Я на глазах становлюсь дегенератом. Более того, собеседник тупеет тоже на глазах. О, какое это зрелище со стороны — два идиота тужатся поговорить о высоком». Поэтому нынешняя беседа — такая, какой получилась, и о том, о чем захотелось говорить в этот момент мэтру. Депардьё совершенно уникальный организм. И в этом понятии — ни грамма эпичности. Депардьё уникален в том смысле, в каком один человек умен, а другой глуп; один талантлив, другой же бесталанен, тактичен или бестактен. По-другому говоря, уникальность — просто свойство души Жерара Депардьё, обычное для него и каждодневное. Впрочем, судите сами.

Жерар Депардьё — витязь в собственной шкуре

— Жерар, вы, кажется, написали книгу, куда включили свою переписку с Пьером Ришаром — ближайшим другом. Что ж, книга для вас — отличная реклама.

— Написал, чтоб ничего не забыть. Я не могу вести дневники — вот уж непосильное занятие! Пусть даже раз в неделю что-то писать, припоминать: со мной, мол, приключилось... Лучше сразу вдохнуть побольше воздуха и выдохнуть книгу. Не наговаривать же события жизни на магнитофонную пленку, что, правда, куда легче. Хотя... Это куда более классно наговаривать на магнитофонную кассету: сохраняются интонации, все оговорки...

Теперь его не так просто вернуть в русло интервью. Депардьё хватается за любую, пусть даже с первого взгляда абсурдную мысль, и тотчас, как елку, украшает ее роскошными стеклянными шарами своей фантазии.

Ближе к концу его рассуждений, чтобы быть услышанной, мне уже приходится повышать голос.

— Жерар, — кричу я, — но ведь книга — классная реклама!

— Да... Да! Ришару. Теперь все будут говорить про то, что я ему посвятил книгу.

— А вино, которое вы сами делаете в Шато де Тинье, где у вас виноградные владения, — это что за причуда?

— Это моя генетика. То, что обычно называют зовом крови. Самая властная сила в мире. Она хватается за шкуру и переносит сюда — в виноградники. Я должен иногда ощупью почувствовать материю, из которой скроен мир. Виноградный лист, его можно потрогать; щепотку земли — ее можно растереть. Это моя плоть. Понимаешь?

— Вы поэт, Жерар?

— Нет, я человек от земли.

— Но красное анжуйское, которое экспортируется в самые разные страны мира, — все-таки дополнительная слава Жерара Депардьё!

— Ты хочешь, чтобы я сознался в собственном тщеславии? Или желаешь понять, на чем я делаю свою славу?

— Да, критики много спорили — талантливый или просто везучий?

— Я себе интересен.

— Я хочу, чтобы вы рассказали о себе сами как можно больше: мне трудно вас разгадать. Именно поэтому, может быть, что вот так — vis-à-vis — вы кажетесь слишком простым.

Тут Депардьё захохотал. Причем я вовсе не уверена, что смех вызвал мой вопрос. Поделюсь своим наблюдением: Жерар Депардьё может пить, есть, читать, присутствовать где-то, давать интервью, и все это будет для него не больше, чем формальным, приличия ради, контактом с миром, который он отлично знает, в котором прописан... Секрет его в том, что живет актер в своем собственном «эдеме», отгороженном от нас, может быть, широкими листьями его анжуйского виноградника или более призрачными, но прочными границами. Здесь течет какое-то другое, когда более, когда менее счастливое бытие. Следовательно, если Депардьё вдруг начинает хохотать, не стоит изумленно пожимать плечами, косясь на дрожащие стекла, зеркала и хрусталь, — никто ничего смешного, может, не сказал, но нечто комичное приключилось в эту минуту в его родном «эдеме».

— Мне сложно поверить в вашу простоту.

— Очень напрасно. Человечество,

Жерар Депардьё в Москве

Фото А. Тягни-Рядно

позволь мне это дерзкое обобщение, само себе отказало в праве быть искренним. Слишком многими кознями, интригами и философскими концепциями была опутана История. Дело дошло до того, что люди уже не верят собственным глазам: вот, например, стоит на столе бокал с вином. И козлу ясно, что это только бокал с вином. Но человечеству с такой примитивной простотой мириться неохота. Из глубин памяти смотрят суровые лица Гегеля и Фрейда...

— Вы все-таки не искренни, Жерар. Вы же философствуете с утра до ночи. Всем известно, что вы великий психоаналитик и физиологист. Вам же достаточно трех минут, чтобы составить почти точный портрет собеседника...

— Я? Так я же комедиант! Я прожил почти 80 жизней! И от каждой взял все лучшее и худшее. Какая же это философия? Философия — умозрительное занятие для интеллектуалов. А я все вынес на собственной шкуре. Чтобы после этого не суметь хотя бы тремя словами набросать портрет собеседника, надо быть уж совсем идиотом.

— На этой «собственной шкуре», простите мою дерзость, вы открыли Америку, будучи Колумбом. Теперь станете «мутить» воду в России начала XX века, играя Распутина. Вас манят могучие образы?

— Опять намекаешь на тщеславие?

— Но вы мне так и не ответили...

— А я не знаю ответа. Я просто делаю то, что мне нравится. Меня, действительно, манил Колумб. В нем была тайна, загадка, афера, интрига. И еще одно — меня потрясают люди, готовые к риску, стоящему жизни. Я не знаю, способен ли сам на такое. Это ведь даже не кураж, это послушание особому Голосу. Жанна д'Арк внимала такому, поднимая народ. Это Бо-

жественное призвание! Я хотел если не пережить нечто подобное, то по крайней мере приблизиться к этому. Подойти окольным путем.

— Вы многое знали о Колумбе до начала съемок?

— Ну, знал, что он открыл Америку...

— Американцы считают фильм, скажем так, не совсем удавшимся...

— Ну и пусть считают. Мне-то нравится!

— Что вы знаете о Распутине?

— Почти ничего, кроме того, что он застрашал русскую монархическую династию. Кстати, надо сказать, что это общенациональная черта всех монархов. Они так боятся потерять трон, что в конце концов готовы или перевешать всю державу, или запечатать во дворце в окружении прорицателей и негодяев.

— Распутин — негодяй, с вашей точки зрения?

— Я же говорю, что ничего о нем не знаю. Более того — не хочу знать: погружение в неведомое куда интереснее. Это то же, что начинать проживать вторую жизнь, очень смутно себе представляя, что тебя в ней ждет. Потом, что это за одномерность такая — «негодяй»? Надо бы в этом разобраться.

— Вы собираетесь обложиться исторической литературой? Правда, Распутин — и для нас большая загадка. По-моему, на самом деле никто толком не знает, как к нему относиться. Алексей Петренко сыграл Распутина в знаменитой «Агонии» Элема Климова. Пробовал ли он воссоздать потерянную историческую правду? Вряд ли. Почти все, тем не менее, говорят, что его Распутин — чудовище. Жерар, вы видели «Агонии»?

— Нет. И не собираюсь. Хочу начать Распутина с нуля. Ничего не хочу знать, читать и смотреть. С меня

вполне хватит сценария и двух десятков сплетен, будоражащих фантазию. Сплетня — неплохая точка опоры.

— Эта роль может стать вашим... скажем так, Гамлетом?

— Распутин Гамлетом? Знаете, я снялся в 80 фильмах, где все время был Гамлетом. Я и в виноделии — Гамлет. Я и дома — Гамлет.

Кстати, Гамлет-Депардьё — так, во всяком случае, говорят — превосходный семьянин, проживший всю жизнь с одной, горячо любимой женой по имени Элизабет. Его младшая дочь, Жюли, только что выбрала в университете курс философии. «Умозрительные концепции для интеллектуалов» она, видимо, предпочла опыту, выстраданному на «собственной шкуре». А ее старший брат, Гийом, напротив, решил, что второй способ постижения мира — папин — все-таки интереснее. И дебютировал вместе с Депардьё-старшим в картине «Все утра мира».

— Вам не страшно было сниматься с собственным сыном? Не боялись обычных для такого случая фраз: «Младший Депардьё, конечно, не...»

— Мне-то на все это наплевать. А за Гийома я боялся, но мальчишка на поверку оказался крепышом, и у него хватило мужества объявить: «Мой отец — это мой отец. А я — это я!» Я открыл в нем это качество с некоторым удивлением, потому что сам лишь легонько подтолкнул чадо: «Вперед, сын, с тобой случится такое, о чем ты никогда не подозревал: у тебя откроется дополнительная пара глаз и ушей, ты увидишь все скрытые сокровища мира. Все его утра будут твои. Ты каждый раз будешь рождаться заново».

— Ну, если бы мне такое сказали, и я бы вприпрыжку помчалась на съемочную площадку. Ну а сами-то вы не устали от этих бесконечных рождений заново? Восемьдесят раз «появляться на свет», по-моему, такое утомительное занятие!

— Разве?! Ты просто никогда не перерождалась. Это ведь как весна, которая не устает возвращаться. И каждый раз вместе с ручьями, потоком света, сил, молодости. Это ведь весна Боттичелли...

Почему он сказал именно про Боттичелли? Вероятней всего, в эту минуту Депардьё, прогуливаясь по своему «эдему», увидел полотно великого итальянца. И задумался о чем-то своем...

Натэла МЕСХИ

ПРЕДЛАГАЮ

Дипломированный психолог со стажем практической работы проконсультирует по вопросам семейных и производственных отношений, а также окажет помощь в улучшении внутреннего состояния и разрешении личных проблем.

Тел. 360-81-37, с 18.00 до 21.00.

Фотохудожник. Рекламная съемка и фотоконьютерная графика.

Тел. 530-57-62

Соционика для Вас.

Тел. 123-25-39

Выездная фотосъемка произведений искусства.

Тел. 264-52-41

Провожу лазерную терапию.
Тел. 269-43-54

Предлагаю надомную работу по пошиву изделий из кожи.

Тел. 360-81-37

Пожилой женщине нужна помощница по хозяйству. Предоставляется жилплощадь для проживания.

Тел. 351-61-81

Меняю 2-комнатную квартиру в г. Риге на квартиру в Москве.

Тел. 946-26-70

Предлагаю пожизненное материальное обеспечение и обслуживание одинокому престарелому человеку за право наследования жилплощади.

Тел.: 469-22-00, 360-81-37

Приглашаем на работу рекламных агентов.

Тел. 360-81-37

Лауреат международных конкурсов русский фольклорный ансамбль «Карагод» предлагает сотрудничество.

Тел. 438-31-87

Курсы росписи по дереву. Окончившим предоставляется работа.

Тел. 482-90-66

Испанский язык за 20 уроков.

Тел. 112-42-01

Сниму однокомнатную квартиру на Юго-Западе. Молодой человек некрими-

нальной национальности без разрушительных привычек.

Тел. 923-19-71, с 12.00 до 18.00, Дмитрий

Предлагаю работу общительным энергичным пенсионерам.

Тел. 360-81-37

Ваша реклама на световом табло в центре Москвы — гарантия успеха.

Тел. 946-26-70

ЗП, визы.

Тел. 194-19-26

Избавлю от лишнего веса, гипертонии, аллергии.

Тел.: 901-52-28, 909-43-42

Неограниченный заработок коммерческого агента. 100 адресов требований. Письмо + письмо + заявка. 626440, Нижегородск-15, предъявителю паспорта V—ФР № 637294.

Настройка пианино и роялей, цены умеренные.

Тел. 438-31-87

Выход из запоя.

Тел.: 153-60-43, 573-60-94

Поможем людям любого возраста в создании семьи. Вт., четв. с 16.00 до 19.00, субб. с 12.00 до 18.00.

Тел. 945-65-60, Виктор, Наташа

ПРОДАЮ

Продаю 2-комнатную квартиру в Центре.

Тел. 297-19-39

Продаю квартиру.

Тел. 144-96-18, с 10.00 до 17.00

Продаются холодильники «Ока-6-М», пылесосы «Циклон-М» с доставкой на дом.
Тел. 254-81-24

В центральном районе города Курска очень дорого продается двухэтажный дом общей площадью 120 кв. м. Газ, водопровод, АГВ. Садовый участок 5 соток, плодоносящие яблони и вишни.

Москва, Главпочтамт, до востребования, Кутеповой Т.И.

Для любителей кружевоплетения продаю книгу Курбатской «Фриволите». Более 40 схем готовых изделий по зарубежным журналам.

Магазины в Москве: «Молодая гвардия» — метро «Полянка», «Мир» — метро «Сокол».

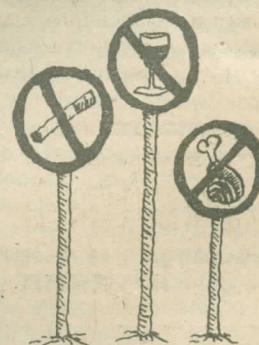
ЗНАКОМСТВА

Ищу мужа, мне 37 лет, сыну 18.

Тел. 129-25-43, Надежда

Мужчина 44 лет, рост 180 см, худощавый, не курит, спиртным не злоупотребляет, в 1983 году потерявший в аварии жену и дочь, имеющий квартиру в Кингисеппе и свой дом в Крыму, хочет познакомиться для семейной жизни с обеспеченной, средней полноты (полной) женщиной 40—50 лет, фото обязательно.

Писать по адресу: 184291, Мурманская обл., Ловозерский р-н, пос. Ревда, а/я 241-23, общ-7. Малеву Геннадию Александровичу.

Одинокий мужчина готов отказаться от многих привычек и приобрести новые. Море, кров и стол предоставлю.

335000, Севастополь, почтамт, до востребования, паспорт I—АП № 571949.

КУПЛЮ

Куплю 1—2-комнатную квартиру.
Тел.: 144-96-18, 297-19-39, с 10.00 до 17.00

Куплю комнату.
Тел. 281-97-17

Куплю комнату.
Тел. 475-26-38

«Дули ветры в феврале...»

Сейчас, когда количество телевизионных каналов, программ и ведущих растет не по дням, а по часам, нам показалось, что одного критика для телеобзора месяца будет маловато. К тому же нам хотелось, чтобы мнение маститого и умудренного опытом профессионала столкнулось со взглядом на ТВ молодого неопита.

Итак, диалог главного редактора журнала «Телерадиоэфир» **Василия КИСУНЬКО** и корреспондента «Столицы» **Эдуарда ДОРОЖКИНА**.

Э.Д.: Мне кажется, телевизионный февраль начался с несколько скорбной ноты. В первый же понедельник вся «Новая студия» скорбела о невыходе на работу уважаемой Киры Прошутинской. Временами казалось, что это и есть основной пафос очередного выпуска «Пресс-клуба». Особенно удивил меня постоянный участник передачи Дмитрий Быков, произнесший чуть ли не целую речь «за здоровье» художественной руководительницы.

«Скорбную» тематику не обошел стороной и Московский канал. Вновь явивший себя на экран Игорь Самой-

лов нашел нужным сообщить причину отсутствия постоянного ведущего Павла Горелова. Оказывается, у того «заболела мать». Трогательная забота об информированности телезрителей, конечно, налицо. Но нужна ли зрителю подобного рода «закулисная» информация?

В.К.: Я вообще считаю, что внекадровую жизнь примелькавшихся персонажей не следует выносить на обозрение миллионов телезрителей. Но это, я бы сказал, частное суждение. А как воспринимаете вы про-

шедший телевизионный месяц в целом?

Э.Д.: С грустью воспринимаю. Быть может, февраль и оказался насыщенной и интеллигентнее января или, к примеру, декабря. Но общее настроение отнюдь не праздничное. Отставка Малашенко. Извечное недовольство начальством, на сей раз — Брагиным и Полтораниным, о каком творчестве здесь может идти речь. Не до него.

В.К.: А у меня, даром что я представитель старшего поколения, впечатление сложилось прямо противоположное. Мне было интересно сидеть у телеэкрана в феврале. Меня необычайно обрадовало появление на экране нескольких художественных лент. С удовольствием просмотрел «Огни большого города» с Чарли Чаплиным и еще раз «Калину красную» Василия Шукшина. Был удивлен и опять-таки обрадован, когда по петербургскому каналу показали ленту «Перед судом истории» с Шутьгиным. А знаменитый фильм Жана Ренуара с участием Мишеля Симона «Будю, спасенный из воды»! Непонятно только, почему в русском варианте название этой картины «урезали» так, что получилось «Спасенный Будю». Хотя было много и откровенно плохого «кина».

Э.Д.: «Коламбия пикчерс» представляет...?»

В.К.: Я бы так не сказал. Какие-то полицейские серии более удачны, какие-то — менее, но в целом это достаточно крепкий сериал. А, например, «Королевская скамья VII» — просто блестяще сделанная работа.

Но и наш собственный телевизионный фильм «Мир в другом измерении» тоже неплох. Очень неожиданная, острая вещь. Без соплей.

Документальное кино от художественного в феврале не отставало. За примером далеко ходить не надо — взять хотя бы американский документальный фильм «Настоящая память».

Э.Д.: Надо еще заметить, что февраль ознаменовался появлением, по существу, нового канала. В эфир впервые вышел блок передач четвертого канала, подготовленный «Новой студией». И, кажется, первый блин — не комом. Хотя некоторое самолюбование ведущих Дмитрия Диброва и Андрея Столярова — изрядно мешали благостному восприятию.

В.К.: Я тоже порадовался за «Новую студию» еще и потому, что наконец определился хоть один из «владельцев» «образовательной» программы. Думаю, «Новая студия» — лучшее, что есть на нашем телевидении. И если им удастся в полной мере развернуться на четвертом канале — дай-то Бог. На мой взгляд, «образовательный» канал должен быть интеллигентным в полном смысле этого слова.

Когда-то я поинтересовался у одного французского теледеятели, какая аудитория у программ знаменитого канала «Ля Сет». «Огромная, — ответил он мне, — от трех до восьми процентов». Меня это несколько смутило. Но последовавшие разъяснения выглядели очень убедительно: «Эти программы, рассчитанные на людей, которые делают погоду».

А мы по-прежнему подходим к вещанию с принципом «весь советский народ единодушно...». И февраль, на мой взгляд, был интересен тем, что телевизионные начальники попытались хоть как-то сломать эту жуткую схему. С помощью все той же «Новой студии», которая не стремится напиговывать во что бы то ни стало программу шедеврами, а спокойно и тщательно ищет свое лицо и место. Мне такая работа кажется самой продуктивной, самой перспективной.

Э.Д.: Кстати, к вопросу о шедеврах. В цикле «К семидесятилетию киностудии, «Мосфильм» был показан художественный фильм «Калина красная», о котором вы уже упоминали в нашей беседе. Конечно, в «шедевальности» этого кинополотна никто не сомневается, но правильное ли время было выбрано для показа? Самое «смотрибельное» время после «Новостей». Когда хочется чего-то новенького. А ведь «Калина красная» явно не рассчитана на массовую аудиторию. Она — для тех, кто жил в семидесятые, она, что называется, «на лю-

бителя». Но смущает главным образом не время показа, смущает отсутствие достойной альтернативы. По Российскому каналу шла передача «Без ретуши» с участием министра обороны России Павла Грачева — вещи настолько «разнокалиберные», что ни о каком «выборе» не может быть и речи.

В.К.: Мне Павел Грачев показался человеком достаточно занятым. Да и сама беседа была выстроена очень грамотно. Впрочем, для Сергея Торчинского это скорее правило, чем исключение. Я с большим уважением отношусь к тому, что он делает на телевидении. Он настоящий профессионал. Однако что вы сказали по поводу выбора? Каким он должен быть, по вашему мнению?

Э.Д.: Если по первому каналу «дают» «Калину красную», то по одному из оставшихся обязательно должен идти другой художественный фильм, неважно — второсортный американский боевик или первоклассная картина Феллини.

В.К.: Я категорически против такого подхода. Никогда художественные картины не должны накладываться друг на друга. Если бы во время показа «Калины красной» по какому-то другому каналу шел Феллини, я бы как критик возмутился. Потому что при подобном стечении обстоятельств наиболее «продвинутой», скажем так, часть аудитории оказалась бы перед выбором, которого в принципе не должно быть. Те же, кто, предположим, не видел ни того, ни другого шедевра, должны выбирать между двумя равнозначными величинами. Таким образом мы обкрадываем телезрителя, не даем ему использовать все возможности экрана. Мы все время забываем о том, что наша аудитория еще не вполне владеет техникой выбора и что она совершенно неспособна определить собственные пристрастия. А вам самому что было наиболее близко в февральской программе?

Э.Д.: Ответ мой вас удивит. Ибо из всего февральского великолепия я могу выделить особо только программу «Веди» Дмитрия Захарова, посвященную русскому модерну. Удивительно, что автору, в то время как остальные «взглядовцы» организуют одну за другой новые передачи или реанимируют старые, удается делать «Веди» одинаково хорошо, какая бы тема ни была избрана.

В.К.: Да, о Захарове можно сказать, что он «нашел себя». Передача же о русском модерне была мне интересна вдвойне, поскольку историей искусств я занимаюсь профессионально. Поначалу к заявленной теме я отнесся с подозрением. Уж слишком ве-

лика была возможность «обвала». Но, надо признать, ничего подобного не случилось. И передачу можно назвать в какой-то степени принципиальной — для ее создателя. Сейчас многие хотят «отойти от политики», но не многим это удается. Захарову удалось, что же касается времени эфира тех или иных передач, то февраль в этом смысле явил интереснейший парадокс — хороших передач становилось день ото дня все больше и больше, а место им в эфире выделяется все более неудобное для зрителей.

Э.Д.: ...Чего не скажешь о программах телекомпании «Вид». О «Красном квадрате», например.

В.К.: Не люблю эту передачу.

Э.Д.: Наконец-то мы что-то не любим вместе. Мне, например, неприятно видеть ведущего, который готов пренебречь профессионализмом, лишь бы только оказаться на первом плане. В «Красном квадрате» непостижимым образом главными персонажами оказываются не гости передачи, а ее ведущие — достаточно тривиальный Любимов и совсем уж затертый улыбочивый Мигранян.

В.К.: Более того, когда Любимов держит в руке микрофон с длинным шнуром, у меня каждый раз создается впечатление, что это хлыст, а он дрессировщик на арене. И, естественно, во мне начинает работать чувство неприятия подобных методов работы с «человеческим материалом».

Противно, когда телевизионные «звезды» прилюдно начинают заниматься самоудовлетворением...

Э.Д. В этом же можно, на мой взгляд, обвинить и другого бывшего «взглядовца» — Александра Политковского, заседающего в своем «Политбюро». Здесь, видимо, следует говорить о классическом случае спекуляции на своем прошлом имидже — программа эта по-прежнему привлекает достаточно большую аудиторию. Но не может эстетика передачи — плохой ли, хорошей — заключаться в одной только кепке. Справедливости ради надо заметить, что недавно Политковский все-таки сделал попытку привнести в свою передачу что-то новое, создав рубрику «Новости «ПБ».

Жалко только, что новости эти — абсолютно бесстыдный плагиат. И газете «День» в пору обидеться — подобную форму подачи «новостей» она придумала первой. И, кстати говоря, печатное «Агентство «Дня» выглядит гораздо убедительнее изобразительного ряда господина Политбюрова.

В.К.: Однажды, когда эта передача обсуждалась за «круглым столом», я сказал следующее: «Политковский придумал «Политбюро». Но уж слишком всерьез он возомнил себя генсеком». Чем серьезнее Политковский эту роль играет, тем, простите, глупее выглядит он на экране. Ну никак не желает понять, что вести программу — не его профессия. Вести програм-

му — это особое искусство. Он же — репортер. И кепочку надел потому, что изображать из себя мыслителя и политика необычайно трудно. Недостаток у «Политбюро» тот же, что был когда-то у «Политической кухни», — не могут заседать в одном Политбюро, даже придуманном, Бакатин и Бакланов, как не могут сойтись на одной кухне Попов и Умалатова. Это надо понять раз и навсегда.

Э.Д.: Что ж, картина телевизионного февраля получилась, я бы сказал, «многоцветная». У нас есть все основания надеяться на то, что в марте количество черной краски на телевидении уменьшится, а программная палитра станет разнообразнее.

мнение

ПОЛУНОЧНЫЙ УКЛОН ТВ

Можно уверенно сказать, что большинство руководителей ТВ не смотрели многосерийный художественный (так значилось в программе) фильм «Богатые тоже плачут». Вряд ли они тратили время на это, но миллионы зрителей тратили. Мне довелось в крупной московской больнице быть среди реальной аудитории.

Первые два-три десятка серий, если не ошибаюсь, начинались в 13.30. Больные и медицинский персонал — вот в этом они были единомышленниками — дружно договорились о переносе обеда на час, дабы все успели посмотреть очередную серию «Богатых». За обедом, конечно, только и разговоров было о каждом повороте в банальной судьбе героев и злодеев ленты.

В июле тактика показа телемарафона изменилась: в 9.20 — первый показ, в 19.00—19.15 — повтор той же серии. Но психологическая и «производственная» обстановка вокруг фильма уже была так подогрета, что многие зрители смотрели серию оба раза — в начале рабочего дня и вернувшись домой. Сеанс массового гипноза продолжался, охватывая все большую аудиторию, отвлекая людей от катастрофически быстро пустеющих полок в магазинах и галопирующего роста цен. Никого, видно, не волновали огромные потери рабочего времени по вине плачущих богатых.

«Богатые» были цветочками. В последнее время всеядных телеруководителей совершенно перестали волновать потери иного рода — прежде всего электроэнергии. Острый дефицит и растущие цены на энергоносители, судя по всему, их не касаются, будто живут они в государстве с процветающей экономикой. Все чаще обе основные наши программы назначают показ самых увлекательных передач на время ближе к полуночи.

Вот летом на Российском канале прошла неделя телевизионного кино США. И идея хороша, и выбор картин неплох. Но,

скажите, какой умник придумал начать 18 июля демонстрацию завлекательной ленты «Преследователь кошек» в 23.35? Из телерекламы мы знали, что это один из настоящих «крутых» детективов, признанных не только в США, но и во многих странах. Почему надо давать его в полночь?

Конечно, программа в тот субботний день, помнится, была столь насыщенная, что передвинуть что-нибудь представлялось поистине невыполнимым. «Бурда моден» предлагает? С ума сойти, это же кошунство снимать валютную передачу! «Мир спорта глазами фирмы «Жиллетт»? Ну кто поднимет руку на всемирно известные лезвия для бритья?

А как было не дать и утром, и, повтор, вечером мастерскую сатиры «Нашли время смеяться»... — бенедикс А.Трушкина? Вот смотри дважды в день свежего юмориста, чтобы знать его в лицо, что он — хуже «Богатых»?!

Или автор считает, что можно было сэкономить время для американского детектива за счет валютной рекламы? Упаси Боже, священная корова неприкосновенна.

Хотя не могу не припомнить, как в тот субботний день перед программой «Вести», когда больше 100 миллионов собирается у телевизоров, канал «Россия» занялся... купальниками «Каталина». Пусть лето было в разгаре, негоже показывать десятка два длинноногих див в костюмах, больше обнажающих, чем скрывающих, а потом объявлять с сильным нерусским акцентом, что «купальники фирмы «Каталина» продаются в США и в «Березках». Ну хотя бы отредактировали текст и честно объявили, что «Каталина» доступна в США и «Березках» лишь гражданам, владеющим свободно конвертируемой валютой! Никан не могу оторваться от злопамятного журналистского блокнота... Вспомним, какое выпало прошлое лето. Прибалтика — ты-то, на Кавказе — стреляют, Западная Грузия занята междуусобной борьбой, в Абхазии — бои. Каспийское побережье тоже было настроено не в пользу «Ката-

лины», как и Севан, и Одесса, и Приднестровье, уменьшилось число отдыхающих в Крыму — цены-то бешеные. Так кому же была интересна такая реклама в канале «Россия» — разве что супруге Руслана Имановича, как раз в те дни прибывшей на отдых в Сочи...

Или вот факт посвежее. Российский канал в быстро ставшей популярной передаче «Детектив по понедельникам» показал 8 февраля добротный американский боевик «Налетчик». Первую серию в 20.25, а вторую — длившуюся минут сорок — прокрутили в 23.55. Ну кто-нибудь подсчитал, сколько телеэкранов светилось после полуночи?

Вернемся, однако, к самому злободневному — бездумной трате телевидением электроэнергии, к полуночному уклону ТВ. Объясните мне, пожалуйста, зачем, скажем, многосерийный детектив «Визит к Минотавру» (это уже Московская программа) надо начинать обязательно в 23.00? А премьеру телевизионного пятисерийного художественного фильма «За границу — тайно» из серии «Приключения частного сыщика» (Венгрия) назначать на 22.55?

14 февраля любителей детективов (кто их не любит?!), держали у экранов до часу ночи: они смотрели страшноватую, уж очень кровопролитную, но действительно остро сюжетную американскую ленту «Скорпион».

Разумеется, найдется немало несогласных с такой постановкой вопроса — и среди молодежи (тут все ясно), и среди престарелых, одиноких, тех, кого мучает бессонница, для кого телевизор — единственный собеседник, окно в большой мир. Цель автора этих заметок сугубо прагматична — сэкономить электроэнергию (особенно сейчас, когда она вот-вот резко вздорожает). Тем самым мы позаботимся о бюджете 90 процентов нашего населения, живущего ниже черты бедности. Нам сейчас не до «Каталины».

Виталий СЫРОКОМСКИЙ

Москва

Антресоли

Рубрику ведет Николай МАЛИНИН

Book-лазсан

Андрей Белый прибытием задерживается

Прошлым летом издательство «Московский рабочий» объявило подписку на собрание сочинений Бунина, Белого, Ремизова и Зайцева. Цена одного тома (100 руб.) показалась тогда неподъемной, и наиболее благоразумные читатели решили с «подписанством» потянуть. И вот, нажив капитал, захожу в бывший фирменный магазин «М.Р.» (называется, кстати, «Столица») и узнаю, что наш тезка собрал едва несколько сот заказов! И проект накрылся.

Оказалось, что книготорги на предложение не откликну-

лись, «Москнига» дружить отказалась, прочую Россию подключить к подписке невозможно из-за повальных трудностей с транспортом, а посему собрания (кроме Бунина) отложены на 1994 год.

— Но мы ничего не отменяем, — заверил главный редактор издательства Кирилл Ковальджи, — более того, мы добавили собрание сочинений Шмелева и пойдём на этот риск непременно, благо наши материальные дела улучшились. А первый том Бунина будет в конце марта; к концу 94-го выйдут все восемь томов.

Book'ист

Зайцев в гостях у Цветаевой. Год 1993

Примечателен для российской словесности день 29 января. В этот день умерли Пушкин и Достоевский. Родились: Пастернак, Жуковский. И, конечно, родившись 29.01.1881, Борис Зайцев был обречен стать властителем дум. Но — в силу разнообразных обстоятельств — не стал. Оставшись, пожалуй, лишь властителем вкусов...

На зайцевском вечере в Доме Марины Цветаевой были: Лев Мнухин, доживший о связях Б.К. с «Русской мыслью»; Евгения Дейч, единственная, кому довелось общаться с живым Б.К.; Сигурд Шмидт, купавшийся в

излюбленной теме «Арбатства»...

Журналист Ольга Ростова, дальняя родственница Б.К., провела два месяца в Париже, разбирая архив писателя. Рассказала, что в кабинете все на своих местах (говорят, Зайцев очень сердился, когда ему намекали, что это — готовый музей), архив громаден и цел, но нет ни одной рукописи до 1922 года — все это или здесь, или... Рассказала, как целую ночь проревела над письмом Веры Зайцевой к Вере Буниной (кстати, этим двум женщинам посвящена повесть Б.К., только что вышедшая в изд-ве «Интерпринт»).

Без book как без рук!

85 тыщ за одно «ЭТО»

Знаменитый книжный аукцион таки переехал из Дома архитектора в Фотоцентр на Гоголевском бульваре. Старожилы недовольно ворчали: тесно, ни черта не видно, да и вообще — купить нечего.

За 85 тысяч ушли «Про это» с Родченко и «Конница бурь» 1920 года. «Обломов» 1859 года — за 27. За 15 — «Мертвые души» в издании Маркса.

Самым крутым покупателем выказал себя на сей раз президент Дягилевь-центра

Юрий Любашевский. Смело тратя безналичность, на упреки отвечал рассеянно: «А пусть будет дороже...»

Седьмой номер «Жарптицы» с Набоковым, Сомовым и Судейкиным был продан за 60 тысяч, роскошный «Царь Иудейский» К.Р. — за 18, а «Нездешние вечера» Кузмина с обложкой Добужинского — всего за две с половиной...

Со стен растерянно улыбался Параджанов.

С book' ты-барахты

Эй, кто тут Россию обронил?

Есть такая байка. Приехал раз в Москву Арманд Хаммер. Прошел вдоль почетного караула, остановился около широкоплечего русского курсанта. Поразмышлял о загадочной русской душе... А потом Сталин посмотрел кинолентку и расчувствовался: американец любит русским богатырем! И решил что-нибудь для славного парня сделать. Выяснилось, что тот пишет стихи. Так вышла первая книга Владимира Солоухина «Дождь в степи».

А недавно загадочная русская душа выпустила разоблачительную книжку

про Ленина — «При свете дня». На пресс-конференции попечалилась, что нечего больше бояться; рассказала, что каждую субботу ходит в Центральные бани, где себя под чем-то там чистит. И еще душа заявила, что не выносить Ленина из мавзолея есть наша преступная инертность.

Читать книжку, конечно, совершенно не хочется, поэтому перейдем сразу к банкету. Дело в том, что вместе с новой книжкой фирма «ЭСТ» презентовала в ЦДЛ и новую водку... Впрочем, и водка тоже разочаровала.

Хождение по book 'ам

ЛеФ прыгнул

«Во дела! «Муму» написал Тургенев, а памятник поставили — Гоголю!» — возмущался малолетний книголюб в журнале «Ералаш».

С писателями такое безобразие случается редко. С поэтами — постоянно. Лучшие строчки западают в голову отдельно от авторов. «И семьи не у всех, и негде брать любимых», «Тюрьмы не знал, войны не видывал, зато попробовал любви» — кто это? Неужто Аронов, телебылинник и пьянчужка? Сидеть — не сидел, на Запад не выгоняли, а надо же — вот «Муму» написал.

«В високосный будь с друзьями рядом» — да уж какой високосный живем по этой заповеди, автора не зная. А ведь это господина Филатова сочинение. Его, его. Артиста театра и кино. «О да, мой друг, о да». «Рассеянн молчит и щурится на снег» — тоже его. «Апельсины цвета беж», наконец.

При чем здесь, скажите, Гоголь? Тем более два Гоголя.

Но поставили наконец и Тургеневу памятник. В том смысле, что в издательстве «Красный пролетарий» с помощью мебельной фирмы «Кузьминки» вышел сборник Леонида Филатова «Сукины дети». С картинками Гальдяева и в глянцево переплете — загляденье. Там тебе и сказка, там и сценарии, и уж не знаю что.

В прозе сорокапятилетних отдельное удовольствие — угадывать прототипы. Конечно, все приличные авторы писали с натуры, но только прототипы современников — Филатова, Довлатова, Кабакова — пока еще у всех на слуху и на глазах. Что это за повеса, фигляр и трепач, гроза московских всех мужей, в решающую минуту делающий шаг к стеночке, отказываясь от вакансии Плохиша? Золотухин? Не подходит, Высоцкий по возрасту, Дыховичный? — вряд ли. Господи, Хмель! Мохнатый шмель на душистый хмель, и врагу никогда не добиться, чтоб поникла его голова. А Левушка, неловкий увалень, — неужто сам? Авторам свойственно «опускать» собственный образ, хотя бы внешне. «В его облике было нечто фальшиво неаполитанское», — писал светлой памяти Сергей Донатович о своем альтер эго.

Ясное дело, солидная договорная цена в 320 р. не отпугнула никого. На аукционе в Театре эстрады книжку с автографом и юношеским фото автора отдали за сумму в сто раз большую — тридцать две тысячи.

Рассчитывая на дарственный экземпляр, в аукционе не участвовали: Николай Губенко, Сергей Соловьев, Александр Градский, Михаил Мишин, Олег Подцов, Михаил Горбачев. Не двойник, настоящий. Они с Филатовым недавно подружились семьями.

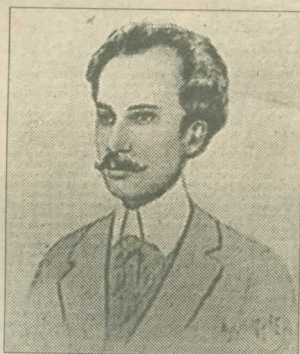
Все ожидания оправдались. Отыграв шоу в честь премьеры книги (подробности — на следующей странице) и устало скинув пиджак, Леонид Алексеевич всем им надписал по томику изящным почерком человека, рукописи которого не горят.

Денис ГОРЕЛОВ

Мини-book 'ини

Русская литература одержала очередную победу. Старина Дост опять не дался кинематографистам. Новый фильм обнаружил странное сходство с классикой советского детского кино: то же утро, что и в «Ста днях после детства», тот же туман, та же лодка и те же разборки: ты говно, Лопухин, да я говно, Верховенский... Если теперь режиссеры отнимут последнюю букву от названия своего фильма и прибавят остаток к своим фамилиям — характеристика будет точной. (Для справки: фильм называется «Бесь», снимали — Таланкины.)

Время такое, что выход новых журналов уже не радует, зато с чувством глубокого удовлетворения встречаешь очередные номера «старых». Мы рады сообщить, что появился второй номер «Апокрифа» (круче, толще и белее первого); третий номер «Логоса» (журнал, кстати, объединился с издательством «Гнозис», а в этот номер загнал сразу и Плотина, и Бисвангера, и Гуссерля, и Сартра...); а также — второй номер «De Visu» (посвященный 100-летию Виктора Шкловского).

Наконец-то открывается музей-квартира Андрея Белого (Арбат, 55). Первым номером программы — «Москва Белого», а 18 марта всех ждут на открытие первой выставки из цикла «Гости квартиры Бугаевых», посвященной Н.А.Бердяеву.

Совершенно за так раздает издательство «Гилея» книжечку А.Кручных «Кукиш прошлякам» (Знаменка, 10). Всю московскую прессу совершенно обаял тот факт, что раздача слонов будет происходить ровно 82 дня. Как известно, утонувший в крюшонах Алексей Елисейч Кручных прожил 82 года...

Умер Николай Любимов, сямый, наверное, известный у нас переводчик с французского. Ужасно неловко, что буквально за месяц до смерти «Антресоли» грубо «наехали» на его переводы Пруста...

«За что, я не могу понять, вы все так любите меня?» — вопрошал еще десять лет назад московский поэт и бард Михаил Щербаков. В неослабности любви он смог убедиться, справляя недавно свое тридцатилетие. Впрочем, сакраментальное «за что» так и осталось непроясненным.

Редкий литературный критик не выспался на томности «Худлита». Подписавшее нас на десятки собраний сочинений издательство затихло. Но вот первой ласточкой (впрочем, довольно увесистой) явился первый том Грэма Грина. Вялое «ура».

В Москве открылся музей-читальня Николая Федорова. Все хорошо, если бы не так далеко: Профсоюзная, 29. Работает заведение по вторникам, пятницам и воскресеньям.

Деньги на издание искусствоведческих книжек кончились как раз в тот момент, когда вызрел пласт свежих мыслей, а творческое наследие «искусствоведов в штатском» было безнадежно осквернено. Поэтому так приятно было купить преинтереснейшую книгу Григория Ревзина «Неоклассицизм в русской архитектуре начала XX века». Денег дал М.Аркадьев, издатель — Общество историков архитектуры, тираж, увы, 500 экз.

ЧУВСТВИТЕЛЕН, И ВЕСЕЛ, И ОСТЕР

Презентация книги Леонида Филатова в Театре эстрады завершилась благородным собранием

Л.Ф. собрал на аменины сердца всю мою жизнь.

Кроме шуток.

Детство — Николай Губенко, ставший «Подранков» про себя и моего отца, военного беспризорника, — много ли их было, не пошедших по нарам потом? Людей, самым праздничным нарядом до зрелости считавших белые рубашки.

Отрочество. Татьяна Догилева — «Жестокие игры», завязанная на животе ковбойка и красное колесо по звездному небу. «Жили на свете Мишка и Машка».

Юность — таганкины дети: сам, Нина Шацкая-жена, тот же Губенко. Таганка-девочка, да нет — восемьдесят четвертый, не девочка уже, не первый раз в разводе, добрая одинокая синьора, оставившая открытой входную дверь в тепло, свет и знание: «Дальше? Уверен?» Специальная жердочка для безбилетников на новой сцене. «Кубок янтарный полон давно, пеной угарной плещет вино...»

Был и контролер во взрослую жизнь — Михаил Горбачев, не Сановник — но Человек, друг Филатовых, друг Умечких, вспоминающий, как в 53-м женились, не спросив родителей. В этом году сорок лет как. Мог ведь не пустить, оставить в мальчишках, вечных сынах на побегушках у правящих классов. Но нет — посторонился.

Градский. был, зла на Горбачева не державший, хотя уж какая боль — «Баллада об уставшем карауле»... «Нет, не пою: он в зале, а песня-то против него. Он все равно мужик хороший».

Все здесь. Соловьев, Юрский. Все говорят, какой это у них Леонид Алексеевич хороший. Правду говорят. В

каждом из сыгранных им мерзавцев — какой-то магнит, сила, чувство. Ну, то, что в советской публицистике называлось «блеск фальшивого брильянта».

Бандит Виктор Грач. «Скажите, свидетельница Загоруйко, знали ли вы?..» «Этот человек был мне близок, и я не нахожу возможным...»

Барон Б.К., роскошный кавалер, о котором и вспомнить нечего, кроме белого костюма, и белой шляпы, и белых штiblет. Нет, есть — кровавые кляксы, вспыхивающие на белом костюме. Год работы в Боливии и шикарная черная тройка от Кардена, купленная на весь огромный гонорар.

Федор Чумак, шулер, подставивший голову (в шляпе!) казачьим разъездам, спасая от виселицы красную террористку, носящую одно имя с его сестрой. «Ребята, можете вы хоть три дня потерпеть без классовой борьбы?»

Режиссер-убийца — все для спектакля, все на алтарь, все для победы, — не уходи, парень в кофте с заплятанными рукавами и связкой книжек. «Каждому театру, деточка, отпущено двадцать лет». Как тяжело звучит сегодня, когда в зале нет Смехова, Демидовой, Золотухина...

Артист отрицательного обаяния, он сохранил в душе бездны положительности. До такой степени, что даже неловко. Нет ничего утомительнее юбилеев хороших людей. Виновик сидит-жметса от водопада добрых слов, потихоньку таблетки глотает. Да, видят все, скромный. Слава богу, это был не ЦДЛ: пришли друзья-актеры, как всегда, спасли положение. А то б началось: «Коль, ты в зале? Где ты там спрятался? А ну, ска-

жи, какой Ленька замечательной души человек. Дайте ему микрофон в зал, пусть скажет». «Леонида Филатова я знаю давно...»

На этот раз обошлось. Губенко пел, и Градский пел, и сам читал, и все по делу. Зал трудно было завести — редкий случай. Люди пришли к Филатову и сильнее всего смеются-хлопают на слово «сиськи-масиськи» — Арканов пошутил. И ни строчки Градского не знают, каждому куплету смеются, как в первый раз. То ли потому, что билеты по тысяче рублей, то ли зима, то ли еще почему — трудный зал. На Суслова — ха-ха-ха, на Слуцкого — ноль эмоций. Четверть на последних

Фото Э.Оппа. Агентство «Примус»

аккордах бежит очередь в гардероб занимать. Правда, остальные хлопают стоя и после закрытия занавеса, но в основном женщины — что настораживает. Сразу вспомнишь слова Мишина: «Острый ус, острый ум, глаза серые, взгляд пронзительный, женщинам спасенья нет, да они и не ищут». Не ищут, да.

Но ничего — завели, растормошили, раскачали. Федот-стрелец, Высоцкий, «Антиперестроечный блюз» — это уже бесклассово, как Утесов. Не зря говорили — «народный артист». Иногда не все понятно, но все равно смеюсь и хлопаю. Где совсем непонятно — можно голосом и мимикой об-

метать. В крайнем случае, усами.

Завели, в общем. Разогрели.

А потом уже — наверху, в узком кругу. Тосты, которые слушают внимательно и молча, — как еще слушать первого президента, хоть и бывшего? Все-таки Высокое Лицо, к которому питаешь теплые чувства, сковывает необычайно, как родители на дне рождения. Был бы Угрюм-Бурчеев — давно б уже отвернулись, захихикали, вилку уронили. А тут — пришел к сукиным детям взрослый дядька. И хочет сказать. Но М.С., как хорошие, понимающие родители, вдруг через полчаса засобирался. Дела.

Поначалу неловко было самим

себе признаться, всё оглядывались, но Градский, умница, поднял голос: «Президент ушел — можно орать», — и все заорали, разбились на группки, пошел процесс, броуново движение нормальной сходки союза друзей. За тебя, за жену, за Колю, за нашу победу, а все-таки Михал Сергеич, что бы о нем дурного ни говорили... Всем спасибо, что пришли.

Жаль, что не в таганкиных стенах и без половины вчерашних друзей, с которыми «к плечу плечо».

Но о том разговор отдельный.

Денис ГОРЕЛОВ

Разброд, раздрызг, разлад, потери, отчаяние, тоска — вот декорация, на фоне которой вышло на литературную сцену то поколение писателей, к которому принадлежит Зуфар Гареев. Поколение, не заставшее первой «оттепели» и не успевшее глотнуть того слабого воздуха свободы, запаса которого многим хватило надолго. Поколение, воспитанное официальной ложью и неофициальной «второй культурой», поколение, выбравшее себе в качестве экологической ниши почтенные должности сторожа, дворника, грузчика, поколение, которое не отказалось бы подписаться под декларацией героя поэмы Венедикта Ерофеева «Москва — Петушки»: «Я остаюсь внизу, и снизу плюю на всю вашу общественную лестницу. Да. На каждую ступеньку — по плевку». Все, что пишет Зуфар Гареев, высмотрено глазами этого поколения, но читать его рекомендуется всем. Страна должна знать не только своих героев и стукачей, но и этих сирых мира сего, персонажей Гареева: хиппарей, бичей, графоманов, девиц с игрушечными автоматами на шее, мужиков с гробами. Не жалости ради, но объективности для приведу биографические данные автора, родившегося в 1955 году. Скучное детство в захолустном башкирском поселке, затем — армия, конвойные войска в Пермской области, далее четыре года по оргнабору в сибирском городке с неаппетитным названием Лесосибирск и, наконец, — московский «лимитчик». И задам риторический вопрос — откуда что берется? И риторический ответ дам — да все отсюда же, от ПОЧВЫ, плюс нежелание «сидеть в дерьме и не чиркать» плюс чтение вместо окружающей водки и других прелестей «развитого социализма», наконец — природный ДАР, и я думаю, что выделение этого слова в данном случае уместно. Странная его проза, странные стихи, странная драматургия. Переплетения, свивы изысканной лексики, патетики, романтизма и грубой грязи. При всех внешних признаках так называемого модернизма

— сугубый реализм, а может, и натурализм жизни сумасшедшей, бескоординатной, опрокинутой. Влияния? Влияния, как и у всех, можно вычислить, но чем больше читаешь Гареева, тем больше убеждаешься — а ведь это он сам все открыл и придумал. И если кто-то фыркнет, что иногда он изобретает велосипед, машину, построенную Беккетом, Кафкой и Ионеско, то я скажу, что, возможно, и это любо искусству, — машина заржавела, машина валяется в сарае с проколотыми шинами, к машине приделывают третье, четвертое, пятое колесо. А он, не «кучкующийся» и не смешивающийся, ЗНАЕТ и УМЕЕТ, ибо, в отличие от многих своих собратьев-сверстников, не пляшет на могилах, а ищет и находит, собирает и строит. Ленивому и нелюбопытному может показаться, что перестройка, которой вновь осмелевшая интеллигенция присвоила титул «так называемая», решительно ничего не дала Зуфару Гарееву, гражданину России, жителю Москвы, выпускнику Литературного института: как он работал дворником в Измайлове, так и сейчас его можно встретить на 9-й Парковой размахивающего красавицей-метлой или дерущего острым скребком суровый зимний лед. Ошибка. И я не о том, что именно за эти годы он приобрел изрядную популярность среди читающей и пишущей публики, что рассказы его и пьесы были опубликованы в «Новом мире», «Дружбе народов», «Волге», «Континенте», переведены на многие языки, вышли в отдельных и коллективных сборниках. Я о том, что он использовал данный ему внешний шанс и СОСТОЯЛСЯ, ухитрившись не нарушить своего ВНУТРЕННЕГО мира. А что — дворник, так это и хорошо. И на улице чище, и в душе, да и цены нынче, сами знаете какие. Да и деточек кормить некогда «молодому писателю» нужно — их у него двое.

Евгений ПОПОВ

Зуфар ГАРЕЕВ

СТЕРЕОСКОПИЧЕСКИЕ СЛАВЯНЕ

Как же все это было? Михайлов кричал, он придерживал руками стены, перебегая от одной к другой, но штукатурка и щебень летели уже с потолка, трещины бежали дальше и дальше. Толстый красный слесарь ревел, метался, скалил зубы, тоже бросался на стены — наконец уснул, разметав богатырские руки, распахнув бесконечную грудь. Как всегда, он был пьян. Михайлов сжался в углу. Случилась эта магнитная буря в четырехтысячный год полета сосны на далеком высоком солнечном берегу; в неизвестный год полета серой древней птицей над сосной, над берегом, над Землей. Она летела и хищно щурила узкий глаз, прислушиваясь к посвисту ветра под крылом. Девушки в расплзающемся доме плакали, стайками слетались к дверям. ДОМ рухнул. Они

успели выскочить в последнюю секунду. Серые громады бетона, сорвавшиеся с высоты, даже чиркнули их по распущенным волосам; и волосы их мгновенно вспыхнули голубым светом, который озарил землю во все концы. Птица снова сощурилась. Ей было видно, как глубоко внизу мощно бушует прозрачная, мерцающая многоцветьем электрических полей, магнитная буря и как безумно скачет по ее волнам голубой шарик. Девушки убежали в город; растворились на улицах, в деревьях парков. И в них стало светлее: девушки застыли в деревьях, как причудливые сны, изваянные голубым воздухом, невидимые миру. Михайлов уцелел тоже. Когда стих грохот бетона и скрежет арматуры, когда пришел розовый пустой вечер, он огляделся. Крылья растерзанной бури, поблескивая

словно слюда, прозрачно свисали с деревьев, громоздились на крышах и на асфальте — огромные, нелепые. Михайлов двинулся по краешку вечера осторожно, словно боясь порезаться. За ним потянулся участковый Иван Анисимович. Подозвал Михайлова к себе и, вытаращив от ужаса глаза, ткнул пальцем в звездочку на погоне. Вместе они, шепотом, пересчитали количество ее концов. Алый ветер тронул волосы Михайлова.

«Ветер, ишь ты...» — пробормотал Иван Анисимович, просыпаясь июльским полднем, делая рукой жест, когда гонят с глаз дурной сон. Лицо Михайлова стало таять, хотя лето не торопило Ивана Анисимовича к пробуждению. Он просыпался постепенно, медлительно проникаясь ощущением собственной руки, которая с занесенным доминошным камнем парила над его головой. Лицо Михайлова отлетало стремительно, было оно теперь на расстоянии от двух метров до трехсот километров; надо сказать, что Иван Анисимович питал крайнюю пристрастность к филигранности математического расчета. Товарищи участкового по двору — шофер Извеков и стрелок ВОХР Герман Сысов — тоже медленно парили рядом. Извеков, будто утопленный в вязкой жиже, нес свою руку к голове, что имело целью почесать в озадаченности затылок. Рука его, на первый взгляд недвижимая, имела на себе, однако, все признаки перемещения как в пространстве, так и во времени. Она от плеча до локтя была освещена нынешним полднем. Остальная часть ее была тронута тенью наступающей ночи. Самые же кончики ее пальцев озарял восход завтрашнего безоблачного дня, впрочем, блиставший на грубых ногтях шофера тускло и невнятно. Иван Анисимович, почти горизонтально зависнув над столом, выплывал к центру доминошной кочерги с благостным удивлением на лице: «Рыба, значит?» Часть его круглой внимательной головы, собственно плешь, была уже посеребрена первыми сентябрьскими заморозками; она была словно слегка просунута в осень. Другая часть, от затылка до шеи, дымилась прошлогодней февральской поземкой. С осенних плеч Ивана Анисимовича сочилась вода сверкающими ручейками — это нынешний июль ласково дышал над его спиной. Пахло прелой листвой. Слесарь тоже был здесь. Довершая композицию, он выплывал с четвертой стопы пальцем вперед, что имело значение: «Где рыба-то? Ты глаза разуй, у Сысыя конец пятерышный!»

«Точно» — стал рассуждать Иван Анисимович, как внезапно услышал отчетливое бормотание Германа Сысова над своим ухом. «Ептыть, приспали малехо... Вань, слышь, чего говорю, малехо приспали...» Иван Анисимович ошутимо сконфузился, широко открыл глаза и с тончайшим необходимым психологизмом стал вникать в явь, открывшуюся его мысли. В доме что-то жарили на луке, по запаху выходило праздничную мойву. Михайлов высоко сидел в своем узком, криво летящем к небу, окне — осторожно и грациозно трогал ветку сирени в голубой банке и умирал над ней. Падала его долговязая голова на подоконник, а обморочная сирень нежно над ней клубилась. В открытое окно сыпались дневные июльские звезды, чудный блеск озарял все вокруг. Соседи, интеллигенты в первом поколении, встречали гостей. Уже кричали в их комнатах люди, уже били люди ложками о плоски, уже несли кровь и зелень мяса, уже были полны стаканы — уже хрипели праздничные люди, наседая друг на друга и бубня повсеместно:

— Это наш русско-еврейско-калпатский вопрос! Это наш совместно-советский мыслительный труд!

Иван Анисимович продолжал неторопливо размышлять: «При чем здесь пятерки? Нету пятерок ни на одном конце. Придремал, видно, Герман... Ишь ты, это все новый французский роман балуется... как же, читал, знаю все эти штучки-дрючки, ептыть...» И придя в совершенней-

шее удовлетворение от этой мысли, Иван Анисимович потечески ласково пригрозил в сторону Михайлова:

— Ты дворник, ты сторож, а также ты истопник первой категории андерграунда — вот!

— Нет! Нет! — с ужасом отшатнулся Михайлов от окна. Он стремглав бросился прочь из дому, опережая тоскующим телом глаз свой, стреляющий из морщин, которые кругами, кругами... так, что, если бы вздумалось ему сейчас себе в утешенье потянуться за убегающими девушками, схватить их за руки, прижаться щекой или бережно подуть на пальцы, серебря их своим дыханием, выдернули бы они пальцы из его ладоней и стали бы говорить ему, как порой он говорил себе: только зрачок у тебя молот, только зрачок бесноват, а вокруг него навечно лабиринтом лет старое веко. А еще дальше, вокруг, навечно морщинами хилое тело, и огонь зрачка уж не достает его окраин, и темень, день за днем, крадется по лабиринтам к зрачку, и тело твое совсем скоро превратится в сухой, маленький комочек морщин, и в комочке том потухнет твой зрачок бесноватый. Вот как ты наказан: нет тебе главного — тела, а значит, и любви. Ни тела, ни любви! Нет же — только не это! Бежать, бежать по городу, смотреть, заглядывать, плакать, шептать — и найдется тело, найдется любовь...

Иван Анисимович все тыкал и тыкал с ужасом в звездочку на погоне, но Михайлов, не оглядываясь, уходил в город. Когда совсем стемнело, хлынул дождь. Он застал Михайлова в какой-то глухой улочке. Дождь глубоко шуршал в ветвях: он нигде не начинался и нигде не кончался. Земля, качаясь в его шорохе, засыпала. Он прислонялся щекой к ветвям и дождю, они остужали его кожу до своей беспристрастной температуры, до своей холодной чистоты: и дождь, и ветви; и ветви, и дождь. Редкое, слабое электричество, контуры домов, редкие окна, редкие фигуры прохожих — все это покачивалось в его мозгу зыбко, призрачно. Все это вдруг отступало далеко-далеко; а то вдруг приближалось — и окна горели то вечно, то гасли сейчас, сегодня, в этом году; и прохожие то спешили безоглядно — и тоска, изматывающая кости, тянущая жилы, подступала тогда, — а то внезапно оборачивались, чтобы слабо и тайно махнуть рукой, и тихо чтобы шептать, качаясь вместе с ним: и дождь, и ветви; и ветви, и дождь. И тайные слезы — шептал он в ответ, — и тайные слезы...

Так прошла эта ночь. Он уснул на рассвете, когда дождь уже стих. Он уснул под деревьями, уснул на холодной заре — усталым, лошадиным лицом ей навстречу. Она склонилась над ним, она коснулась холодными пальцами его лба и долго сидела рядом, задумавшись. К полудню в маленьком солнечном парке стало тепло. Он лежал на животе и дремлющим глазом видел ноги прохожих, видел птиц на траве, чуть дальше — мочившихся собак; слышал гул проснувшегося города. Скоро в парк пришли перекормленные дети с маленькими, заплывшими глазками. Каждый из них, хихикая, норовил ущипнуть Михайлова. Щипали они все больше, в одно и то же место; он теснее прижимался к земле, к вековым корневищам деревьев, дрожь пробегала по его телу, а крупное его лошадиное лицо страдало. Они выщипали в черепае дырку, взвизгнули, когда брызнула кровь, и бросились врассыпную. Михайлов вскочил — струйка пара металась над его головой. Много дней в парках солнце мешалось с дождем, ликующий ветер — с облаками. Дождевые воды, стекая с деревьев, потоками неслись по земле — к далеким рекам с чистой прибрежной галькой. Много девушек пробежало в парках этими днями — еле касаясь ступнями блистающих ручьев. Далеко ему виделось этим летом, во все концы сквозь извилистые расщелины, нагроможденные его бурями, шумом и скоростями. Горячечно он грустил о теле и любви, — и ликующий кипяток бежал по его жилам,

свистел и бил паром в черепной дырке. Но некому было погладить Михайлова по худым лопаткам, некому было заглянуть в его лошадиное лицо и проговорить что-нибудь вроде:

— Ну-ну, Каланча, успокойся. Чего это ты дрожишь так: крупно, дико?..

Вечера были строгие, прохладные — чуждо отражались они в его карем глазу, на самом днище. В деревьях темнело, розовые облака расстились невиданным ландшафтом. Бедная грудь Михайлова была беспомощна. Вечера похищали его кроткое, тихое сердце — и оно, одинокое, летало по алым долинам; оно летело никуда и вечно. Днем, в окнах многоэтажных зданий, он видел ортодоксов. Их было великое множество, они безглазо скользили мимо своих столов, мимо друг друга, сливались в серые сплошные пятна, снова плодились на отдельные особи. Они копошились в бумагах, в ящиках столов, они испускали изо ртов в телефонные трубки шорохи и длинные, гибкие жала, показывая мелкие зубы. Этот шорох был ужасен, ибо был неистребим...

— Никак ты вздремнул? — визгливо крикнул над головой Михайлова Иван Анисимович.

Михайлов поднял сонную голову с плеча участкового — щека его была отмечена пятиконечной вмятиной.

— Слышь, чего говорю. Оставь свои страсти темные... Будешь сторожем, займешься луну голубую качать над зданиями нашими. Или дворничком будешь — снег наш в оханы сгребать. Фигурная, понимаешь, гребля...

— Мысли бегут, — отвечал Михайлов, — из проклеванной головы моей. Не знаю счета, письмо забыл...

— Никак вздремнул? — снова визгливо вскрикнули над головой стрелка Германа Сысоева. Герман, крайне сконфузившись, поднял голову от накладной. «Принимаю упрек твой, Извеков», — робко подумал он. Извеков тыкал пальцем в бумагу:

— Видишь: пункт один — везет накладенное. Пункт два — ебуки, к бортам прислоненные. Пункт три — прочерк...

— Вижу накладенное, — возразил Герман, — ебуки также вижу, к бортам прислоненные, а прочерка по пункту три не вижу...

— И что ж ты! — раздосадовал Извеков, и вместе они стали углубляться в содержимое документа. Сысоев, в прежней дреме, под звуки клаксонов на проходной, водил пальцем по цифрам. Он задумчиво вслушивался в поскрип фаланговой кости, неторопливо и по-хозяйски при том размышляя: «Кости мои все при мне; вовремя озаботился я, значит. Как же, никак нельзя теперь отложить это обстоятельство в долгий ящик... годы вона как невзаметь подкрались...» До слуха его донесся шорох. То шуршала на его скрипучей шее заскорузлая ладонь Извекова. Сам же Извеков, вслушиваясь в скрежет выворачиваемой сысоевской шеи, клоня ее к земле все ниже и ниже, раздумывал: «Вья у него, мордovorота, покамест дюжая... шестьдесят лет ей, не враз свернешь... скрипит, плачет, Господи-батюшки. Ладно я прилачился, сказать честно, клешня у меня крепкая... детство у меня, понимаешь, деревенское было, голодное — служебное, значит... много книжек об нем написано, крепкий мы, понимаешь, народ выросли...» Герман, прислушиваясь к скрипу шеи, как, бывает, прислушиваются к непогоде за окном, размышлял: «Ладно прилачился, черт рогатый, не спорю... чу, никак жила лопнула! Точно она, даром, что ли, звигнула, словно подрезанная. Поземкой с плеча потянуло... ишь, февралюшко ярится...» В согласии с его правильным наблюдением с бровей Извекова посыпался снег этого года, а сам он, заиндевелой свободной рукой, стал отдиравать прошлогоние листья от волос. Герман, взбодренный морозцем, неугомонно крикнул:

— Так где у тебя у кузове пункт-три-прочерк?

— Погоди ты, ебенуть, вцепился, — бормотнул Изве-

ков, сплевывая листья, налезавшие в рот. — Полежай да посмотри, если невтерпех...

И они, барахтаясь, не расцепляясь, полезли в кузов — чертыхаясь, отплевывая хвою. С их спин валил снег, метель стала Герману присыпать веки. Отлетая в далекий, детский сон под ее рев, Герман чувствовал, что цепкая клешня Извекова на его шее не слабеет. «Попустил бы, а...» — подумал он лениво и тепло. Впрочем, ответа он не ожидал. Он качался в далеком полусне, а память, словно его убаюкивая, все шептала и шептала ему: то заплачет, как дитя, то заплачет, как дитя... Зимний день тем временем завершал свой короткий круг над их головами. Метель стихала. На черное небо выпали алмазные звезды. Из-за виска Извекова, из-за его плеча, припорошенного снегом, отчетливо теперь виделись Герману бескрайние пустые сугробы. Это открывалась, словно бездна во всю пугающую ширь, русская ночь. Была она, впрочем, украшена далеко скользящими маленькими золотыми санями, похожими на старинный изящный вензель. То пронеслись в них гениальный кучерявый арап. Созерцая чудные эти сани, щурясь от пронзительного золотого блеска, долетавшего сюда через многие километры, Сысоев думал с восторгом: «Внезапно голова моя открылась для крупной, бесконечной мысли! Воистину не властны мы над ее озарениями...» В самом деле, в ней стало видно бесконечно далеко и бесконечно ясно, до самого лета, до теплого июля, полного серебристых падающих звезд. В глубине дней, телескопически раскрывающихся друг за другом, — в глубине лета, в произвольной его точке, откуда оно с точностью геометрического чертежа равномерно распространялось во все концы, стоял Михайлов. Долгий, плоскозадый, он оборачивался к Сысоеву, и глаз его — влажный, коричневый — тоскливо рвался из плена лошадиного лица.

— Разве уже зима? — спросил он грустно.

«В самом деле...» — усомнился Герман, продирая глаза. Из окна проходной он в совершенной реальности видел железнодорожную насыпь, по которой брел Михайлов, слегла покачиваясь — то ли от голода, то ли по причине глубокой призрачности своего земного существования; брел, оглядывался, звал куда-то непонятной мыслью. Герман досадливо сплюнул и бормотнул:

— Каланча он и есть Каланча, чего с него взять?

Ударил за воротами клаксоны, матюгнулись шоферы, и Герман вышел поднять шлагбаум. Из первой машины выскочил Извеков. Скрипя сапогами по снегу, молодцева то ими постукивая, он приблизился к Герману. Молча схватил его за шею и стал медленно гнуть к земле. Герман с привычным удовлетворением стал погружаться в размышления, слушая скрип: «Скрипит как, ишь... словно тополь многовредный».

— Разве уже зима? — спросил грустно Михайлов. Мерно и долго падала его фраза в пространстве. Потом взгляд Михайлова скользнул по корпусам завода холодильников, что лежал поодаль насыпи. Отсюда началась озоновая дыра — от завода тянулся вакуумный, космического холода тоннель. Птицы, случайно его пересекшие, падали замертво на путепровод. Проехал маневровый тепловоз. В высокой кабине сидел светлоглазый машинист с застывшей веселой улыбкой на молодом лице. Он был мертв. Волосы его, брови и губы были посеребрены космическим холодом абсолютного нуля. Тень губительного тоннеля лежала на земле: широкая полоса мертвой желтой травы тянулась дальше, взбираясь на заборы и здания, уходила за город, пересекая кольцевую, и ползла дальше, сквозь дни и ночи, высвеченная то утренним солнцем, то лунным светом; то теряясь в дожде и тумане, то блистая полуденным снегом. Она ползла туда, к Антарктиде.

Этой ночью он заночевал в полуразрушенном доме. Пос-

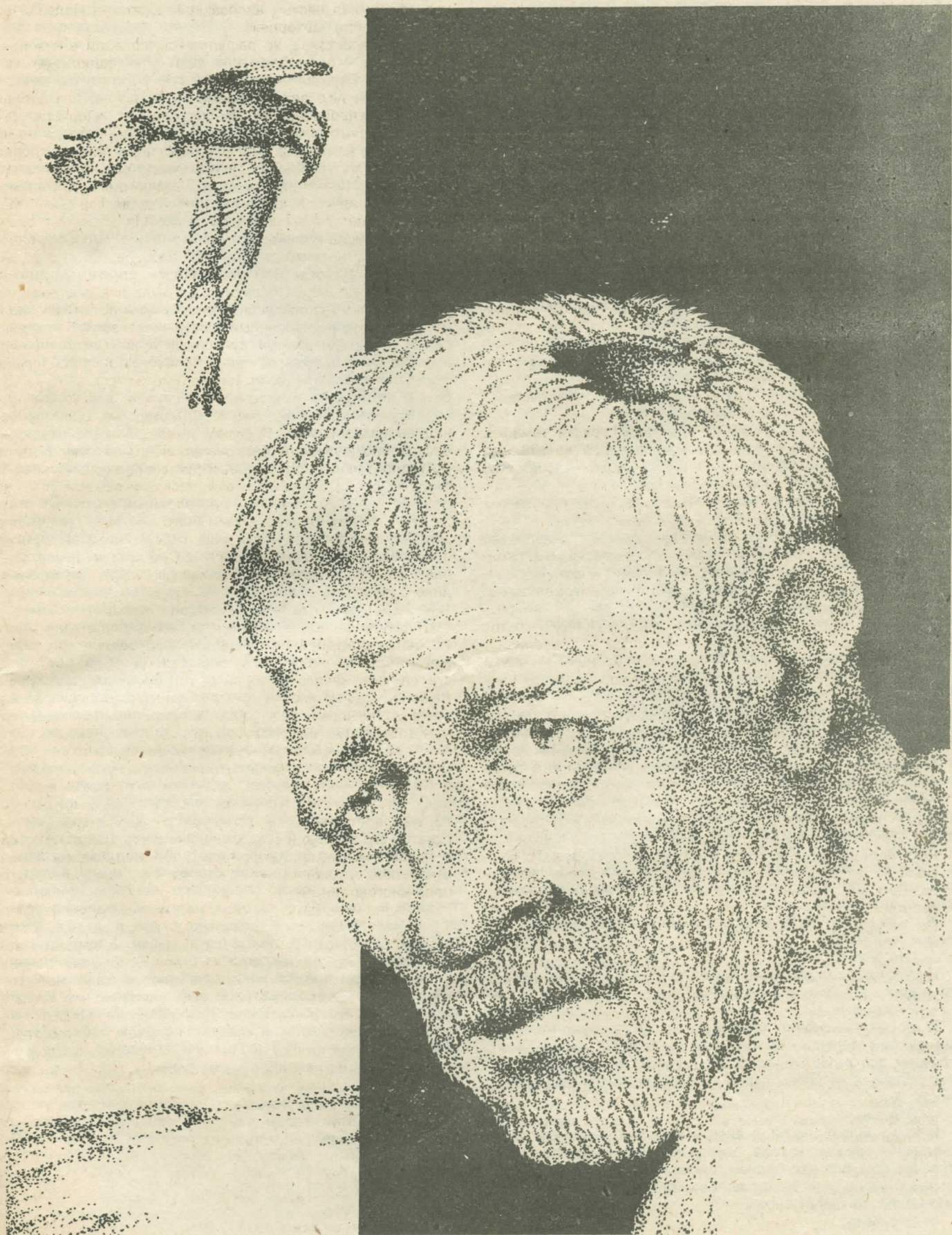

Рис. О. Разиной

ле полуночи по городу прошли ортодоксы. Серая масса — может быть, это было тело гигантской змеи? — текла равномерно, слабо освещенная люминесцентом. Глазницы их, подернутые розовой кожицей, слепо были устремлены в затылок друг друга. Челюсти ортодоксов жили мелкой своей жизнью — казалось, ортодоксы что-то грызли на ходу. Кое-где поблескивали оправы очков. В потоке он различил женскую фигуру. Она кричала что-то, прижимая к себе детей — к хилой, недоразвитой груди. Ее уносило все дальше, все тише становился ее голос. Дети тоже что-то кричали, повернув лица в сторону Михайлова.

Это были его жена и его дети, он узнал их. Очнувшись от потрясения, он бросился на улицу. Но здесь был только их след: склизкий, белесый, словно проползла по городу огромная улитка, оставив после себя густые ошметки студенистого белка.

— Фигурная, понимаешь, гребля, — пробормотал Михайлов, поднимая голову с подоконника.

— Вот-вот, про то тебе я и толкую, — откликнулся во дворе Иван Анисимович, продолжая парить над доминишной кочергой, озабоченно при том соображая: «Где-то я упустил скоротечную долю секунды. В сущности, молниеносным ударом фишки то ли Извеков, то ли Сысой сотворили рыбу. Не углядел...» В соседнем застолье кричали и плакали как буйные, так и тихие люди. День клонился к вечеру, они один за одним засыпали, роняя головы в плоски. И спали они до зари. Холодная, она проходила по комнатам — и там, где длинным своим платьем она касалась предметов, внезапно вспыхивало огнем вечности и мгновенно оборачивало. Мгновенно ложились глубокие необратимые морщины на полувывернутые, вздыбленные лица. Мгновенно седали людские волосы, а она задумчиво оборачивалась на следы своих беспечных деяний, на разбой пицци и бутылок, на сонные всхлипы, шорохи и бормотания человеческих жизней — изношенных, пустых.

— Спорить не буду, зима это... — успел пробормотать Герман, окончательно проваливаясь в сон, уже почти не слыша шороха ладони Извекова на своей шее, не различая его заснеженного печально медитации лица. И лишь снова кто-то шепнул ему тихо-тихо: то заплачет, как дитя, то заплачет, как дитя... Снова в неизбывной темноте русских ночей блеснул перед ним золотой изящный вензель саней гениального арапа. И так явственно, что Герману показало — еще секунда, и он увидит его самого, выглядывающего из-под сверкающего бровового воротника, увидит узкую его — о перстнях драгоценных — ручку, которой он, ну чисто по-женски, сделает туда-сюда, тик-так, словно балуясь, словно назначая Сысоева, бесконечно открытого для крупного размышления, то тем самым зверем, то тем самым дитей...

И тогда метнулся Михайлов в доме к искалеченным окнам и закричал:

— Это зима?

И ветер вырвал его крик, понес по белому пустому городу и долго трепал его в закоулках:

— Это зима?

И тогда он выскочил на улицу, и тогда он обвил горячими руками деревья; и тогда он взмолился, карабкаясь глазами все выше, торопясь за полетом золотистой сосны, уносящей на своем стволе в тысячелетнюю бесконечность лето:

— Это зима?

И тогда запоздало он сжался, и мокрая одежда его, обнимавшая пожившее тело, пошла паром, — и ветер стал трепать этот пар над бедной головой его, засвистел в черепной дырке; и полетел по безмолвному городу белый михайловский шепот снова:

— Это зима?

Листьев нет, дома январские, алые, словно огонь. Протянешь руку погреться — и мгновенно пальцы покроются инеем. И губы тоже.

— Да откроешь ты глаза или нет? — услышал над собой Герман голос исполкомовской дамы. Реальное тепло кабинета быстро теперь обволакивало его тело. «Никак в исполкоме вздремнул я!» — испугался Герман, открыл глаза и поднял голову с мягкого, мохерового плеча дамы. Дверь в кабинет отворилась, вошел Михайлов. За его спиной мелькнуло удивленное лицо секретарши. Пришлепал и ортодокс, встал рядом с дамой. Вскинул вверх лицо, потянул воздух сквозь мелкие ощеренные зубы.

— Какое дело у вас? — спросила дама.

— Бумага о прокляванной голове моей, — ответил Михайлов.

— Бумага о прокляванной голове его, — повторил ортодокс.

Незрячие зрочки его быстрыми желваками бегали под розовой кожицей неоткрывающихся век. Герман протер глаза и улыбнулся притягательной улыбкой безусловно коллегиального расположения к решению вопроса в духе времени.

— Оставьте документ, — кивнула дама. Она поднесла палец к дырке, зацепила ногтем струйку пара, примазала к заявлению и размашисто начертала: «На аналитическое углубление народному заседателю Сысойке! Мгновенно исполнить, ибо промедление подобно преступлению!»

— Ждите ответа, — кивнула дама. Ортодокс поцеловал ее в губы долгим засосом. Дама прикрыла веки, тяжелое ее тело впало в сладостный раж. Потом она оторвалась от ортодокса и в упор посмотрела на замешкавшегося Михайлова — величественно вскинув голову, обрамленную пылающим медным волосом и слегка присыпанную пеплом. То, роняя с крыльев пепел и пыль давно сгоревшего времени — исчезнувших городов, библиотек, музеев, людей, — летела над землей серая древняя птица, спокойно щуря маленький свой глаз, в котором не было ни мысли, ни чувства, ни памяти. Она устало взмахивала крыльями, на которых лежал свет уже завтрашнего дня. Она видела то, чего еще не мог видеть Михайлов. Ранним солнечным утром завтрашнего дня, там, далеко внизу, по выпуклой, круглой Земле шла маленькая женщина — еле касаясь ее ступнями, прикрывая рукой худую, недоразвитую грудь. Глаза ее были широко открыты от ужаса, на волосах лежала первая изморозь, как, впрочем, и на деревьях, которые гигантской вереницей — уже в невесомости — тоже тянулись в том же направлении. Птица летела долго. Когда серые ее крылья влетали в полдень, маленькую женщину сильным рывком оторвало от земли, вдернуло в вереницу деревьев, опрокинуло навзничь, приперло стволами и корнями, с которых медленно-медленно опали комья земли, — и потащило туда, к дырке, уже всю побелевшую, всю блистающую инеем. Кроме птицы, лишь Герман Сысоев увидел этот блеск — он ударил ему в глаза. Герман поднял веки, присыпанные снегом, чуть высвобождаясь из-под матерой клешни Извекова. В это самое время птица бросила безразличный взгляд на двух людей, застывших в схватке посреди бесконечной снежной равнины — и ухо Германа мгновенно стало каменным; серым и древним, как она сама...

НЕГАЛЕРЕЙНЫЙ ХУДОЖНИК АРКАДИЙ ПЕТРОВ

«Сталинская область, станция Никитовка, шахта «Комсомолец», улица Ленина. Шахты 19—29, «Кочегарка», 5-бис, «Мария». Пивнушки, забегаловки, самогон. Пыль, грязь, пьяные мужики. Зелени мало. Серые дома, серые заборы, сарай. Большие общие дома-казармы... Глубокая провинция — не деревня, не город. Шахтерский поселок...» Так вспоминает свое детство Аркадий Петров — знаменитый неизвестный художник нашего времени, родившийся в провинции, работающий в Москве.

«Знаменитый неизвестный» пишу вовсе не из склонности к газетным оксюморонам и парадоксам. Неизвестный художник — это как бы его амблуд и в жизни, и в искусстве. Несмотря на далеко не юный возраст, Аркадий Петров — представитель поставангарда: после квартирных выставок, «бульдозеров», «Пчеловодства», Малой Грузинской. Он не стоял у истоков в 60-е, не прорывался с шумом сквозь идеологические бастионы в 70-е, не уезжал за океан показывать оттуда вынутую из кармана фигу в 80-м. При этом, несмотря на явную принадлежность к соц-арту, одна пара родоначальников которого, Комар и Меламид, уже манифестирует «групповой» характер этого направления, Аркадий Петров ни в какие группировки не вписывается. Если большая часть «соц-артистов» сосредоточена на государственной, идеологической культуре советского строя, то, наоборот, — на бытовой, массовой культуре советского человека. Вильям Мейланд очень точно назвал Петрова «неправильным художником», и эти слова име-

Фото В.Шилова

ют отношение не только к его живописи, но и к имиджу человека, чуратощегося компаний и застолий.

Однако, вопреки всему вышесказанному, то, что Аркадий Петров — знаменитость, неоспоримо с 1984 года, когда состоялась первая выставка его живописи. Сам он называет ее кастрированной и даже сегодня морщится, вспоминая двух теток —

в сущности, вылитых героинь его полотен, — которые от имени управления культуры решали, что можно показать зрителю, что нужно дорисовать за одну ночь, а что следует отправить в чулан. Сменили, но именно тогда Русский музей закупил десять картин Петрова — все из числа тех, что тетки убрали в чулан. Однако, несмотря на ужасы агонизирующего соц-

вандализма, выставка прошла с успехом, и в Москве имя художника сразу запомнилось, а его картины поехали по городам и весям Европы и Америки, иногда гомеопатическими дозами появляясь на групповых выставках.

Но совершенно закономерно пришел-таки 1988 год, когда в начале весны была шумная премьера фильма Сергея Соловьева «Асса» в ДК МЭЛЗ, где в небольшом, но созвучном работам Петрова залышке со сталинской лепниной не меньше ста тысяч человек увидели его картины. А потом, в начале того же лета, прошел московский аукцион «Сотбис», на котором наш «потешный авангард» 80-х разлетелся по миру. Правда, дальше в списке выставок работ художника опять первенство у заграничьи. А вот чуть больше года назад художественная богема устроила страшный «лом» на выставку Петрова в Центральном доме кино, где теперь уже знаменитый провокатор из галереи «Риджина» Олег Кулик устраивал «шоу со жратвой». Этот прецедент послужил художнику и уроком, и соблазном: гуляние с водкой было им отмечено как чужеродное, а идея театризации принята как своя.

Мы беседовали с Аркадием Петровым незадолго до открытия его большой выставки в Доме художника на Крымском валу. В подвальных холстах были повернуты к стене, на столе стояли искусственные цветы в разноцветных бутылках, над головой висели подкрашенные анилином фотографии. Как он писал в одном из рассказов, «красивая жизнь», нарисованная за три рубля.

— Чувствуете ли вы себя художником с мировым именем?

— Это провокационный вопрос, я понимаю. Люди обычно начинают улыбаться, ерничать после таких вопросов. А я не буду. Я человек битый, много видел и ко всему теперь отношусь равно. Правда, от многого пытаюсь уйти. На ваш вопрос отвечу: нет. И еще: никогда к этому не стремился. Я «подвальный» человек, контактов у меня мало. И еще у меня такая есть особенность — водки не пью...

Конечно, я чувствую, будь я покоммуникабельнее, по-

практичнее, наверное, можно было бы сделать что-то большее из моей карьеры художника.

— Чего бы вы еще хотели?

— Немного. Хороших условий для работы. Думаю, многие так ответят. Хоть я и «подвальный» человек, но в подвале все-таки тяжело работать, молодые ребята больше двух лет не выдерживают. Мне иногда хочется выставку назвать «25 лет в подвале». Ведь постоянная стрессовая ситуация, наверное, накладывает отпечаток не только на мою жизнь и характер, но и на холсты.

— Как вы относитесь к

мнению, что соц-арт умер, а художникам этого направления больше незачем работать?

— Да, соц-артистское время окончилось. Зато теперь в полную силу начало проявляться то, что было в нем подлинным и ценным, а что — ложным. Я даже не о художниках говорю, а о жизни. Вот выходил на сцену Хазанов и слегка намекал — и все восхищались: ах, Хазанов! Или ставил спектакль Любимов и тоже намекал — и все говорили: ах, Таганка! Сегодня эта ложность и намеки стали неинтересны, так что

многим просто нечем жить.

— А ваша работа?..

— У меня никаких сдвигов не произошло. Я продолжаю работать. Я всегда был независим от конъюнктуры. А что у меня могло измениться, если я по-прежнему ни от кого не завишу?

— Но сейчас в Москве появилось несметное количество галерей, многие из которых наверняка захотели бы работать с вами.

— Да, предложений много. Но я знаю, что мне с любым галерейщиком будет трудно работать — я не галерейный художник.

— А что такое галерейный художник?

— Это — надежный человек, который работает ровно и четко, без закидонов. А я могу подвести. Например, галерейщик в меня деньги вкладывает, делает рекламу, показывает мои работы — Аркадий Петров, мол, такой художник. А я за это время вдруг взял и изменился. Пришли покупатели за товаром, а товар-то совсем другим оказался. По натуре я экспериментатор-работяга: если напишу удачную, красивую работу или серию, то вторую такую не стану делать. Хотя понимаю, что она будет иметь успех, ее купят. Не могу жить под прессом чьих-то мнений, или одной манеры, или желаний выставиться, продать картину. Поэтому в жизни мне довольно трудно приходится, и материально — тоже...

— Ваше собственное определение «негалерейный художник» означает, что у вас нет определенной, четкой линии в творчестве?

— Почему? Она есть. Я часто отхожу от нее, но всегда возвращаюсь, обогащенный опытом очередной ошибки или, наоборот, — удачи.

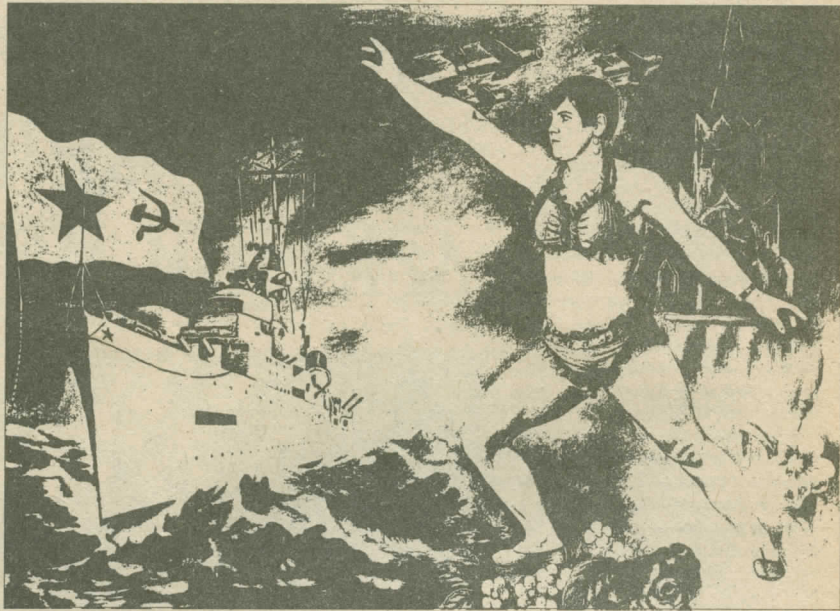
— Что вы делаете со своими ошибками — оставляете себе в назидание?

— В общем, нет — у меня много холстов записано. Я даже уничтожаю их под впечатлением какой-то обиды, плохого настроения, чьих-то дурных слов. Потом жалею, конечно, но от собственной страстности не уйдешь — человек я неровный.

— Что больше повлияло на ваше творчество — примитив или соцреализм?

— Кич, скорее всего. Кич как разновидность массовой культуры вбирает в себя все. Это — базар, где продается и примитив, и народное искусство, и безвкусовые поделки, и старье всякое, и даже дорогие старые вещи. Для меня часто посещение базара важнее, чем посещение выставки. Конечно же, я учился в высшем учебном заведении, знаю историю искусства и большие проявления любого стиля так или иначе оказывали на меня влияние. Мне всегда нравился и сейчас нравится Сезанн. Хотя что значит — нравится? Я ему отдаю должное, он мне близок. Но моя сокровищница — это базар. И еще — искусственные цветы, политые воском, выброшенные с могил веночки: они с таким благородством валяются в

А. Петров
Жди меня

грязи под ногами, их так время потрепало, что уже не скажешь какого они цвета — они как бы перламутровые... Еще — я уже лет тридцать собираю фотографии, покупаю на рынке пуговицы, фантики, наклейки от бутылок, флаконы от старых духов. Вообще — собираю мир средних людей.

— А потом этот мир и его героев вы переносите в свои картины?

— Да. Мне интересен мир простого, среднего человека — никому не известного, незаметного, чье лицо спутаешь с десятком других. Для него я работаю. Я знаю его культуру — вот этот самый базар, песни под баян, танцы под патефон, перлы типа «люблю меня, как я тебя», открытки «Привет с Кавказа». Я сам оттуда вышел, из этих людей, поэтому у меня на картинах появляются мощные собирательные образы и одновременно какие-то очень конкретные узнаваемые вещи.

— То есть, когда вы рисуете целующихся голубков, портреты в «сердечках» или пишете на картине «в Москве живет Алла Пугачева», — вы даете зрителю, как приманку, внешний, общий знак жизни?

— Это одно из средств введения зрителя в мой мир. Но к зрителю я отношусь как к равному, поэтому эти знаки все-таки не любовные. Человек должен сам с моей картиной поработать и найти ее внутренний смысл, подтекст.

— Так мы вернулись к вопросу о выставках: ведь

художник работает, чтобы его картины увидели?

— Конечно, я всегда хотел и хочу выставляться. Но с выставками у меня связаны не очень приятные воспоминания. От того, что со мной вытворяли в 84-м году; до сих пор в себя прийти не могу. На «Ассе», правда, была хорошая маленькая, совершенно бесцензурная выставка. Там я и познакомился с Юрой Никичем, который сейчас делает мою первую, как я считаю, настоящую персональную выставку. Мы хотим сделать все по высшему разряду: чтобы стены были чистые — ну сколько можно на это не обращать внимания! — чтобы картины висели свободно, со смыслом...

— Но на это сегодня требуются очень большие деньги.

— Я это прекрасно знаю. Мне, несмотря ни на что, очень повезло в жизни — появился человек, которого я даже не могу просто назвать спонсором. Это председатель товарищества «Русский купец» Василий Яковлевич Панченко, которому понравились когда-то мои работы, поэтому он вникает в мои проблемы, помогает их решать. Сейчас он платит огромные деньги за все шоу в ЦДХ, которое мы назвали «Танцплощадка».

— Шикарные поминки по соц-арту?

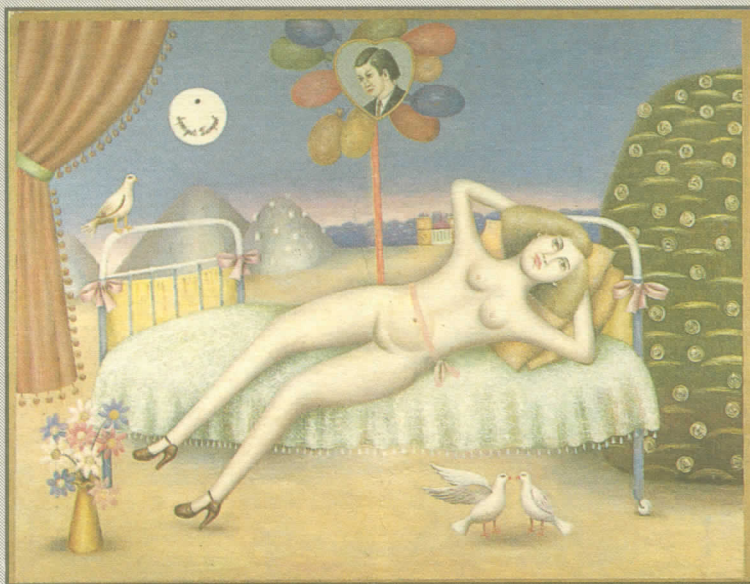
— Нет, поминки не получаются. Ведь нельзя же все-таки устраивать поминки по своему детству — оно все равно всегда при вас. Так и соц-арт — это время всегда будет с нами, по крайней ме-

ре, с несколькими поколениями в этой стране. Новое время, конечно, заставляет делать переоценку того, что связано с чем-то слишком конкретным, фельетонным, что ли. Но любовь, красота, человеческая слабость вечны, какой бы временной и социальный материал ни использовал художник. Я ни от чего не собираюсь отказываться и устраивать поминки по своей жизни.

В рассказе, состоящем из перечислений, Петров написал: «Сталинская архитектура теплее современной». Что на это возразить? Нечего. Действительно, у нас была одна на всех «прекрасная эпоха». Кто ее не застал — видел в кино, на фотографии из домашнего альбома и в великой «Книге о вкусной и здоровой пище». На самом-то деле ее не было, а в памяти она живет.

С 13 марта сам художник, международное агентство АРТ МИФ и русский купец Василий Панченко приглашают всех желающих в лучший зал ЦДХ на «Танцплощадку» Аркадия Петрова. Кому есть что вспоминать, вспомните, как это было: «Цвела сирень, благоухали розы, серебрились тополя. Рядом с пивнушкой — недействующий фонтан. Когда на танцплощадке играл духовой оркестр, почему-то сладко замирало сердце. Пахло фиалками. И радостно, и грустно. Тревожно поднять глаза на женщин. Они все красивые и очень тянут к себе...»

Ирина ЛЮБАРСКАЯ

А. Петров. Красавица. Холст, масло

А. Петров. Привет из Сочи. Холст, масло

Банковская карточка

21-3-198

